

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Учреждение Российской академии наук
Институт Дальнего Востока РАН

**АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ЯПОНИИ**

Выпуск XXV

Москва ■ ИДВ РАН ■ 2011

УДК [308+32/33+908](520)
ББК 66.3(5Япо)
А 44

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

к.и.н. А.А. Козлов, к.и.н. Е.В. Кобелев

Редакционная коллегия:

к.и.н. В.Н. Павлятенко (отв. ред.), Н.П. Дмитриевская

А 44 **Актуальные проблемы современной Японии.** Вып. XXV.
— М.: ИДВ РАН, 2011. 166 с.
ISBN 978-5-8381-0202-7

Очередной выпуск ежегодного сборника статей по актуальным проблемам современной Японии содержит статьи по широкому кругу проблем, а именно, внутривнутриполитических (отстранение ЛДП от власти), внешнеполитических (затронута проблема взаимоотношений Японии с Россией и Кореей), экономических (технологии как средство преодоления экономических кризисов) и т.д.

В выпуске широко представлен культурный аспект изучения Японии. Сразу четыре статьи посвящены изучению японской культуры; опубликованные материалы позволяют больше узнать о традициях японского народа, а также познакомиться с некоторыми особенностями современной японской культуры.

ISBN 978-5-8381-0202-7

УДК [308+32/33+908](520)
ББК 66.3(5Япо)

© Коллектив авторов, 2011
© ИДВ РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Калмычек П. А. Взаимодействие бюрократических и политических элит в Японии.....	4
Цветова И. А. Недолгое правление кабинета Т. Асо — завершающий эпизод кризиса и утраты политической власти ЛДП	25
Казаков О. А. Премьер-министр Японии Ю. Хатояма: падение без поддержки	54
Кузьминков В. В. Проблема территориального размежевания между Россией и Японией: международно-правовые основы	60
Гринюк В. А. Японские ученые о столетии аннексии Кореи	86
Сенина Д. Н. Технологии как средство преодоления экономических кризисов производственными компаниями Японии.....	98
Железняк О. Н. Распространение японского языка в мире — одна из задач японской политики.....	115
Федотова Т. В. Праздник Бон в контексте календарной культуры японцев	130
Воркина К. С. Семья в жизни самурая	139
Рябов К.О. Феномен понятия «кавай» в японской анимации и массовой культуре	154

П. А. Калмычек

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БЮРОКРАТИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ЯПОНИИ

Мировой финансовый кризис, наступление которого стало очевидным осенью 2008 г., повлек за собой появление новой глобальной тенденции — усиления роли государства в экономике и других сферах деятельности общества. Проблема эффективного и гибкого государственного управления вновь становится чрезвычайно актуальной. Похожую ситуацию могли наблюдать более 30 лет назад, когда под влиянием череды кризисов страны Запада столкнулись с необходимостью провести коррекцию системы экономического регулирования. В тот период был сделан вывод, что государственный аппарат утратил свою эффективность и из средства решения экономических и иных вопросов превратился в часть проблемы. Политики все чаще стали относиться к чиновникам как к своеобразному барьеру, стоящему на пути реформирования существующей структуры. Целый ряд новых лидеров стран Запада, в их числе Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган, взялись за перераспределение полномочий в пользу политиков¹. На Западе получила популярность теория, отстаивающая необходимость либерализации экономики, снижения роли государственного регулирования («тэтчеризм»), усилились позиции сторонников глобализации. В 1980-х годах Япония стояла особняком от этих общемировых тенденций. Кризисные явления мировой экономики затронули страну лишь частично, и правящие круги не стали спешить с дерегулированием экономики и проведением кардинальной административной реформы. В то же время для Японии, где экономическое развитие в течение полувека обеспечивалось слаженной работой партийных политиков и чиновников, проблема взаимодействия этих двух ветвей элиты представляется особенно важной.

Последние 20 лет японская модель экономики сталкивается с серьезными трудностями, требующими перестройки как общего направления развития основных составляющих народного хозяйства, так и кардинальной реформы политической системы. Общество, недовольное результатами проводимой правящими кругами политики, все больше критикует не только сменяющих друг друга политиков, но и считавшуюся до последнего времени «неприкасаемой» верхушку японского чиновничьего мира. Следует отметить, что высшая бюрократия в Японии является важнейшей составляющей правящей элиты и аккумулирует значительную часть реальной политической власти. В то же время отношение к чиновникам в обществе в современной Японии далеко не однозначно. Их часто упрекают в узурпации власти, отсутствии гибкости и инициативы, а также непонимании нужд и устремлений обычных граждан, недовольство которых вызывает и тот факт, что зачастую именно за чиновниками, не подконтрольными избирателям, остается последнее слово при выборе направления развития страны.

С начала 1990-х годов население постепенно теряет доверие к системе государственной службы, а чиновники все чаще становятся объектом публичной «порки» бюрократов (так называемой *канрё татаки*) в средствах массовой информации, где они наряду с политиками стали главным объектом критики, в том числе и за то, что эти две основные части японской властной элиты никак не могут найти общего языка по вопросам реформирования японской политико-экономической системы. Тема противостояния Касумигасэки и Нагататё — двух столичных районов, в которых расположены большая часть центральных министерств и парламент Японии — продолжает оставаться одним из наиболее обсуждаемых вопросов в японских средствах массовой информации.

Традиция изучения взаимодействия политиков и чиновников восходит к Макс Веберу и его «идеальному типу» бюрократии. В науке до сих пор преобладает использованное немецким ученым понимание термина «бюрократия» как системы управления, осуществляемого на постоянной основе на базе установленных правил, подготовленных профессионалами. Макс Вебер в своей работе «Хозяйство и общество» подчеркивал, что противостояние чиновников и политиков — одна из центральных проблем эф-

фективного функционирования демократической политической системы. Исследователь считал, что бюрократический аппарат в ходе своего развития неизбежно начнет отстаивать собственные интересы, которые могут войти в противоречие с нормами демократии. В качестве одного из решений этой проблемы Вебер указывал на необходимость сильной политической власти, способной выступить противовесом влиянию бюрократии². Известно, что к подобным выводам его подтолкнуло изучение чрезвычайно развитого административного аппарата Пруссии того времени. Сегодня, наряду с Германией, исследователи административных систем часто обращаются к примеру Японии, структура государственного управления которой в настоящее время представляется ничуть не менее развитой (не зря же японцев иногда называют «азиатскими немцами»)³.

Значительное влияние бюрократии — давняя особенность японской политической системы. В то время как парламентская демократия зародилась в Японии сравнительно недавно⁴ и партии можно назвать привнесенным в японскую политическую культуру элементом, чиновничество появилось в Японии вместе с формированием в стране централизованной власти еще в VII в. Взяв за образец китайский вариант государственного устройства, японские правители старательно скопировали и стройную бюрократическую систему с рангами и обязательными экзаменами для поступления на службу и дальнейшего продвижения по служебной лестнице⁵. В дальнейшем развитие этой системы шло по собственному пути, сохраняя в то же время печать своего происхождения. Современная история чиновничества в Японии начинается с 1945 г., когда после поражения во Второй мировой войне страна находит в себе силы вернуться на путь поступательного развития. В центре организации процесса возрождения вновь оказались чиновники, которых, в отличие от политиков, практически не затронули кадровые чистки, проводимые оккупационными властями.

Уникальность послевоенного политического развития Японии заключалась в том, что, за исключением короткого периода пребывания у власти коалиционного правительства во главе с социалистами в 1947–1948 гг., консервативные силы неизменно одерживали победу на выборах в общенациональные органы власти и возглавляли правительство. В 1955 г. две ведущие правые пар-

тии — Либеральная и Демократическая — объединились, чтобы создать Либерально-демократическую партию (ЛДП), которой было суждено на протяжении 38 лет единолично, а затем с помощью младших партнеров по коалиции, оставаться у власти и формировать кабинет министров. Послевоенное политическое устройство Японии получило название «система 1955 г.» и характеризовалось устойчивым балансом сил между правящей ЛДП и оппозицией, представленной главным образом Социалистической партией Японии. Несмотря на усложнение со временем политической карты страны и появление новых партий, соотношение сил правящей партии и оппозиции затрудняет определение характера политической системы. До сих пор не существует единой точки зрения на то, можно ли назвать послевоенную политическую систему Японии по-настоящему многопартийной. В частности, Роберт Скалапино и Масуми Дзюнносукэ в своей работе «Партии и политика в современной Японии»⁶ предложили для определения японской партийной системы 1960-х годов термин «система одной с половиной партии», где ЛДП являлась полноценной политической партией, а Социалистическая партия⁷, постоянно находясь в оппозиции и исполняя роль критика правительства⁸, — половиной партии. Этот термин получил большое распространение, и в настоящее время часто используется в отношении не только 1960-х годов, но и всего периода с 1955 по 1993 г. В то же время господствующее положение Либерально-демократической партии, безусловно, не является уникальной чертой японской партийной системы. Примеры такого рода в разные периоды XX в. можно найти и в таких вполне благополучных демократических странах Западной Европы, как Швеция, Норвегия, Италия, а также ближайших соседей Японии — Южной Кореи и Тайване. И хотя, в отличие от большинства этих стран, до 1990-х годов ЛДП правила единолично, не входя в коалиции с другими партиями, партийную систему Японии в послевоенный период нельзя назвать однопартийной — партии оппозиции, пусть и безуспешно, однако вполне регулярно бросали вызов монопольному господству либерал-демократов.

В условиях правления Либерально-демократической партии в Японии сложилась система устойчивых отношений между политиками, высокопоставленными чиновниками и влиятельными представителями делового мира (так называемый «стальной тре-

угольник»⁹). Эти отношения стали одним из факторов стабильности «системы 1955 г.» и фактически определяли выработку и претворение в жизнь всех главных задач политического курса, за исключением высокочувствительных для общества вопросов потребительского налогообложения, внешней политики, конституции и т.д. Процесс принятия решений в основном заключался в переговорах либерал-демократов с чиновниками и представителями бизнеса. Оппозиционные партии крайне редко участвовали в этих обсуждениях и лишь на вторых ролях. Однако, в то время как длительное правление Либерально-демократической партии у власти создавало впечатление сильной государственной власти в Японии, ожесточенная борьба между фракциями внутри ЛДП в послевоенный период привела к тому, что бюрократии было позволено захватить инициативу и самостоятельно продвигать экономическую политику.

Исследователи японской послевоенной истории часто указывают на лидирующие позиции чиновников в процессе выработки политического курса в Японии в этот период. В частности, можно отметить работу Чалмерза Джонсона «Министерство внешней торговли и промышленности и японское чудо»¹⁰, в которой подчеркивается первостепенная роль этого ведомства в достижении успеха в экономическом развитии Японии с 1925 по 1975 г. Несмотря на то что автор отмечает рост роли политиков в выработке решений после прихода к власти премьер-министра Какуэй Танака¹¹ в 1972 г., он тем не менее подчеркивает, что бюрократия продолжает оставаться главной движущей силой, будучи в то же время неподконтрольной избирателям. Это, как отмечает Джонсон, оказывало влияние на укрепление однопартийного господства ЛДП, которая не только могла целиком сосредоточиться на межфракционной борьбе, но и была единственной из партий, кто имел тесные связи с чиновниками, что делало ее позицию привилегированной.

Безусловно, рост влияния бюрократии был связан не только с отсутствием ограничивающего фактора в виде сильной политической власти. Свою роль здесь сыграли и сами чиновники. Американский политолог Пемпел выдвигает три главных фактора эффективной деятельности японской бюрократии. Во-первых, чиновники при использовании административного ресурса ру-

ководствовались не только политическими соображениями, но и не были слишком деполитизированы, чтобы в своих решениях ориентироваться лишь на технические данные. Во-вторых, они не были излишне пассивны, но в то же время не претендовали на роль лидеров. И, в-третьих, бюрократы в Японии, как правило, избегали ставить интересы своих ведомств выше общенациональных¹². Признавая важность этих факторов, можно выделить и другие характеристики, повлиявшие на укрепление роли бюрократии в послевоенный период. Так, следует отметить, что система государственного управления в Японии обладала всеми характеристиками «идеального типа» бюрократии Вебера – иерархией (опирающейся, помимо всего прочего, на сильную конфуцианскую традицию в стране), безличностью (ответственность за принятие решений в Японии распределяется по многочисленным отделам министерств и подчиняется целому набору правил, обеспечивающих их компромиссность), постоянством (государственная служба обеспечивает своих сотрудников полной занятостью и в большинстве случаев пожизненным наймом), квалификацией (действующая в Японии строгая система экзаменов для приема на государственную службу гарантирует, что в высшую бюрократию действительно попадают лучшие из лучших¹³). Помимо перечисленных факторов, можно упомянуть и престижность работы в государственном аппарате. Это привело к тому, что среди руководства министерств большинство составляли выпускники самых престижных университетов.

Привлекательность государственной службы для выпускников была обусловлена и тем фактом, что зачастую она являлась лишь первым шагом на пути построения карьеры и в других сферах. В Японии все три стороны треугольника – политики, чиновники и предприниматели – не являются обособленными группами. В послевоенный период сложилась практика, согласно которой часть бюрократов после карьеры в министерствах уходила в правящую Либерально-демократическую партию (в гораздо меньшей степени в другие партии) и продолжали там свою деятельность.

Внутри ЛДП даже существовало разделение на «карьерных» политиков (*тодзинха*) и выходцев из среды чиновничества (*канрёха*). Чиновники после увольнения с государственной службы и вступления в партию использовали свои связи с бывшими коллегами,

финансовыми кругами и знание законодательства. Большинство же выходцев из бюрократии продолжали свою карьеру в частном секторе или публичных корпорациях. Это явление получило название *амакудари* – дословно «схождение с небес». *Амакудари* нередко критиковалось (и критикуется) обществом из опасения, что во время своего пребывания на государственной службе чиновники будут более подвержены коррупции из-за стремления подготовить себе высокооплачиваемое место в какой-нибудь частной компании путем предоставления разного рода преференций.

Попытки каким-то образом нарушить *status quo* в отношениях между политиками и чиновниками были предприняты в Японии в начале 1980-х годов, что совпало по времени с подобными тенденциями в других странах мира. Первые реформы системы государственного управления связаны с именем Ясухино Накасонэ, который стал премьер-министром в ноябре 1982 г., имея опыт работы на должности министра по административной реформе. Уже в первые дни своего назначения он заявил, что перемены в бюрократической системе будут одним из приоритетных направлений его политики. Накасонэ обещал расстаться с послевоенным политическим наследием и заявлял, что страна нуждается в новом административном аппарате для дальнейшего развития. Основным результатом преобразований стала приватизация ряда общественных корпораций (государственных железных дорог JR, телекоммуникационной NTT и производителя табака Japan Tobacco) и сокращение аппарата правительства. Однако размах реформ в Японии оказался меньшим, чем в странах Запада.

Оставшись без изменения, ряд характерных особенностей политической системы Японии в то же время привел к появлению негативных тенденций в развитии государственной службы и механизма выработки политического курса. Значительное влияние бюрократии, а также кулуарный характер принятия решений неизбежно сказывались на прозрачности деятельности властных структур и степени вовлечения рядовых граждан в политический процесс. Это стало одной из предпосылок роста коррупции.

Одним из таких коррупционных скандалов, вызвавший широкий общественный резонанс, стал инцидент с компанией «Рикуруто» в 1988–1989 гг., в результате которого премьер-министр Нобору Такэсита был вынужден подать в отставку. Под

подозрением в злоупотреблениях оказался широкий круг бюрократов, бизнесменов и политиков. Начало скандалу положила публикация в июне 1998 г. в газете «Асахи» статьи о заместителе мэра одного из японских городов, который приобрел у компании «Рикуруто» ее акции, еще не выпущенные в открытую продажу. Когда акции оказались на рынке, их ценность многократно возросла. Скандал постепенно разрастался, когда стало известно, что таким же образом акции были приобретены премьер-министром Н. Такэсита, бывшим премьером Я. Накасонэ, министром финансов К. Миядзава. Несмотря на то что подобные «подарки» от главы «Рикуруто» Хиромаса Эдзоэ, как выяснилось, получал широкий круг политиков (как из правящих, так и из оппозиционных партий) и чиновников, виновными в получении взятки были признаны лишь три человека – бывший глава коммуникационной компании NTT Хисаси Синто, один из руководителей той же компании Эи Сикиба и заместитель главы Министерства труда Такаси Като¹⁴.

Через коррупционных скандалов в 1980-х годах серьезно подорвала позиции правящей элиты Японии, ударив по репутации как политиков, так и бюрократов. Непосредственным результатом стало поражение либерал-демократов на выборах в верхнюю палату парламента в 1989 г. В стране, чье быстрое экономическое развитие в послевоенный период происходило в рамках господства одной партии, в начале 1990-х годов все чаще стали раздаваться голоса, выступающие за создание новой политической структуры со сменяемыми партиями по образцу европейской или американской.

К переменам подталкивали события не только из сферы политики. Экономика, ранее поражавшая весь мир своими высокими темпами роста, столкнулась с острейшим системным кризисом. К концу 1980-х годов диспропорции внутри экономической системы Японии привели к формированию так называемого «пузыря» – резкому росту фондового рынка за счет волны спекуляций ценными бумагами и недвижимостью. Крах «пузыря» сопровождался обвалом фондового рынка и появлением так называемых «плохих долгов»¹⁵. Японская экономика вступила в период долговременной стагнации, будучи отяжелена целым рядом структурных проблем¹⁶. Одним из препятствий для преодоления тяжелой ситуации являлся тот факт, что правительство Японии так и не

решилось на кардинальную перестройку экономики, для которой была характерна модель «догоняющего развития». Ориентируясь в своем развитии на Соединенные Штаты и страны Западной Европы, Япония, превратившись в одного из мировых экономических лидеров, не смогла оперативно выработать свои собственные механизмы поддержания устойчивого роста. Кроме того, правительство Японии слишком поздно осознало необходимость проведения структурной перестройки национального хозяйства для приведения его в соответствие с новыми, как международными, так и внутренними, стандартами. Не был реформирован в должной мере сектор общественных работ, а дерегулирование как экономической, так и социальной сферы проходило крайне медленно.

Неспособность правительства провести эффективные структурные реформы в этих областях привела к ухудшению социальной обстановки в стране. Ситуация требовала принятия решительных мер, однако система государственного управления Японии почти за полвека развития в условиях отсутствия политической конкуренции утратила свою эффективность. Ричард Катц, выступая в своем исследовании «Япония: “Прокисшая” система. Подъем и падение японского экономического чуда»¹⁷ с критикой экономической политики правительства, отмечает его крайнюю пассивность при проведении реформ. «Когда кризис все-таки происходит, кажется, что ЛДП и чиновники призывают, наконец, подготовиться к трудностям. На следующий день они стараются поддержать старую систему. Они не выступают за твердое продвижение реформы, однако не выступают и резко против. Вместо этого они колеблются и принимают полумеры. Они нерешительны. Мандарины более не знают, как управлять — и обыкновенные люди, так же, как и элиты, знают это»¹⁸.

Государственный аппарат Японии, таким образом, оказался не способен оперативно найти выход из структурного кризиса с помощью опыта предыдущих лет успешной работы. Кризис власти начала 1990-х годов, тем более явный, что обозначился в период экономических неурядиц, заставил политиков в своих публичных выступлениях заговорить о структурных реформах. Вскоре стало понятно, что перемены в Японии неизбежны: несмотря на длительное и относительно стабильное существование,

«система 1955 г.» не устояла под натиском резких изменений международной и внутренней обстановки. Летом 1993 г. на выборах в нижнюю палату парламента Либерально-демократическая партия впервые за 38 лет своего существования не смогла добиться большинства в палате представителей, несмотря на то что она осталась крупнейшей партией в парламенте. Для того, чтобы сохранить власть, ЛДП необходимо было заключить союз с кем-либо из оппозиционных партий, но ни одна из них на такой союз не пошла. Правительство было сформировано коалицией из семи партий и одной парламентской группы¹⁹. Оказавшись у власти, бывшие оппозиционеры сразу столкнулись с сопротивлением со стороны чиновников. Бюрократия была сильно обеспокоена возможностью вхождения в правительство представителей не только левой Социал-демократической партии, но и центристских Комэйто и Партии демократического социализма. Правда, эти партии в свою очередь довольно пассивно отнеслись к перспективе получения важных постов²⁰, за которые обычно происходила борьба между фракциями ЛДП, — министра иностранных дел и министра финансов. Все эти должности отошли Партии обновления, основу которой составляли недавние выходцы из ЛДП²¹.

Долго удержаться у власти правительственная коалиция не смогла — правительство М. Хосокава ушло в отставку в апреле 1994 г., правительство Ц. Хата — в июне того же года. В 1994 г., после сравнительно недолгого пребывания в оппозиции, ЛДП вновь возвратилась к власти. В то же время ее позиции были далеко не так прочны, как раньше, и с 1994 по 2009 г. либерал-демократы формировали правительство в союзе с другими партиями. После создания летом 1994 г. коалиции из Либерально-демократической партии, Социал-демократической партии и партии Сакигакэ в стране наступила эпоха коалиционных правительств (хотя начало этой эпохи было бы правомерней относить к кабинету Мориhiro Хосокава 1993 г.).

Перемены в политической обстановке в Японии в 1990-х годах не привели к прекращению существования «стального треугольника», состоящего из представителей политической, чиновничьей и бизнес-элиты, но после того, как ЛДП потерпела поражение на выборах в 1993 г., влияние политиков и их связь с высшей бюрократией ослабли. В особенности это стало заметно в период

с 1993 по 1994 г., когда у власти находилась широкая коалиция ранее оппозиционных партий: на пост глав министерств в это время назначались в основном неопытные политики, не имевшие налаженных связей внутри государственной машины Японии. Несмотря на понимание уязвимости своей позиции, а также того, что бюрократическая машина способна не только замедлить, но и полностью парализовать деятельность законодательной ветви власти, коалиционеры, тем не менее, совершили ряд других ошибок, которые еще больше усугубили конфликт между политиками и чиновниками²².

В качестве примера можно привести случай вмешательства представителя нового правительства в кадровую политику возглавляемого им министерства. Согласно давно установленной традиции, продвижения и увольнения внутри государственной службы в Японии были сравнительно надежно ограждены от прямого политического вмешательства — в Японии сложилась система, когда главой министерства назначался политик, а его заместитель назначался из чиновников. Это позволяло сохранять преемственность и компенсировать недостаточную компетентность политиков в делах возглавляемых ими министерств. Однако, когда в декабре 1993 г. член Партии обновления Хироси Кумагаи возглавил Министерство внешней торговли и промышленности, в качестве одного из своих первых шагов на посту министра он заставил подать в отставку ведущего кандидата на высший неполитический пост в министерстве — Масахиса Наито. Причиной для подобного решения стал тот факт, что Наито дал повышение одному из чиновников министерства, ранее участвовавшему в выборах в нижнюю палату парламента 1993 г. от ЛДП, что было расценено как попытка повысить его шансы на следующих выборах. Данный инцидент оказал разрушительное воздействие на одну из главных негласных договоренностей существовавшего ранее консервативного режима. Кроме того, отставка Наито была использована либерал-демократами для обвинения правящей коалиции в неумелом вмешательстве в функционирование госаппарата.

Налаживанию отношений между правительством Хосокава и высокопоставленными сотрудниками министерств также мешало опасение последних, что чересчур тесные связи с представителями восьмипартийной коалиции могут, в случае возвращения ЛДП

к власти, повредить их карьере. Стоит отметить, однако, что масштабы «мести» бюрократам со стороны либерал-демократов за сотрудничество с коалицией, находившейся у власти в 1993—1994 гг., оказались достаточно малы. Более того, когда в 1994 г. ЛДП вновь стала правящей партией, либерал-демократы по своей инициативе выразили желание вернуться к тем отношениям, которые существовали до 1993 г.²³ Тем не менее частичное ослабление позиций либерал-демократов, а также коалиционный характер новых правительств привели к тому, что, по выражению Д.В.Стрельцова, «бюрократия, лишившись привычных ориентиров, определявшихся ранее стабильностью однопартийной власти, стала более независимой в своих решениях от мнения политического руководства»²⁴. Несмотря на сравнительно быстрое возвращение либерал-демократов к власти в 1994 г., политическая неопределенность, последовавшая вслед за окончанием стабильного правления ЛДП, нарушила сбалансированные связи внутри «стального треугольника» и увеличила неэффективность принятия решений²⁵.

Довольно скоро это перестало быть внутренней проблемой правящей элиты. После ряда скандалов в правительстве и банкротства нескольких крупных ипотечных компаний вопрос эффективного функционирования государственного аппарата привлек внимание всего общества. Кризис кредитования жилищного строительства в 1996 г. вызвал к жизни дебаты о необходимости реформирования Министерства финансов и распределения его функций между несколькими независимыми ведомствами. Критики заявляли, что сфера полномочий министерства слишком широка, что приводит к злоупотреблению властью и искажению политического курса правительства. Привлек внимание общества и скандал с Министерством здравоохранения и благосостояния. Выяснилось, что ведомство оказалось не в состоянии предотвратить заражение пациентов вирусом иммунодефицита человека через донорскую кровь, проигнорировав уже известные к тому времени меры предосторожности²⁶. Кроме того, незадолго до этого в 1995 г. Япония пережила разрушительное землетрясение, которое показало несовершенство существующей системы, неспособной быстро и эффективно реагировать на катаклизмы такого масштаба.

Таким образом, перед следующим правительством стояла задача восстановления системы эффективного государственного

управления и возврата доверия к ней у общества. На первый план административная реформа вышла весной 1996 г. накануне выборов в нижнюю палату парламента. Практически все политические партии включили обещания реформы государственного аппарата и конкретные предложения по ее проведению в свои предвыборные платформы. Суть их в основном сводилась к созданию «маленького правительства» — уменьшению числа чиновников и повышению эффективности их работы. Результаты выборов 20 октября 1996 г. укрепили позиции ЛДП в парламенте (ЛДП завоевала 239 мест — на 28 больше, чем на предыдущих выборах)²⁷ и фактически дали лидеру либерал-демократов Рютаро Хасимото мандат на проведение решительных преобразований.

В качестве одного из первых шагов Хасимото учредил Совет по административной реформе (*Гёсэи каикаку каиги*), в работе которого принял затем непосредственное участие. Правительство подготовило пакет мер в шести областях — административной, бюджетной, социальной, экономической, финансовой и образовательной. Основными результатами административной реформы стало сокращение числа министерств (12 вместо 22), расширение полномочий премьер-министра и его кабинета. Были приняты меры по улучшению реагирования на чрезвычайные ситуации. Интересно, что бюрократия, представители которой не входили в Совет, пыталась оказать давление на его деятельность через секретариат (находившийся под контролем чиновников). Однако, когда Хасимото узнал об этих попытках, он принял решение во время проведения заседаний основываться только на информации, предоставляемой членами Совета²⁸.

При ближайших преемниках Рютаро Хасимото на посту премьер-министра Японии — Кэйдзо Обути и Ёсиро Мори — дальнейшее реформирование административной системы замедлилось. Первый в основном был занят поддержкой экономики с помощью финансового стимулирования, а Мори продвигал реформы в области информационных технологий²⁹. Так, Обути, несмотря на то что на словах выступал за продолжение административной реформы, в реальности не уделял ей достаточного внимания. К примеру, в ходе своего правления он посетил лишь 5 из 14 заседаний Совета по административной реформе, а стенограммы заседаний не сохранили следов его активного участия³⁰.

Значительные перемены произошли при Дзюнъитиро Коидзуми. В первую очередь новый премьер-министр занялся вопросами дерегулирования, начав проведение реформы почтовой системы и приватизацию специальных общественных корпораций. В ходе правления Коидзуми отношения премьер-министра с высшей бюрократией претерпели изменения, связанные, в первую очередь, с личностью самого политика. По воспоминаниям министра кабинета Хэйдзо Такэнака, Коидзуми вел себя крайне независимо, не полагаясь на помощь чиновников даже на парламентских сессиях вопросов—ответов (ранее политики обычно использовали материалы, подготовленные служащими профильных министерств)³¹. Коидзуми находился на посту премьер-министра более 5 лет и сумел довольно далеко продвинуться по пути дерегулирования японской экономики, при этом нередко вступая в противостояние с собственной партией.

Еще в начале своего правления он попал под огонь критики в связи с деятельностью своей ближайшей сподвижницы — Макико Танака³² — на посту министра иностранных дел. Во время пребывания во главе японского внешнеполитического ведомства она испортила отношения со своими подчиненными, дав ход расследованиям нецелевого использования государственных средств. Кроме того, она попыталась вмешаться в кадровую политику министерства. Активность Танака встретила ожесточенное сопротивление чиновников, которые не упускали случая организовать утечку нелицеприятной информации или анонимно поведать средствам массовой информации о странных привычках и поведении своего министра³³. В итоге под давлением чиновников и собственной партии, равно как и СМИ, Коидзуми не только вынужден был отправить Макико Танака в отставку, но и назначить на освободившийся пост явно компромиссную фигуру (новый министр иностранных дел Ёрико Кавагути попала в Либерально-демократическую партию после долгой карьеры в государственных учреждениях). Возможно, это столкновение с чиновниками стало одной из причин того, что, проводя активные преобразования в различных областях, Коидзуми не стал заниматься реформой самой бюрократической системы, оставив эту проблему следующим поколениям премьер-министров.

Уровень популярности и общественной поддержки Дзюнъи-

тиро Коидзуми оказался недостижимым для его непосредственных последователей на посту главы правительства. В условиях ослабления политического руководства происходит рост влияния бюрократов. Отсутствие гармонии в отношениях между политиками и чиновниками стало очевидным при непосредственном преемнике Коидзуми на посту премьер-министра – Синдзо Абэ, который в качестве своей политической платформы провозгласил курс на создание «красивой страны»³⁴, что предусматривало в том числе повышение полномочий премьер-министра и кадровую реформу. Пытаясь продолжить решительный реформаторский курс своего предшественника, Абэ начал активную борьбу с практикой *амакудари*, однако натолкнулся на противодействие со стороны чиновников и собственной партии.

Противостояние премьер-министра и бюрократии ярче всего проявилось в ситуации вокруг Агентства социального обеспечения. В качестве одного из важнейших пунктов своей административной реформы Абэ предполагал провести приватизацию ведомства. Это вызвало сопротивление со стороны чиновников агентства, которые организовали утечку информации о катастрофическом состоянии дел с компьютеризацией пенсионной системы в оппозиционную Демократическую партию (ДП) и средства массовой информации еще до того, как доложить об этом самому главе правительства³⁵. Возможно, Абэ смог бы выдержать этот удар по репутации и продолжить реформу, однако премьера подвела его же собственная кадровая политика – в разное время пять министров его кабинета были вынуждены подать в отставку³⁶. В сентябре 2007 г., уже через год после назначения, за ними последовал и сам глава правительства. Сменивший Абэ на посту премьер-министра Ясуо Фукуда также продержался лишь год, не сумев достигнуть компромисса с оппозиционной Демократической партией.

Отсутствие сильного лидера в рядах Либерально-демократической партии привело к тому, что следующий глава правительства был назначен по обыкновению «в порядке очереди» – Таро Асо выиграл внутрипартийные выборы с четвертой попытки, до этого последовательно проиграв Дз. Коидзуми, С. Абэ и Я. Фукуда. Т. Асо повторил своих предшественников в том, что касается низкой популярности. Столкнувшись с необходимостью принятия срочных мер по восстановлению экономической конъюнктуры на

фоне резкого падения японского рынка акций под влиянием мирового финансового кризиса, Таро Асо тем не менее не смог заручиться достаточно широкой общественной поддержкой, которая позволила бы ему проводить более решительную политику.

Кроме того, при назначении на пост премьера Асо предпочел провести явное разграничение между собой и оппозиционной Демократической партией, которая требовала урезать власть бюрократии. В своей программной речи он заявил, что чиновники не являются врагами ни для него, ни для его кабинета. Асо нередко упрекали за тесную связь с чиновниками. Так, депутат от ЛДП Ёсими Ватанабэ (занимавший пост министра по финансовой политике и административной реформе в кабинете Фукуда), в январе 2009 г. заявил о выходе из Либерально-демократической партии, обвинив премьер-министра в том, что он является представителем старой гвардии Касумигасэки³⁷, намекая на тесные связи Асо с высшей бюрократией. Ранее одна из соперниц Таро Асо на выборах председателя ЛДП, Юрико Коикэ³⁸, обещала, что в случае своего избрания на высший пост в партии «разрушит Касумигасэки и построит новую систему управления». Подобные заявления звучали и из уст руководителей Демократической партии накануне выборов в ключевую нижнюю палату парламента Японии 30 августа 2009 г., на которых ДП одержала историческую победу, завоевав большинство мест.

Правящая в настоящее время Демократическая партия объявила пересмотр отношений между политиками и бюрократами одним из приоритетов своей внутренней политики. Лидеры партии не раз выступали с критикой чрезмерного влияния бюрократии на законодательную и исполнительную ветви власти и ратовали за проведение коренной административной реформы. Накануне выборов 2009 г. один из лидеров ДП, Наото Кан, заявлял о необходимости перехода к так называемому «парламентскому кабинету», полностью свободному от влияния чиновников, для чего предложил привлечь в правительство 100 политиков и назначить их на ключевые посты (включая должности заместителей министров, которые в Японии традиционно занимают представители карьерной бюрократии)³⁹.

Безусловно, пока рано подводить итоги политики Демократической партии в этом направлении. В то же время следует отме-

тить и тот факт, что первые шаги новой власти несколько противоречат их публичным высказываниям. Так, например, в октябре 2009 г. главой Японской почтовой корпорации был назначен Дзиро Саито — бывший высокопоставленный чиновник из Министерства финансов⁴⁰. Кроме того, после ряда перестановок в сентябре 2010 г., в новом кабинете не нашлось места Акира Нагацума, одному из главных борцов с бюрократией в правительстве Демократической партии после ее победы на выборах. Некоторые обозреватели расценили этот шаг как отход от первоначального курса ДП на противостояние с чиновниками⁴¹.

Так или иначе, но тема влияния бюрократии остается актуальной. Это свидетельствует о том, что, несмотря на ряд структурных реформ, проведенных правительствами Рютаро Хасимото и его последователями на посту премьер-министра Японии, попытки избавиться от излишней бюрократической опеки не вполне удалось политикам из Либерально-демократической партии, и теперь основные ожидания на изменение ситуации в этой области японское общество возлагает на Демократическую партию.

Разграничение власти между чиновниками и политиками имеет большое значение для дальнейшего развития страны. Сохранение главенствующей роли бюрократии в системе государственной власти Японии снижает вероятность формирования стабильной политической системы со сменяемыми партиями. Будучи неподконтрольной избирателям, высшая бюрократия тем не менее зачастую определяет конкретные шаги в том или ином направлении. Кроме того, современная история Японии свидетельствует о том, что в случае отстранения, даже временного, либерал-демократов от власти эффективность деятельности нового кабинета министров при проведении собственного политического курса может быть всерьез подорвана сопротивлением со стороны высших чиновников министерств. В то же время очевидно, что для того, чтобы бросить вызов бюрократии, нужна сильная политическая власть, и для этого, думается, перемены нужны не в Касумигасэки, а в Нагататё. Станет ли такой переменной приход к власти Демократической партии, покажет уже ближайшее будущее.

⁴¹ *Peters Guy B., Pierre Jon.* Politicians, Bureaucrats and Administrative Reform. London: Routledge, 2001. P. 1–2.

² *Вебер М.* Хозяйство и общество. Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики // Российская политическая энциклопедия. М., 2004. С. 59–81.

³ В качестве примера можно привести следующую работу: *Muramatsu Michio, Naschold Frieder.* State and Administration in Japan and Germany. N.-Y.: Walter de Gruyter, 1997.

⁴ Первые политические партии появились в Японии в конце XX в., а парламент (тогда императорский) начал свою работу в 1889 г. В то же время с 1889 по 1947 г., когда в действие была введена новая конституция, партийными можно было признать лишь незначительную (примерно 1/5) часть кабинетов. В послевоенный период все без исключения японские правительства формируются главами политических партий. *Hrebenar Ronald J. Berton Peter, Nakamura Akira, Stockwin J.A.A.* Japan's New Party System. Boulder (Colorado), 2000. P. 8.

⁵ Большинство историков сходятся во мнении, что эти реформы не смогли создать эффективную и распространенную по всей стране административную систему. Впрочем, такой системы не существовало и в Китае. Япония взяла за основу идеальную модель китайской бюрократии и попыталась приспособить ее к местным условиям. *Bendix Reinhard.* Kings or People: Power and the Mandate to rule. Berkeley: University of California Press, 1980. P. 68.

⁶ *Scalapino Robert A., Masumi Junnosuke.* Parties and Politics in Contemporary Japan. Berkeley: University of California Press, 1962.

⁷ Первоначальное название партии. В феврале 1991 г. партия изменила официальное название на международной арене на Социал-демократическую партию. При этом внутри Японии старое название было сохранено вплоть до 1996 г. *Hook Glenn D.* Japan's International Relations: Politics, Economics and Security. London: Routledge, 2001. P. xxxi.

⁸ Несмотря на очевидные идеологические расхождения, эти две партии, составляющие основу «системы 1955 г.», научились работать вместе, и СП поддерживала большинство законопроектов, вносимых Либерально-демократической партией на обсуждение парламента. *Иваи Томоаки.* Риппо катэи (Законодательный процесс). Токио, 1988. С. 102–108.

⁹ Данный термин первоначально получил распространение среди исследователей политики Соединенных Штатов для обозначения отношений при выработке решений между законодателями, чиновниками и представителями деловых кругов. Позднее данный феномен прижился и в Японии, в которой становление послевоенной политической системы происходило в условиях оккупации войсками США, где получил название «*тэцу-но санкакукэй*» («стальной треугольник»).

¹⁰ *Johnson Chalmers A.* MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Stanford (CA): Stanford University Press, 1982.

¹¹ Фигура Какуэй Танака сама по себе привлекает внимание — в послевоенный период он стал одним из первых премьер-министров без опыта пребывания на государственной службе, а его образование ограничивалось незакончен-

ной средней школой. Почти все его предшественники были выходцами из чиновников — Кидзуро Сидэхара (Министерство иностранных дел), Хитоси Асида (МИД), Сигэру Ёсида (МИД), Нобусукэ Киси (Министерство торговли и промышленности), Хаято Икэда (Министерство финансов), Эйсаку Сато (Министерство транспорта) (*Baerwald Hans H. Japan's Parliament*. New York: Cambridge University Press, 1974. P. 49).

¹² *Pempel T.J. Organizing for Efficiency: The Higher Civil Service in Japan. Bureaucracy in Western Democracies / Ed. by Ezra Suleiman. N.-Y. Holmes & Meyers, 1984. P. 118. Цит. по: Byron E. Shafer. Postwar Politics in the G-7. P. 192.*

¹³ Для того, чтобы попасть на государственную службу, чиновники должны пройти строгие экзамены, и лишь крайне незначительный процент из них, получив наивысшие оценки, имеет возможность для продвижения по карьерной лестнице. Более подробно см.: *Анисимцев Н.В. Исполнительная власть Японии на рубеже веков: система и эволюция. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 73–78.*

¹⁴ *Richard H. Mitchell. Political Bribery in Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 1996. P. 124–125.*

¹⁵ *Carlisle Lonny E., Tilton Mark C. Is Japan really changing its Ways? Regulatory Reform and the Japanese Economy. Washington (D.C.): Brookings Institution Press, 1998. P. 129.*

¹⁶ *Ishi Hiromitsu. Making Fiscal Policy in Japan: Economic Effects and Institutional Settings. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 73.*

¹⁷ *Katz Richard. Japan. The System that soured. The Rise and Fall of the Japanese Economic Miracle. Armonk (N.-Y.), 1998.*

¹⁸ *Op cit. P. 341.*

¹⁹ Коалиция состояла из Социал-демократической партии, Комэйто, Партии обновления, Новой партии Японии (НПЯ), партии Сакигакэ, Партии демократического социализма (ПДС), Социал-демократического союза (СДС) и Лиги демократических реформ [*Stockwin J.A.A. Governing Japan: Divided Politics in a Major Economy. Maiden (Massachusetts): Blackwell Publishers, 1999. P. 81*].

²⁰ Первоначально СДП (как самая крупная из входящих в правящий блок партий) при формировании потребовала пост министра коммуникаций и промышленности, по важности сопоставимый с постами глав внешнеполитического и финансового ведомств. Комэйто, обещая своим избирателям проведение «политики для потребителей», и в том числе решение жилищных проблем, потребовала должность министра строительства. Министерство почты таким образом отходило Партии обновления. Однако из-за программных установок Социально-демократической партии в отношении энергетической политики, в первую очередь работы атомных электростанций, остальные партии выступили резко против того, чтобы это ведомство досталось социал-демократам. В конце концов, после консультаций трех партий СДП, отказавшись от Министерства коммуникаций и промышлен-

ности, потребовала должность министра строительства, Комэйто удовлетворилась постом министра почты, а Партия обновления — коммуникаций и промышленности (Йомиури симбун. 09.08.1993).

²¹ Там же.

²² *Babb James. Business and Politics in Japan. Manchester: Manchester University Press, 2001. P. 77–78.*

²³ Фактически, единственными жертвами нового коалиционного правительства ЛДП, СДП и партии Сакигакэ за близость к противникам либерал-демократов стали заместитель министра финансов Дзиро Саито и заместитель министра внешней торговли и промышленности Хидэаки Кумано. В то же время при смене кабинета назначение нового заместителя министра было вполне обычной практикой (*Ibid. P. 78*).

²⁴ *Стрельцов Д.В. Настоящее и будущее процесса подготовки правительственных решений // Знакомьтесь — Япония. 2000. № 27. С. 43–50.*

²⁵ Эту точку зрения, в частности можно встретить в сборнике «Хэйсэй бабуруно кэнкю: Хокайто-но фукё то фурёсэйкэн-но сёри» (Исследование «экономического пузыря» эпохи Хэйсэй: кризисное состояние после краха экономики «мыльного пузыря» и решение проблемы «плохих долгов») / Ред. Митио Мурамацу, Масахиро Окуно. Токио: Тоё Кэйдзаи, 2002.

²⁶ Первые иски против министерства были поданы еще в 1989 г., однако лишь в 1996 г. ведомство выступило с официальными извинениями и признало свою ответственность.

²⁷ *Japan Almanac. Tokyo: Toppan Printing, 1996.*

²⁸ *Tomohito Shinoda. Leading Japan: the Role of the Prime Minister. Westport (Connecticut): Greenwood Publishing Group, 2000. P. 197.*

²⁹ *Vogel Steven. Japan Remodeled: How Government And Industry Are Reforming Japanese Capitalism. London: Cornell University Press, 2006. P. 58–59.*

³⁰ *Tomohito Shinoda. Op cit. P. 194–195.*

³¹ *Takenaka Heizo. The Structural Reforms of the Koizumi Cabinet. Tokyo: Nikkei Publishing, 2008. P. 26.*

³² М.Танака была дочерью бывшего премьер-министра Какуэй Танака (о котором уже шла речь в данной статье) и так же, как и Коидзуми, являлась одним из наиболее популярных политиков Японии.

³³ Журналисты узнали о том, что у Макико Танака бывают приступы паники, а также то, что она подвергала критике план создания американской системы противоракетной обороны и сами отношения между США и Японией, что входило в противоречие с официальной точкой зрения правительства (*Japan Times. 22.12.2001*).

³⁴ См.: *Абэ Синдзо. Уцукусии куни-э (На пути к красивой стране). Токио: Бунсюэн, 2006.*

³⁵ Информацию об утрате данных по 50 млн. пенсионных дел сначала узнала оппозиция, а до Синдзо Абэ она дошла с огромным опозданием (*Nikkei BP. 19.07.2007*).

³⁶ Все началось с главы комиссии по налоговой реформе Масааки Хомма, ко-

торый был вынужден уйти в отставку после того, как выяснилось, что он поселился со своей сожительницей в государственной квартире в г. Токио, в то время как его жена осталась в г. Осака. Однако наиболее сильный удар по репутации кабинета и самого Абэ нанесло самоубийство другого действующего члена кабинета: 28 мая 2007 г. 62-летний министр земледелия, лесоводства и рыболовства Тосикацу Мацуока покончил с собой, повесившись в своей служебной квартире в Токио за несколько часов до того, как он должен был отвечать перед парламентской комиссией по обвинениям в присвоении государственных средств и незаконном получении пожертвований на ведение политической деятельности (Асахи симбун. 28.05.2007).

³⁷ Санкэй симбун. 13.01.2009.

³⁸ Еще будучи министром обороны в правительстве Синдзо Абэ, Юрико Коикэ уволила своего заместителя, назначенного из среды бюрократов, без согласования с премьер-министром. Поставив, таким образом, под сомнение его лидерство, позднее она была вынуждена подать в отставку.

³⁹ Асахи симбун. 08.04.2009.

⁴⁰ Mainichi Daily News. 22.10.2009.

⁴¹ Асахи симбун. 10.11.2010.

И.А. Цветова

НЕДОЛГОЕ ПРАВЛЕНИЕ КАБИНЕТА Т. АСО – ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭПИЗОД КРИЗИСА И УТРАТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ЛДП

Таро Асо родился 20 сентября 1940 г. в префектуре Фукуока. Как и два предыдущих японских премьер-министра, С. Абэ и Я. Фукуда, он происходил из семьи потомственных политиков в третьем поколении. Его отец Такакити Асо был крупным промышленником, с 1949 г. неоднократно избиравшимся депутатом парламента. Более знаменит его дед – Сигэру Ёсида, в течение ряда лет возглавлявший правительство послевоенной Японии и оставивший заметный след в истории страны. Т. Асо состоял в семейных отношениях с бывшим премьер-министром Дзэнко Судзуки, на дочери которого он женился.

После окончания политико-экономического факультета престижного университета Гакусюин Т. Асо начал работать в семейной промышленной компании «Асо сэманто» и в 1973 г. стал ее президентом. Некоторое время он возглавлял Японскую молодежную палату, довольно влиятельную национальную организацию молодых бизнесменов. Одновременно он активно занимался спортом, даже участвовал в Олимпиаде в Монреале в составе сборной команды Японии по стрельбе.

Политическая карьера Т. Асо началась в 1979 г., когда он впервые был избран депутатом палаты представителей по одному из избирательных округов в его родной префектуре Фукуока. В 1988 г. он был назначен парламентским заместителем министра просвещения, в 1991 г. возглавил парламентский комитет по внешней политике в палате представителей. Премьер-министр Р. Хасимото сделал Т. Асо членом правительства, назначив на пост начальника управления экономического планирования (1996–1998 гг.).

Решающие шаги Т. Асо в продвижении к вершине власти относятся к первым годам нынешнего столетия. При трех правительствах, которые возглавляли Ё. Мори, Дз. Коидзуми и С. Абэ,

он занимал важные должности либо в кабинете министров, либо в руководстве правящей Либерально-демократической партии. Премьер-министр Ё. Мори назначил Т. Асо на впервые введенную должность министра по особым поручениям, ответственного за экономическую и финансовую политику (январь — апрель 2001 г.). Премьер-министр Дз. Коидзуми сначала включил Т. Асо в «руководящую тройку» ЛДП в качестве председателя Совета по изучению политики, а затем назначил министром общих дел (с 2003 г.) и министром иностранных дел (2005—2006 гг.). Пост министра иностранных дел Т. Асо сохранил при премьер-министре С. Абэ. Осенью 2007 г. при реорганизации кабинета Абэ он был назначен генеральным секретарем ЛДП. Лишь при правительстве Я. Фукуды в течение одного года он не принимал непосредственного участия в деятельности кабинета министров и руководстве правящей ЛДП.

Начиная с 2001 г. вся политическая деятельность Т. Асо была подчинена стремлению ускорить достижение нескрываемой им цели стать лидером ЛДП и возглавить правительство Японии. Через 8 лет после безуспешного участия в трех предыдущих выборах председателя ЛДП в 2001, 2006 и 2007 гг. его мечта, наконец, сбылась. За эти годы Т. Асо стремился проявить себя активным, смелым политиком, обладающим собственными взглядами по широкому кругу разнообразных проблем, волнующих японцев. Его не смущала бурная реакция средств массовой информации на некоторые его «неосторожные», нехарактерные для большинства японских политиков публичные высказывания.

Своего рода заявкой на вступление Т. Асо в борьбу за лидерство в правящей партии стала публикация его дискуссии с авторитетным либерал-демократом Каору Ёсано в 2000 г. Дискуссия проходила в обстановке усилившейся критики в адрес ЛДП, резкого падения престижа правительства, и особенно премьер-министра Ё. Мори, предчувствия неизбежности его скорой отставки. Для Т. Асо это был удобный случай познакомить общественность со своими взглядами как будущего премьер-министра.

По мнению Т. Асо, консервативные правительства под руководством ЛДП, начиная с правления Какуэй Танака и кончая правлением Кэйдзо Обути, уделяя первостепенное внимание экономике, не задумывались над политическими проблемами.

В условиях отказа от «структуры холодной войны», сопровождающегося возникновением множества региональных и национальных конфликтов, принципиальных внутренних и международных перемен, консерваторам необходимо было «создать новую парадигму».

Т. Асо отмечал, что после поражения во Второй мировой войне Япония стала «партнером США» и была «американизирована» в культурном отношении. В настоящее время необходимо выработать глобальную государственную цель. В современных условиях консерваторы должны действовать не так, как во времена Сигэру Ёсида (приоритет экономики, важность японо-американской системы безопасности, слабое вооружение), а по образцу реставрации Мэйдзи, ведь послевоенные реформы в Японии — «следствие шока от военного поражения», а реформы Мэйдзи — «самостоятельный выбор японцев»¹.

Одного богатства недостаточно для уважения людей, рассуждал Т. Асо. Так и нынешней Японии «нужно подумать, каким образом использовать экономическую мощь для повышения культурного уровня, увеличения международного вклада и усиления своей дипломатии»².

Т. Асо полагал, что экономическая политика Японии, состоявшая со времени правления Какуэй Танака в «увеличении и перераспределении пирога», т.е. плодов экономического роста, привела в тупик. При этом он был не согласен со своим оппонентом К. Ёсано, акцентировавшим внимание на огромном финансовом дефиците, и подчеркивал исключительную добросовестность Японии, «начиная с займов во время японо-русской войны», в расчетах за иностранные кредиты «полностью и в срок». Т. Асо не отрицал и необходимость общественных капиталовложений, усматривая проблему лишь в способах их осуществления и эффективности. По его мнению, требуется единое, гибкое распределение бюджета кабинетом министров вместо «единообразного урезания бюджета по каждому из ведомств» по указанию Министерства финансов³.

Т. Асо уклонился от прямого ответа на вопрос о причинах невыполнения выдвинутой японскими консерваторами цели построения «малого правительства». Тем не менее, он не стал возражать К. Ёсано, который считал недопустимым возвращение назад, уход государства от политики социального обеспечения «с рожде-

ния до смерти», благодаря которой была создана база, позволившая превзойти уровень Великобритании. В связи с этим он отметил, что «в отличие от США в Японии с давних времен существует традиция считать старость ценностью», поэтому нужно искать пути решения проблемы старения японского общества⁴.

Т. Асо высказал свое мнение, каким должен быть современный лидер правящей партии и правительства. Дело в том, что во время публикации дискуссии в японской прессе развернулась критика премьер-министра Мори и подчеркивалась необходимость «сильного руководства» страной. В то же время росла популярность губернатора столичной префектуры С. Исихара, демонстрировавшего авторитарный стиль руководства. Видимо, по этой причине Т. Асо указал на опасность возложения надежд на приход «героя» и управления страной по типу «президентского правления». Напротив, он с явным сожалением говорил об утрате опыта умелого урегулирования разногласий среди консерваторов: «В ЛДП существовала гибкая многослойная структура, поэтому, несмотря на наличие различных мнений в руководстве, в ней сосуществовали разные представления о будущем. Такое было возможно, когда лидер партии обладал способностью к компромиссам»⁵. К важным качествам лидера Т. Асо относил его привлекательность, обаяние, умение просто и понятно разъяснять политический курс.

Дискуссия завершилась весьма смелым для политика правящей ЛДП высказыванием Т. Асо: «В обстановке окончания холодной войны и возникновения конфликтов, направленных на достижение национальной независимости, а также религиозных и территориальных конфликтов японские консерваторы должны идентифицировать свое государство и определить, что Япония должна сохранить и что реформировать. Относительно глобализации, являющейся не чем иным как американизацией, Япония должна сказать: “нет”. В то же время консерваторы не должны подпадать под влияние маниакального национализма». Т. Асо указал на необходимость консерваторов убедительно разъяснять причины сохранения «в определенных масштабах американских военных баз на территории Японии и после холодной войны, иначе не исключено появление антиамериканских настроений, в чем-то перекликающихся с национализмом. Нет ничего опаснее, чем консерватизм, совмещающий популизм и национализм»⁶.

Т. Асо, который вскоре был назначен на важный пост министра, ответственного за финансовую и экономическую политику, воспользовался своим новым положением, чтобы дополнить программную речь премьер-министра и изложить в парламенте свои взгляды. С целью выхода Японии из затянувшейся стагнации Т. Асо заявил о необходимости сделать приоритетными следующие задачи: оздоровление экономики на основе самоограничения и недопущения роста расходов в бюджете на общественные предприятия, а также внимания к финансовой политике органов местного самоуправления; продвижение реформы экономической структуры, нацеленной на долгосрочный рост экономики; забота о росте вклада Японии в устойчивое развитие мировой экономики. Он возлагал большие надежды на возможности Японии использовать «информационно-технологическую революцию» в качестве «детонатора» перестройки экономической структуры страны. Т. Асо особо подчеркнул важность учреждения в структуре правительства Консультативного совета по экономической и финансовой политике в составе министров экономического блока, ученых, бизнесменов во главе с премьер-министром как инструмента, необходимого не только для текущего управления экономикой, но и для развертывания всех структурных реформ, включая сферу социального обеспечения⁷. Однако Т. Асо так и не удалось применить на практике заявленную им программу, поскольку премьер-министр Мори, лишившись поддержки как в общественном мнении, так и внутри ЛДП, был вынужден вскоре уйти в отставку вместе со своим кабинетом.

В то время Т. Асо принадлежал к группировке Коно, малочисленной внутривнутрипартийной фракции парламентариев ЛДП, и существенного влияния внутри партии не имел. Тем не менее, при поддержке небольшого числа парламентариев из других малых фракций он выдвинул свою кандидатуру на выборах председателя ЛДП наряду с бывшим премьер-министром Рютаро Хасимото, Дзюньитиро Коидзуми, ставшим популярным даже за пределами ЛДП, и довольно влиятельным Сидзука Камэи, главой собственной фракции. При таком раскладе поражение Т. Асо было предрешено. Действительно, на местах ни одна из префектуральных партийных организаций не поддержала его, а из 487 депутатов за него проголосовал только 31. Однако

главной целью Т. Асо было обратить на себя внимание в ЛДП и японском обществе.

На выборах председателя ЛДП в апреле 2001 г. в центре полемики среди претендентов была экономическая политика. Дз. Коидзуми, который одержал победу, отдавал приоритет проведению структурных реформ, без чего, по его мнению, не могло быть экономического роста. Т. Асо, напротив, делал акцент на антикризисную политику, создание условий для восстановления роста экономики, используя с этой целью государственные инвестиции. Все кандидаты выступали за скорейшее разрешение проблемы громадных невозвратных кредитов, приведших к нарушению функционирования банковской системы страны. В отличие от Дз. Коидзуми, который обещал принять решительные меры, не взирая на возможные «болевые последствия», Т. Асо, как и Р. Хасимото и С. Камэи, подчеркивал недопустимость такого хода событий и предлагал направить усилия на сохранение занятости и поддержку малых и средних предприятий⁸.

Став главой ЛДП и правительства, Дз. Коидзуми не оставил Т. Асо в кабинете министров, однако включил его в партийную «руководящую тройку» в качестве председателя Совета по изучению политики. При назначении на этот пост Т. Асо публично заявил, что в тех случаях, когда порученный ему партийный орган будет высказывать мнение, отличное от взглядов Дз. Коидзуми, окончательное решение должен будет принимать кабинет министров во главе с премьер-министром. Это заявление явно шло вразрез с традиционным и закрепленным в уставе ЛДП порядком предварительного изучения и одобрения партийными органами правительственных решений⁹. Можно предположить, что именно на таких условиях Т. Асо стал членом команды Дз. Коидзуми.

Вместе с тем Т. Асо не был угодливым сторонником курса Дз. Коидзуми на радикальные реформы. В 2002 г. он присоединился к публичной критике премьер-министра, хотя и в более мягкой, осторожной форме, чем некоторые влиятельные деятели ЛДП.

В популярном журнале «Тюо корон» Т. Асо писал, что высокий уровень поддержки кабинета Коидзуми в общественном мнении страны определялся надеждами народа на решительное продвижение реформ и «разрушение устаревших систем». При этом, подчеркивал Асо, следует определить, какую часть прежних порядков

ликвидировать, а какую сохранить. Это особенно важно, когда речь идет о приватизации общественных предприятий — корпораций дорожного строительства, нефтяных корпораций и т.п. Ошибочным, по мнению Асо, являлось враждебное отношение правительства к общественным предприятиям, которые «существуют для оснащения инфраструктуры, необходимой государству». Объектом ликвидации должна стать только «экономическая система по типу бюрократического руководства, осуществляемого путем соглашательства с предпринимательскими кругами»¹⁰.

В сентябре 2003 г., во время очередных выборов председателя ЛДП, Т. Асо, трезво оценив невозможность конкурировать с популярным в народе Дз. Коидзуми, воздержался от выдвижения своей кандидатуры. Действительно, Коидзуми уверенно одержал победу над тремя соперниками с громадным преимуществом. Он преодолел Т. Асо важный пост в правительстве.

Работа Т. Асо в качестве министра общих дел, когда по долгу службы ему приходилось заниматься, в частности, обсуждением перспектив приватизации почтовых предприятий и поиском путей решения трудной проблемы обеспечения финансовой самостоятельности органов местного самоуправления, не была чем-то примечательной и тем более результативной. В 2004 г. при реорганизации кабинета Коидзуми за Т. Асо была сохранена прежняя должность, несмотря на его нежелание участвовать в приватизации почты, которую Дз. Коидзуми требовал провести как можно скорее. По мнению Т. Асо, приватизация почты, которая была местом наиболее крупных денежных сбережений населения, в условиях утраты доверия японцев к частным банкам, могла привести к утечке денег за рубеж. Он также указывал на отсутствие во многих сельских районах филиалов ведущих банков, которое вызывало озабоченность средних слоев населения¹¹. Японская пресса объясняла сохранение Т. Асо на посту министра общих дел его «гибким поведением»¹².

Работа в течение одного года с осени 2005 г. в качестве министра иностранных дел на заключительном этапе правления Дз. Коидзуми принесла Т. Асо определенную известность за рубежом в связи с ухудшением отношений Японии с КНР и КНДР, но внутри страны осталась незамеченной на фоне личной активной дипломатической деятельности премьер-министра.

В это время Т. Асо делал все возможное, чтобы привлечь к себе внимание, проявить себя как деятеля, имеющего собственное мнение по проблемам внешней политики Японии, отличающееся от взглядов премьер-министра. Это наглядно демонстрировал его диалог с видным обозревателем и писателем Р. Тэсима, опубликованный в журнале «Тюо корон». Современная Япония существует благодаря тому, что в свое время его дед, премьер-министр Сигэру Ёсида, сделал выбор в пользу курса страны на «решительный подъем экономики, зависимость от США и легкое вооружение», всячески подчеркивал Т. Асо. Он согласился со своим собеседником, назвавшим его «ортодоксальным последователем курса Ёсиды», и заявил, что «особое внимание Коидзуми к отношениям с США не является ошибкой»¹³.

Т. Асо уклонился от прямого ответа на вопрос, существуют ли у Японии «проблемы в практическом применении японо-американского союза», являющегося основой внешней политики Коидзуми. Он ограничился замечанием, что и в повседневной жизни «хорошему товарищу приходится говорить неприятные вещи». Вместе с тем Т. Асо отметил, что по сравнению с временем, когда даже руководящие деятели Японии избегали употреблять слово «союз» или отрицали военный аспект японо-американского союза, «сознание японцев изменилось», теперь, в частности, «обсуждается увеличение бюджетных расходов на противоракетные системы». По его мнению, это свидетельствует о «рождении понимания японцами необходимости действовать самим»¹⁴.

Таким образом, Т. Асо демонстрировал принципиальную общность со стремлением Дз. Коидзуми укреплять японо-американский союз, поддерживать внешнюю политику США.

В то же время в ответах Т. Асо на вопросы собеседника просматривалось стремление в определенной мере отмежеваться от политики премьер-министра на других направлениях внешней политики. В частности, это проявилось в том, что он не стал напрямую защищать позицию Дз. Коидзуми в вопросе его официальных посещений храма Ясукуни, ставших одной из причин охлаждения политических отношений Японии с КНР. Поскольку «ни в одной стране мира не запрещено выражать поклонение самому почитаемому — людям, отдавшим жизнь за свое государство», то, по мнению Т. Асо, задача японских политиков — лишь найти приемле-

мую форму посещения храма Ясукуни без привлечения излишнего внимания. Он даже высказал некоторые предложения, которые сам же признал труднореализуемыми¹⁵.

«Излишне критической» назвал Р. Тэсима оценку Т. Асо политики Дз. Коидзуми в отношении КНДР, включая подписанную им «Пхеньянскую декларацию». Действительно, Т. Асо видел главный результат дипломатии Коидзуми на этом направлении лишь «в признании главой одной страны совершения государственного преступления», а именно, признания северокорейской стороной факта похищения японцев, которое привело к «значительному изменению общественного мнения в Японии»¹⁶.

Т. Асо поблагодарил своего собеседника за высокую оценку его деятельности на посту министра иностранных дел как инициатора новой японской дипломатии в Восточной Азии, центром которой становится КНР. Излагая свою позицию по этому важному вопросу, Т. Асо указал, что в конце XX в. в Азии, где сосредоточено около 60% населения мира, произошел быстрый экономический рост КНР, поднялся общий уровень экономического развития региона, но «для Японии — это не представляет угрозы», поскольку «по ВВП в Азии выделяется только Япония, а также поднимается Индия с ее миллиардным населением». По его мнению, среднесрочные и долгосрочные перспективы обстановки в Азии «весьма оптимистичны». Это заключение вызвало сомнение у Р. Тэсима, что в свою очередь побудило Т. Асо признать наличие «проблемы ежегодного роста на два порядка оборонных расходов КНР» при «их полной непрозрачности». При этом Асо заметил, что к самой Японии, несмотря на достигнутый прогресс в технологии обогащения ядерного сырья, со стороны МАГАТЭ никаких претензий не предъявляется, поскольку японская технология, имеющая отношение к атому, «почти полностью прозрачна». В заключение Т. Асо рассказал о своем вкладе в отношения с Китаем. На встрече с министром иностранных дел КНР в Дохе (Катар) было достигнуто согласие стремиться к обмену в сфере безопасности и в военной области. В то же время он подверг сомнению возможность полной реализации достигнутого соглашения с китайской стороны¹⁷.

В сентябре 2006 г. Т. Асо предпринял вторую попытку стать лидером ЛДП. В это время истек предельно допустимый срок полномочий Дз. Коидзуми на посту председателя партии. Все три

кандидата (Т. Асо, С. Абэ, С. Танигаки) были влиятельными политиками, причем Абэ пользовался особым доверием Дз. Коидзуми, занимал ключевые должности генерального секретаря партии и генерального секретаря кабинета. Кроме того, Абэ обладал еще одним преимуществом перед Асо — он был на 14 лет моложе.

На совместной пресс-конференции каждый кандидат дал оценку деятельности правительства Коидзуми. Позитивно оценив вклад Дз. Коидзуми в «ликвидацию организаций, не отвечающих задачам времени», Т. Асо все же отметил, что, поскольку премьер-министр «не разъяснил, что будет построено на месте сноса, возникло излишнее беспокойство». Т. Асо отнес к успехам Коидзуми отход от кадровой политики по «принципу фракционного равновесия», заметив, что «ЛДП воспитала много талантливых политиков, которых желательно использовать на соответствующих местах». Он высоко оценил умение Дз. Коидзуми «терпеливо сносить изоляцию» (речь шла о неприязни к премьер-министру значительной части парламентариев ЛДП). Там же Т. Асо подчеркнул особую важность заботы правительства об экономическом росте, в общей форме высказался за пересмотр пенсионной системы и создание условий для продолжения трудовой деятельности в пенсионном возрасте¹⁸.

Под названием «Скрытая мощь Японии, жизнедеятельность и спокойствие» была опубликована политическая программа Т. Асо. Приоритетом финансовой политики, по мнению Т. Асо, должно было стать последовательное сокращение государственных расходов, что также было в центре внимания кабинета Коидзуми. Одновременно он заявил о необходимости обратиться в дальнейшем к повышению налогов (эта проблема, и прежде всего повышение налога на потребление в целях покрытия стремительно растущих расходов на социальное обеспечение, долгое время обсуждалась в правящих кругах, причем Дз. Коидзуми уклонялся от каких-либо высказываний по этому поводу).

Т. Асо указал на важность и необходимость «масштабной реформы образования», но, в отличие от С. Абэ, не призывал к «возрождению образования», предполагавшего некое «возвращение к истокам». Как и другие кандидаты, Т. Асо высказался «за пересмотр конституции Японии путем народного обсуждения, направленного на перестройку основ государства».

Во внешней политике, по мнению Т. Асо, требовался «поворот», главным содержанием которого должен стать акцент на стабильность в Азии при сохранении японо-американских отношений в качестве оси японской дипломатии. Указывалось, что стабильность в Азиатском регионе неразрывно связана с состоянием японо-китайских отношений.

На этот раз Т. Асо уступил С. Абэ в соперничестве за пост главы ЛДП, хотя и получил довольно значительное число голосов как местных партийных организаций, так и депутатов парламента. В партии его стали рассматривать как серьезного претендента на лидерство «после Абэ». Дальнейшему упрочению позиций Асо в партии способствовало сохранение за ним поста министра иностранных дел в кабинете Абэ.

Направив все усилия на пропаганду своей дипломатической деятельности, Т. Асо выступил с рядом личных инициатив.

Еще в одном интервью, которое Т. Асо дал упомянутому выше Р. Тэсима, содержалось подробное изложение его прежней деятельности на посту главы внешнеполитического ведомства Японии. Т. Асо стремился показать, что именно ему принадлежит главная роль в подготовке условий для возобновления прямых переговоров между Японией и КНР на высшем уровне, осуществленных при премьер-министре С. Абэ. Как утверждал Т. Асо, первый, решающий шаг в этом направлении был сделан в мае 2006 г. в Дохе, на его встрече с министром иностранных дел КНР. Тогда, по словам Асо, получив от китайской стороны сигнал о ее желании не допустить ухудшения политических отношений с Японией, он «прямо сказал», что с точки зрения экономики холодные отношения в политике «более всего мешают КНР». Китайский министр согласился с предложенной им формулой не говорить о «взаимной японо-китайской дружбе», которая является лишь средством, а делать упор на «совместные интересы». Вторым шагом стали «стратегические переговоры» на уровне заместителей министров иностранных дел, состоявшиеся в Токио незадолго до формирования кабинета Абэ. По словам Т. Асо, он довел до сведения китайской стороны, что «Япония ни в коем случае не пойдет на такие условия, как отказ от посещения храма Ясукуни», а также проинструктировал на этот счет своего представителя. Поскольку этот вопрос был заранее оговорен, премьер-министру

С. Абэ не пришлось «вести дискуссии относительно посещения храма Ясукуни»¹⁹.

В том же интервью, касаясь событий вокруг северокорейских испытаний ядерного оружия, Т. Асо обратил внимание на то, что США своими активными действиями «подтвердили надежность механизма японо-американской системы безопасности», а также заявил о необходимости усилить освещение этого фактора японскими средствами массовой информации. Он подчеркнул, что Япония «до сих пор последовательно стремилась к сохранению японо-американского союза, будь то проблема Афганистана или проблема Ирака». Ускорение реакции на действия КНДР «свидетельствует о понимании американской стороной японского правительства и повышении к нему доверия»²⁰. Японскую позицию в отношении с КНДР Т. Асо выразил формулой: «без разрешения проблемы похищений японских граждан, а также проблемы ядерного и ракетного оружия нормализации не будет», отметив, что такую позицию Япония заняла лишь после того, как С. Абэ, будучи генеральным секретарем кабинета, «раскрыл всем глаза на проблему похищений японских граждан, державшую японцев в согбенном положении». Теперь, когда Абэ стал премьер-министром, по мнению Асо, «правительство будет иначе относиться к применению силы». Он обещал и в дальнейшем в комплексе проблем, связанных с КНДР, держать на первом месте проблему похищений граждан Японии, сообщив, что учреждена должность специального помощника по этому вопросу при премьер-министре²¹.

Наконец, в интервью прозвучал необычный для японского официального лица ответ Т. Асо на вопрос, «собирается ли он проводить политику дальнего прицела» по территориальным спорам Японии с соседями на Севере (Россией и Кореей). Касаясь отношений с Россией, он сказал: «Чувствую, что проблему северных территорий следует решать как можно скорее. Судя по подвижкам последних лет, президент Путин начал склоняться к этому. Понимаю, что важны усилия с обеих сторон»²².

Иначе говоря, министр иностранных дел Японии фактически признал бесперспективность претензий на «четыре острова» Курильской гряды. Об этом же свидетельствовала и последующая позиция Т. Асо на парламентских дебатах во внешнеполитическом

комитете палаты представителей, когда он призвал реалистически подходить к переговорам с Россией: «Если делить северные территории, то японская половина будет состоять из 25% острова Итуруп и трех других островов, которые Япония до сих пор, спустя 60 лет после Второй мировой войны, считает своими». МИД Японии поспешил дезавуировать слова своего руководителя, официально заявив, что информация о таком его высказывании была представлена не с тем нюансом, который имелся в виду: министр не предлагал вариант решения проблемы, а лишь стремился подчеркнуть, что обе стороны прилагают усилия к поиску взаимоприемлемого способа ее решения²³.

Позже Т. Асо пришлось оправдываться и перед журналистами. В частности, весной 2007 г. журналист Р. Тэсима рекомендовал ему на дипломатических переговорах «держаться своих планов в строгом секрете и выдвигать их лишь на заключительной стадии». Т. Асо сказал, что его слова (о которых речь шла выше) были всего лишь ответом депутату оппозиционной партии на его вопрос, и они не являются основанием для шумихи. Ему крайне неприятно истолкование их как какого-то сигнала. Затем он вновь заявил о необходимости «добиваться решения в какой-то форме», пока российское руководство обладает «такой силой, как президент Путин»²⁴.

В начале работы очередной парламентской сессии 2007 г. Т. Асо, конкретизируя и развивая внешнеполитическую концепцию правительства, изложенную в программной речи премьер-министра, заявил о необходимости дополнить курсом на построение «дуги свободы и процветания» провозглашенные С. Абэ «три стрелы» японской дипломатии (японо-американский союз, международное согласие, повышение внимания к соседним странам Азии). Он предложил «по всему периметру Евразии расширить зону свободы за счет стран, идущих или стремящихся идти по пути, основанному на свободе и демократии»²⁵.

Такого рода призыв Т. Асо был расценен как желание подключить Японию к активному участию в «дипломатии ценностей», откровенно и грубо практикуемой США и их последователями в различных регионах мира. Кроме того, при кабинете С. Абэ «дипломатия ценностей» нашла практическое отражение в курсе на усиление солидарности в политике обеспечения безопасности с идеологически близкими Японии странами, а именно: США,

Австралией, НАТО и важнейшими государствами Европы, а также Индией.

Одновременно Т. Асо как министр иностранных дел участвовал в работе по налаживанию встреч глав Японии, Республики Корея и КНР. Однако это отнюдь не означало его отказа от «ценностной» ориентации, и время от времени он осторожно напоминал о своей приверженности к ней. Так, в одном из интервью на вопрос, имеется ли в перспективе возможность встреч глав Японии, США и КНР, Т. Асо ответил: «Сегодня об этом речь не идет. В дальнейшем вполне возможно. Однако ценности, разделяемые Японией и США, — свобода, основные права человека и т.п. — не всегда совпадают с китайскими ценностями. Нужно думать, как решить эту проблему»²⁶.

В японской прессе часто обсуждались «обмолвки» или считающиеся неподобающими для дипломата высказывания Т. Асо по внешней политике страны. В таких случаях он обычно многословно оправдывался, не отказываясь, однако, от сказанного. «Недипломатическим» было названо данное Т. Асо определение американского поведения в Ираке как «примитивного» или «детского». На это он ответил, что «отнюдь не критиковал саму войну в Ираке», но в то же время отметил, что в США не учли предостережений о возможных последствиях вооруженного вторжения. Он также указал на неэффективность поведения американцев и в Ираке, и в Афганистане, особенно по сравнению с деятельностью японских сил самообороны в этих странах, встречающей одобрение местного населения²⁷.

Еще один пример связан с позитивным отношением Т. Асо к развернувшейся среди японцев дискуссии относительно обладания ядерным оружием. Он объяснял свою позицию тем, что в Японии эта проблема остается не изученной из-за существующих на практике не только трех принципов — «не иметь, не использовать, не ввозить», но и четвертого — «не говорить» на эту тему. По словам Т. Асо, он поднял эту тему, «отталкиваясь от событий недавнего прошлого и нынешнего положения на Дальнем Востоке и думая об опасности отсутствия убедительных разъяснений причин появления у Японии трех принципов»²⁸.

В декабре 2006 г. Т. Асо создал свою фракцию в ЛДП (15 депутатов парламента), а к середине 2007 г., когда доверие кабинету С. Абэ начало стремительно падать, уже не скрывал своего жела-

ния стать премьер-министром. Такой шанс появился после крупного поражения ЛДП на выборах в палату советников и вскоре последовавшей отставкой премьер-министра С. Абэ. Незадолго до этого события, при реорганизации кабинета Абэ в августе 2007 г., Т. Асо был назначен генеральным секретарем ЛДП.

Кроме Т. Асо, на пост лидера правящей партии и главы государства претендовал еще один потомственный политик Ясуо Фукуда, который считался перспективным кандидатом и на предстоящих выборах, но воздержался от участия в них.

На выборах председателя ЛДП в сентябре 2007 г., как и на предыдущих выборах, политическая программа Т. Асо была представлена под девизом необходимости использования «скрытой» мощи Японии» и обеспечения «жизнедеятельности и спокойствия». Повторялись и некоторые пункты его прежней программы, в частности касающиеся финансовой политики и реформы образования. Но имелись и существенные отличия. Так, включенный в предвыборные обещания перечень неотложных задач партии и правительства был составлен с учетом основных проблем, ставших причиной выражения избирателями недоверия к политике ЛДП на выборах в палату советников. К первостепенным были отнесены следующие задачи: снятие народного беспокойства в вопросах пенсионного и медицинского обслуживания; устранение роста различий в доходах разных слоев населения, а также между районами; улучшение положения лиц, работающих по временному найму; повышение минимальной заработной платы; содействие развитию провинций; увеличение источников самостоятельного финансирования органов местного самоуправления; обеспечение прозрачности денежных поступлений политикам. Вместе с тем ничего не говорилось о «пересмотре конституции», которому при кабинете С. Абэ уделялось большое внимание.

Внешняя политика Японии в программе Т. Асо была определена как «гордая и активная дипломатия», предусматривавшая «международный вклад» и «дальнейшее продвижение» упоминавшейся выше концепции «дуги свободы и процветания». В число неотложных задач были включены «международный вклад» Японии и «неуклонная борьба против террора»²⁹.

Выдвижение на передний план задач социального характера, без решения которых было трудно рассчитывать на восстано-

ние резко пошатнувшегося народного доверия к ЛДП, было характерно и для предвыборной программы Я. Фукуда. Но исход соперничества определили не различия в политической платформе кандидатов, а провал прежнего правительства, с которым ассоциировался и Т. Асо как активный проводник его курса. Я. Фукуда, ветеран партии с большим опытом работы, стоял в стороне от деятельности кабинета С. Абэ. В итоге председателем ЛДП был избран Я. Фукуда, получивший более 60% голосов с особенно большим преимуществом по голосам депутатов парламента.

На этот раз для Т. Асо не оказалось места на руководящих постах ни в партии, ни в правительстве. Однако ему не пришлось долго оставаться в забвении. Трудности, с которыми премьер-министр Я. Фукуда встретился в отношениях с парламентом, побудили его в конце первого года работы кабинета назначить Т. Асо генеральным секретарем ЛДП.

Правление Я. Фукуда, как и С. Абэ, было весьма кратковременным, менее одного года. Кабинет Фукуда понимал и признавал наличие многих насущных социально-экономических проблем, оставшихся в наследство от курса Коидзуми на радикальные реформы и идеологизированной политики Абэ, недооценивавшей важность социальных задач. Однако попытки Фукуда направить деятельность правительства в сторону разрешения острых проблем как во внутренней, так и во внешней политике, не привели к заметным для общественности сдвигам. Ему не удалось склонить оппозиционную Демократическую партию (ДП) к взаимодействию на парламентской арене. Обострились противоречия и внутри ЛДП, и в ее отношениях с Комэйто, партнером по правящей коалиции. На этом фоне рейтинг кабинета Фукуда оставался на низком уровне и демонстрировал тенденцию к дальнейшему снижению. Вынужденный в августе 2008 г. значительно обновить состав кабинета, Я. Фукуда вскоре неожиданно признал свою неспособность эффективно воздействовать на парламент, своевременно получать от него одобрение необходимых правительственных решений из-за блокирования их оппозицией, обладающей превосходством над партиями правящей коалиции в палате советников.

В сентябре 2008 г. на объявленных в связи с отставкой Я. Фукуда выборах нового председателя ЛДП, Т. Асо, которому к этому вре-

мени исполнилось 68 лет, незамедлительно выдвинул свою кандидатуру, поддержанную депутатами парламента не только его фракции, но и другими влиятельными политиками. В отличие от предыдущих выборов, где соперником Т. Асо был один Я. Фукуда, на этот раз претендентов на лидерство в ЛДП оказалось необычно много.

Наиболее влиятельным соперником был 70-летний Каору Ёсано, не участвовавший во внутрипартийных фракциях, но по своим знаниям и деловым качествам в разные годы неоднократно назначавшийся на важные руководящие посты в партии и правительстве. В частности, ему было поручено координировать экономическую и финансовую политику на заключительном этапе деятельности правительства Коидзуми, а также в кабинетах Абэ и Фукуда.

Остальные кандидаты были значительно моложе и с меньшим политическим опытом. Юрико Коикэ (56 лет) прошла через участие в других партиях консервативной ориентации (Японская новая партия, Партия новых рубежей, Либеральная партия, Консервативная партия), а, став членом ЛДП в 2000 г., вошла во фракцию Мори (ныне фракция Матимура). В кабинете Коидзуми она занимала пост министра по делам окружающей среды, а также ответственного за проблемы Окинавы и «северных территорий». В правительстве Абэ Ю.Коикэ была помощником премьер-министра по национальной безопасности и в течение одного месяца министром обороны. Нобутэру Исихара (51 год) не принадлежал к внутрипартийным фракциям, в кабинете Коидзуми был министром, ответственным за административную реформу, затем министром государственной территории и транспорта, при Абэ был заместителем генерального секретаря партии. Сигэру Исима (51 год) состоял во фракции Хасимото (ныне фракция Цусима), дважды, в кабинетах Коидзуми и Фукуда, возглавлял оборонное ведомство.

Большое число претендентов было, безусловно, на руку Т. Асо. Исход выборов по существу определялся в соперничестве Т. Асо и К. Ёсано, имевших сравнительно одинаковый опыт работы на руководящих постах в партии и правительстве. Однако Т. Асо имел связи в политических и деловых кругах Японии, был более известен как внутри страны, так и за рубежом благодаря своей деятель-

ности в качестве министра иностранных дел. О его влиятельности среди депутатов парламента свидетельствовали организация им собственной фракции парламентариев и назначение дважды генеральным секретарем ЛДП.

Четвертая попытка Т. Асо стать главой ЛДП оказалась успешной. За него проголосовали 68% депутатов парламента префектуральных партийных организаций. Из общего числа депутатов парламента Т. Асо поддержали 217, в то время как К. Ёсано — 64, а других кандидатов — еще меньше. Местные организации почти полностью отдали за него голоса.

Т. Асо возглавил ЛДП в трудное и ответственное для нее время. Приближались выборы в палату представителей, ключевую палату японского парламента, которые должны были состояться в сентябре 2009 г. Для упрочения своего правящего положения, подорванного крупным поражением на выборах в палату советников в 2007 г., оправдания и обеспечения легитимности жесткого отпора оппозиции, противостоящей правительственному курсу, ЛДП нуждалась как минимум в подтверждении своего превосходства над ДП в палате представителей. Ни С. Абэ, ни Я. Фукуда, ощущая высокую степень недоверия к ЛДП и ее политике, не решились, тем не менее, попытаться восстановить доверие избирателей путем роспуска палаты представителей и проведения досрочных выборов. Поэтому для Т. Асо большую важность приобретала задача мобилизовать партию на успешную подготовку к парламентским выборам и сформировать правительство, способное в короткий срок до выборов показать избирателям его дееспособность, добившись реальных достижений в управлении страной.

Понимая зависимость дальнейшей судьбы правящей партии от успешного решения этих задач, Т. Асо считал необходимым при кадровых назначениях обеспечить сплочение всех сил ЛДП, по возможности привлечь к ее руководству представителей всех внутрипартийных группировок, однако по собственному выбору, не допуская ослабления личной роли как главы партии и правительства. Стараясь все же избежать чрезмерного укрепления позиций двух крупнейших фракций, возглавляемых Матимура и Цусима, он не отказывался от назначений их депутатов на важные посты, но ограничивал их влияние путем активного выдвижения политиков малых фракций или тех, кто не состоял в группиров-

ках, на не менее значимые должности. Т. Асо включил также в круг руководящих работников партии и правительства своих соперников на выборах, за исключением Ю. Коикэ. Например, назначение Хироюки Хосода из фракции Матимура генеральным секретарем ЛДП было сбалансировано приданием ему двух заместителей (ранее был один), ответственных за предвыборную деятельность партии на выборах в крупных городах и провинциальных районах соответственно, — Н. Исихара, не входящего во фракции, и М. Хаяси из фракции Ямадзаки. Председателями партийных Совета по общим делам и Совета по изучению политики были назначены ветераны ЛДП — Т. Сасакава из фракции Цусима и К. Хори. Последний не входил ни в какие фракции. Комитеты по выборной политике и по парламентским делам было поручено возглавлять М. Кога, лидеру фракции, и Т. Осима из фракции Комура.

Кабинет министров также был сформирован из представителей разных фракций: по три министра от фракций Цусима и Ибуки, два от фракции Кога, по одному от фракций Никаи, Ямадзаки, Асо (не считая самого премьер-министра), четыре от политиков, не состоящих во фракциях, и одного представителя Комэйто. Генеральным секретарем кабинета был назначен Такэо Кавамура из фракции Ибуки, к которой Т. Асо, видимо, питал наибольшее доверие. Ставший министром иностранных дел Хирофуми Накасонэ (сын премьер-министра Я. Накасонэ) также входит во фракцию Ибуки. Кстати говоря, в кабинет Асо вошли дети и других премьер-министров — Кунио Хатояма и Юко Обути.

В итоге в правительство Асо вошли пять министров, занимавших посты в кабинете Фукуда, семь министров из числа имевших опыт работы в правительстве и пять министров, впервые получивших высокие посты (не обязательно из числа молодых депутатов парламента, к таким можно отнести только 34-летнюю Ю. Обути), что было не характерно для японской практики.

Кабинету Асо досталось тяжелое наследство. Требовалось обеспечить стабильный экономический рост, не допустить новую стагнацию японской экономики в условиях уже ощутимых признаков мирового кризиса. Одновременно нельзя было игнорировать проблему преодоления негативных социальных последствий «реформ Коидзуми» и откладывать решение давно назревшей

задачи надежного финансирования сферы социального обеспечения. Расходы на нее продолжали стремительно расти в обстановке продолжающихся демографических перемен в сторону сокращения рождаемости и старения населения страны. В области внешней политики, основой которой ЛДП по-прежнему рассматривала японо-американский союз, перед кабинетом Асо, как и перед предыдущими правительствами, остро стояла проблема подтверждения верности этому союзу, а именно — законодательного оформления дальнейшего участия японских военно-морских сил самообороны в Индийском океане в тыловой поддержке американских войск. Осуществлению политического курса либеральных демократов мешало отсутствие возможности беспрепятственно и незамедлительно принимать правительственные решения в парламенте. На первый план выдвинулся поиск способов преодоления жесткого сопротивления оппозиции в палате советников. Это было особенно важно для Т. Асо, поскольку полученная им на выборах поддержка со стороны парламентариев и местных партийных организаций во многом определялась надеждой на его смелые, решительные действия в отношении с главным политическим оппонентом — Демократической партией.

Однако выбор путей решения этой задачи оставался довольно ограниченным. Премьер-министр Т. Асо, например, мог бы попытаться предложить лидеру ДП И. Одзава найти взаимоприемлемую форму парламентского сотрудничества двух крупнейших партий, как это сделал Я. Фукуда осенью 2007 г. Но сомнительно, что такая попытка на этот раз была бы успешной, поскольку и тогда И. Одзава, первоначально проявивший готовность пойти по такому пути, был вынужден отказаться от него, не встретив поддержки в своей партии. С того времени Демократическая партия и, особенно, сам И. Одзава занимали позицию непримиримой конфронтации с ЛДП. Другой путь, на котором настаивали многие видные либерал-демократы, действительно требовал от их лидера смелости и решительности. Речь шла о преодолении сопротивления ДП путем нанесения крупного удара по ней на выборах в палату представителей, которую следовало распустить до истечения срока ее полномочий. В данном случае требовалась уверенность в успехе, тем более что и ДП настаивала на немедленном роспуске этой палаты и вела активную предвыборную подготовку.

Существовал и третий путь — в короткий, оставшийся до очередных выборов, срок добиться заметных успехов в социально-экономической деятельности правительства. Однако для решения накопившихся здесь проблем одного года было явно недостаточно.

На первой пресс-конференции премьер-министр Т. Асо на вопрос о времени возможного роспуска палаты представителей ответил, что это зависит от результата обсуждения в парламенте правительственного предложения принять дополнительный бюджет на 2008/09 фин. г., необходимый для осуществления антикризисных мер в экономике³⁰.

29 сентября 2008 г. Т. Асо произнес программную речь в парламенте³¹. Он заявил, что не сомневается в наличии у Японии и японцев «скрытых ресурсов» для того, чтобы «подняться на волне перемен во внутренней и внешней политике и экономике», а также клятвенно заверил народ в проведении «ответственной и результативной политики, базирующейся на фундаменте власти ЛДП и Комэйто».

Затем при обращении к парламентариям он сразу же обрушился с резкой критикой в адрес ДП, обвинив ее в преднамеренном затягивании работы парламента, в частности путем выдвижения собственного законопроекта, касающегося налогообложения, что «на два месяца задержало принятие решений в парламенте». Не касаясь существа разногласий, Т. Асо заявил, что ДП «от начала и до конца на первое место ставила политические интересы, а народную жизнь — на второе или третье место». «Дискуссионная борьба между правящими и оппозиционными партиями, политическое противостояние являются проявлением парламентской демократии. Однако поведение парламента, заранее отвергающего согласие, является недостойным». Выдвинув требование «уже сегодня» принять «правила формирования согласия», премьер-министр поставил перед парламентариями от ДП вопрос, намерены ли они и в дальнейшем «подрывать доверие народа к себе, отвергая в парламенте принципиальные решения и ставя интересы народа на второе место».

В речи премьер-министра прямо или косвенно просматривалась полемика с ДП, раздавались упреки по поводу ее «безответственности». Одновременно давались заверения в том, что

правительство будет проводить политику, отвечающую интересам народа и направленную на достижение его «спокойствия» и «безопасности».

Т. Асо заявил, что будет говорить лишь о проблемах, требующих срочного решения. «Самой неотложной» была названа задача «перестройки экономики», которую следует решать в три этапа: антикризисные меры, среднесрочное оздоровление финансовой политики, долгосрочный рост экономики путем проведения реформ. Была выражена уверенность, что на таком пути можно «излечить экономику Японии за три года».

Конкретное содержание антикризисных мер не было представлено. Констатировалось лишь наличие у правительства и правящих партий «чрезвычайной комплексной политики для достижения спокойствия», которая должна «дать уверенность людям, непосредственно страдающим от высоких цен и рецессии, помочь сельскому, лесному и рыбному хозяйству, средним, мелким и мельчайшим предприятиям, людям, ощущающим беспокойство в вопросах занятости и медицинских услуг». Одновременно такая политика должна быть направлена на экономический рост посредством реформ. Премьер-министр обещал также не закрывать глаза на процессы в американской экономике и на мировых финансовых рынках, отслеживать их влияние на реальную экономику и в случае необходимости гибко реагировать.

Т. Асо отметил, что для осуществления «антикризисных мер» парламенту необходимо безотлагательно принять дополнительный бюджет, а также другие законопроекты правительства, касающиеся финансирования, которые блокируются парламентариями ДП. Асо призвал оппозицию к дискуссии по данным вопросам и даже допустил возможность выдвижения ДП собственных законопроектов, но «с указанием источников финансирования». «Сопоставим проекты обеих сторон, посоревнуемся перед народом», — заверил премьер-министр.

О втором этапе перестройки экономики было сказано предельно кратко. Премьер-министр назвал «естественной» задачей финансового оздоровления, так как «огромные долги государства оказывают пагубное влияние на экономику и сферу социального обеспечения», и заявил, что правительство будет стремиться решить эту задачу к 2011/12 фин. г. В то же время он подчеркнул:

«Нельзя смешивать цели и средства. Перестройка финансовой политики — средство. Процветание народа — цель. Без экономического роста не будет восстановления финансовой политики. Цель нашего кабинета — непрерывное, устойчивое процветание японской экономики».

Столь же лаконично он охарактеризовал «этап роста экономики путем проведения реформ». Это, по его мнению, — верный путь к «созданию новых производств и новых технологий», удовлетворению спроса на новые места и обеспечение занятости. Без какой-либо конкретизации прозвучало обещание активно продвигать «стратегию нового экономического роста». По поводу содержания реформ Т. Асо лишь сказал: «Есть регулирование, есть налогообложение. Следует отменить то, что нужно отменить, и обновить то, что нужно обновить».

Более подробно были раскрыты планы деятельности правительства по ряду направлений, затрагивающих ближайшие потребности основной массы населения. Т. Асо признавал обоснованность беспокойства японцев по многим жизненно важным для них проблемам, однако планы правительства, касающиеся решения этих проблем, в большинстве случаев были изложены довольно абстрактно, без конкретизации. Так, премьер-министр обещал:

- срочно изучить вопрос о мерах по стабилизации финансирования пенсий и других видов социального обеспечения;
- в течение года изучить вопрос о необходимых изменениях в системе медицинских услуг престарелым;
- стремиться к быстрейшему решению существующих проблем общего медицинского обслуживания;
- изучить вопрос о возможности принятия нового закона о поддержке молодежи;
- увеличить размер минимальной заработной платы, пересмотреть порядок командирования рабочих;
- создать условия для повышения доверия у родителей к школе, обеспечить высокий уровень образования;
- при работе администрации учитывать и защищать интересы потребителей (впервые эта задача была поставлена по личной инициативе премьер-министра Фукуда).

Коротко сказано о том, что административная реформа будет осуществляться, основываясь на стремлении «сформировать

простое и теплое» (по отношению к гражданам) правительство. Такой же должна быть администрация органов местного самоуправления. Конечная цель — построить «систему провинций по типу местного суверенитета» (речь идет о преобразовании нынешних префектур в крупные «провинции», наделенные большими правами, т.е. здесь премьер-министр развивал давнюю идею, разделяемую в принципе правящими партиями и оппозицией). В этом же разделе премьер-министр назвал первоочередной задачей сельского хозяйства «новый поворот в сторону внимания к продовольственной самообеспеченности», чтобы довести ее до 50%. Для этого Т. Асо потребовал «отбросить концепцию защиты сельского хозяйства и повернуться к его умелому ведению».

Особо были выделены проблемы «построения общества рециклирования, обеспечивающего сосуществование с природой», и «поворота к структуре экономики, учитывающей рост цен на природные ресурсы». Перед Японией поставлена задача стать «первопроходцем» в этом отношении, воспитывать соответствующим образом население страны, «руководить» процессом выработки необходимых международных правил.

В разделе, касающемся внешней политики, премьер-министр изложил личное видение «пяти принципов японской дипломатии»: 1) укрепление японо-американского союза — «постоянно и на первом месте»; 2) стабильность и процветание совместно со странами Азии и Тихого океана, совместное развитие, прежде всего с соседними странами — КНР, Республикой Корея, Россией; 3) участие в разрешении стоящих перед человечеством проблем планетарного масштаба — терроризма, глобального потепления, нищеты, водных ресурсов и т.п.; 4) активные усилия, направленные на укоренение в молодых демократических государствах тех ценностей, которым Япония неизменно следует; 5) проведение последовательной политики в отношении КНДР (стремясь к стабильности на Корейском полуострове, понуждать северокорейскую сторону к действиям, направленным на всеобъемлющее решение проблемы похищения японцев, ее ядерного и ракетного вооружения, решить проблемы прошлого, нормализовать японо-северокорейские отношения).

Премьер-министр особо обратился к Демократической партии по поводу ее сомнений в том, что осью японской дипломатии дол-

жен быть союз с США. Указав, что руководители ДП «высказываются за перенос оси дипломатии с японо-американского союза на ООН», Т. Асо, во-первых, безапелляционно заявил, что «для стабильности Японии и японского народа союз с США отнюдь не утратил важности» и что «в случаях, когда речь идет о безопасности страны и международного сообщества, позиция ООН может быть поколеблена из-за курса некоторых государств и т.п. Обстановка не такова, чтобы доверять судьбу страны этой организации». Во-вторых, он объяснял продолжение снабженческой деятельности японских военно-морских сил в Индийском океане необходимостью защищать государственные интересы Японии в этом регионе и недопустимостью ее прекращения в обстановке, когда «борьбе против террора не видно конца», а «несколько стран, несущих жертвы, напротив, наращивают присутствие в Афганистане». По этим двум вопросам премьер-министр потребовал от оппозиционной Демократической партии «ясного и аргументированного ответа», «ответственного перед японским народом и мировым сообществом».

Первая программная речь Асо в качестве главы государства завершилась «повторным настойчивым призывом» к депутатам оппозиции, и прежде всего ДП, «сотрудничать в ведении парламентских дел».

* * *

Формирование кабинета во главе с Т. Асо было воспринято в Японии как следствие сложной, близкой к кризисной, политической обстановки, которая сложилась в правящей ЛДП в последние годы. Безусловно, избранию Т. Асо на пост главы правительства способствовали не только объективные обстоятельства, но и его личные качества.

Высокий уровень образования, полученного в элитных учебных заведениях, семейная принадлежность к верхушке правящих кругов, финансовая состоятельность, участие в организаторской работе среди молодых бизнесменов на общенациональном уровне — все это открывало хорошие возможности для избрания депутатом парламента и успешной политической карьеры. Дальнейший путь к вершине власти во многом определялся его честолюбием, решимостью, последовательностью и настойчивостью. Накопив

опыт активной работы в партийных и правительственных органах и став в возрасте 60 лет заметной фигурой в ЛДП, Т. Асо целеустремленно включился в борьбу за лидерство. Его решимость не поколебали ни три выборных поражения, ни то обстоятельство, когда в 2001 г. все претенденты оказались несостоятельными на равных соперничать с популярным Дз. Коидзуми, ни соревнование с такими же, как и он, именитыми потомственными политиками С. Абэ и Я. Фукуда. С каждым участием Т. Асо в выборах председателя ЛДП росла его известность и внутри партии, и за ее пределами.

Т. Асо, принадлежа к одной из малых групп парламентариев и держась в стороне от активной межфракционной борьбы, не нашёл себе сильных противников внутри партии. По этой причине и благодаря знаниям и накопленному политическому опыту он после каждого своего поражения на выборах не оставался в стороне от партийных и политических дел. Дз. Коидзуми и С. Абэ доверяли ему важные партийные и правительственные посты, делали его членом своей руководящей команды. О признании авторитета Асо свидетельствовали факты его назначения на пост генерального секретаря ЛДП в кризисное для правления Абэ и Фукуда время.

Достижению цели Т. Асо стать главой ЛДП и правительства объективно способствовало отсутствие в крупных внутрипартийных фракциях известных и авторитетных политиков, готовых взять на себя руководство партией и государством в условиях накопившихся с годами трудностей и недостатков правления либерал-демократов. У Асо же оказалось достаточно решимости и политической смелости.

Прежняя практическая деятельность Т. Асо на руководящих постах затрагивала разные сферы, но главным ее направлением была все же внешняя политика. Рассмотренные в данной статье эпизоды его политической биографии позволили выделить некоторые черты Асо как политика. Это, прежде всего, самонадеянность, склонность к самовосхвалению, выпячиванию личных достоинств и успехов (например, подчеркивание своей роли в создании еще в конце правления Коидзуми условий для последующего возобновления японо-китайского диалога на высшем уровне). С этим же перекликаются показное новаторство, желание продемонстрировать оригинальность, самостоятельность мышления

и твердость собственных убеждений (например, выдвижение идеи включения Японии в «дипломатию ценностей» и настойчивое отстаивание особой важности, даже приоритетности решения «проблемы похищений» в отношениях с КНДР).

Естественно, что такие черты поведения Т. Асо, а также нередкие опрометчивые для политика публичные высказывания, иногда объясняемые его прямоотой и откровенностью, становились предметом повышенного внимания средств массовой информации.

Т. Асо никогда не шел на прямой отказ от своих высказываний, не допускал признания ошибочности своего мнения. Однако его практические действия свидетельствовали о достаточно гибком поведении. Ему скорее были присущи прагматизм, расчетливая оценка соотношения политических сил, приспособление к сложившейся обстановке. Подтверждением являлся сыгравший большое значение в карьере Т. Асо факт его перехода от критики некоторых радикальных сторон «реформ Коидзуми» к активному участию в реализации курса премьер-министра.

Можно было ожидать, таким образом, что прагматизм в политике будет преобладать и в его работе в качестве премьер-министра. Что же касается политического курса кабинета, то он был разработан поспешно, с первоочередной целью преодолеть сопротивление оппозиционной ДП правительству, ослабить оппозицию на предстоящих парламентских выборах. По этой причине программа кабинета Асо была более похожа на партийные манифесты, наполненные лишь абстрактными обещаниями, как во внутренней, так и внешней политике.

Уже в самом начале деятельности правительства во главе с Т. Асо в Японии высказывалось мнение, что его существование окажется временным и не приведет к выходу ЛДП из длительного кризиса, наглядно проявившегося с 2006 г., когда последовала череда скоротечной смены глав правящей партии и премьер-министров.

Как и С. Абэ и Я. Фукуда, Т. Асо смог удержаться у руля власти лишь в пределах одного года, ставшего временем бесплодного противостояния его правительства и оппозиции на парламентской арене. Два предыдущих премьер-министра Японии заявили об уходе в отставку, фактически признав неспособность выпол-

нить обязательства по руководству партией и страной и не решившись прибегнуть к роспуску палаты представителей с тем, чтобы попытаться упрочить легитимность правления ЛДП. В отличие от них Т. Асо распустил нижнюю палату парламента, правда, всего за один месяц до истечения срока полномочий ее депутатов, приняв безнадёжную попытку вернуть доверие к своей партии, а после парламентских выборов 30 августа 2009 г. взял на себя ответственность за сокрушительное поражение либерал-демократов, лишившее их властного положения.

Причины и уроки отстранения ЛДП от почти бессменного правления страной, длившегося с момента образования этой партии в 1955 г. (исключение — одиннадцать месяцев в 1993—1994 гг.), — предмет отдельного исследования, безусловно, более широкого, чем анализ практической деятельности кабинета Т. Асо, обстоятельств и результатов парламентских выборов 2009 г. Переход власти в Японии от ЛДП к Демократической партии является следствием многочисленных факторов, среди которых определяющим следует признать деградацию ЛДП, неумолимо прогрессирующую по мере ее беспрецедентно затянувшегося для демократического государства нахождения у власти.

¹ *Асо Таро, Ёсано Каору*. Попюридзуму-ни отирадзу сэкинин ару котоба-о катаро (Не скатываться к популизму, говорить ответственно) // Рондза. 2000, № 9. С. 101.

² Там же.

³ Там же. С. 102—104.

⁴ Там же. С. 104.

⁵ Там же. С. 106, 108.

⁶ Там же. С. 108.

⁷ Основное содержание речи Т. Асо см.: Нихон кэйдзай симбун. 01.02.2001.

⁸ Нихон кэйдзай симбун. 12.04.2001.

⁹ Нихон кэйдзай симбун. 26.04.2001.

¹⁰ *Асо Таро*. Сори-ва дзибун-но котоба-ни тораварэсугитэ иру (Премьер-министр увлекается собственными словами) // Тюо корон. 2002. № 4. С. 68—69.

¹¹ Асахи симбун. 24.09.2004.

¹² Асахи симбун. 28.09.2004.

¹³ Корэ-га гайко-но хинкаку да (Достоинства дипломатии) // Тюо корон. 2006, № 7. С. 41.

¹⁴ Там же. С. 42—43.

¹⁵ Там же. С. 44—45.

¹⁶ Там же. С. 46.

¹⁷ Там же. С. 47.

¹⁸ Асахи симбун. 09.09.2006; Нихон кэйдзай симбун. 09.09.2006.

¹⁹ Амэрика-ва каку-но каса-о какуякусита (США твердо обещали ядерный зонтик) // Тюо корон. 2006. № 12. С. 57.

²⁰ Там же. С. 56.

²¹ Там же. С. 62.

²² Там же. С. 61.

²³ Российская газета. 15.12.2006.

²⁴ Рансэй косо орэ-но дэбан (Смутное время как раз для меня) // Бунгэй сյондзю. 2007. № 4. С. 112—113.

²⁵ Асахи симбун. 27.01.2007.

²⁶ Асо Таро гайсё тёкусэки интабию (Интервью министра иностранных дел Т. Асо) // Рондза. 2007. № 4. С. 31.

²⁷ Бунгэй сյондзю. 2007. № 4. С. 113—114; Рондза. 2007. № 4. С. 29—30.

²⁸ Рондза. 2007. № 4. С. 29.

²⁹ Краткое изложение предвыборной программы Т. Асо см.: Асахи симбун. 17.09.2007.

³⁰ <http://www.kantei.go.jp/jp/asospeech/2008/09/24kanken.html>

³¹ Полный текст речи Т. Асо на 170-й сессии парламента см.: Иомиури симбун. 30.09.2008.

О.И. Казаков

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ЯПОНИИ ЮКИО ХАТОЯМА: ПАДЕНИЕ БЕЗ ПОДДЕРЖКИ

За время своего недолгого руководства страной – с 16 сентября 2009 г. по 2 июня 2010 г. – деятельность премьер-министра Японии Юкио Хатояма характеризовалась падением поддержки деятельности его кабинета гражданами страны после исчерпания «лимита доверия», который длился около трех месяцев. Многочисленные опросы, которые проводились разными организациями в Японии, включая масс-медийные компании, для того чтобы выяснить отношение японцев к своему премьер-министру, его коалиционному кабинету, парламентским партиям, показывали неизменный рост недовольства граждан новым руководством во главе с Демократической партией Японии (ДПЯ). В итоге, с 70%-ной поддержки кабинета Хатояма в середине сентября 2009 г. к моменту его отставки в начале июня 2010 г. этот показатель упал, по некоторым данным, ниже «психологического уровня» в 20%.

В данной статье представлены результаты опросов общественного мнения корпорацией «Ниппон тэрэби» (Nippon Television Network Corporation), которые проводились ежемесячно RDD-методом (Random Digit Dialing – «случайный цифровой набор») по телефону¹. Результаты этих опросов подтверждаются также опросами, проведенными другими организациями.

После победы ДПЯ на выборах в нижнюю палату парламента Японии 30 августа 2009 г. в стране произошла смена власти, в результате которой 16 сентября 2009 г. премьер-министром страны был избран демократ Ю. Хатояма, а правящая ранее партийная коалиция во главе с Либерально-демократической партией Японии (ЛДПЯ) перешла в оппозицию. Согласно опросам «Ниппон тэрэби» (табл. 1), поддержка нового кабинета министров во главе с Ю. Хатояма в сентябре 2009 г. составляла 67,7%, тогда как у его противников – 17,7%, но уже в декабре 2009 г. опрос зафиксиро-

вал заметное падение уровня поддержки кабинета Хатояма и дальнейший рост недовольных его деятельностью². В январе–феврале 2010 г. произошел качественный перелом: число тех, кто поддерживал действующий кабинет Хатояма, стало меньше, чем число оппонентов кабинета. В мае 2010 г. лишь 21,4% респондентов заявили о поддержке Ю. Хатояма.

2 июня 2010 г. Ю. Хатояма уходит с постов премьер-министра Японии и лидера ДПЯ, и через два дня на пост руководителя государства избирается демократ и новый лидер ДПЯ – Наото Кан³. Эта внутрипартийная смена власти привела к позитивному для ДПЯ скачку поддержки нового кабинета министров Японии до 60%, что, несомненно, оправдало столь радикальное решение Ю. Хатояма и его соратников. По данным многочисленных опросов, смена председателя ДПЯ и премьер-министра страны способствовала восстановлению, хотя и не до сентябрьского уровня 2009 г., поддержки правящей коалиции со стороны японских избирателей.

По данным опросов «Ниппон тэрэби» (см. табл. 2), если в сентябре 2009 г. 36,1% голосовавших за поддержку кабинета Хатояма объясняли свое решение надеждами, которые они возлагали на политический курс нового правительства, то к маю 2010 г. моти-

Таблица 1

Ответы на вопрос: поддерживаете ли Вы коалиционный кабинет Хатояма (в июне – Наото Кан), %

Дата опроса	Да	Нет	Не знаю
18–20 сентября 2009 г.	67,7	17,7	14,6
16–18 октября 2009 г.	66,0	18,8	15,2
13–15 ноября 2009 г.	66,3	18,2	15,6
18–20 декабря 2009 г.	51,8	36,2	12,1
15–17 января 2010 г.	45,8	39,0	15,2
12–14 февраля 2010 г.	39,0	45,6	15,4
12–14 марта 2010 г.	36,2	50,7	13,1
9–11 апреля 2010 г.	28,6	57,5	13,9
14–16 мая 2010 г.	21,4	65,6	13,0
4–6 июня 2010 г.*	62,4	23,6	14,0
11–13 июня 2010 г.*	58,1	22,4	19,5

* Премьер-министр Японии – Наото Кан

вировка изменилась – 31,7% респондентов просто не видят среди политической элиты Японии других кандидатов на пост премьер-министра. В то же время противники кабинета Хатояма объясняли свой выбор в сентябре 2009 г. тем, что не возлагали надежд на политический курс прошлого правительства (41,4%), но уже в декабре 2009 г. резко возросла доля респондентов, которые не увидели во власти лидеров (табл. 3).

Согласно данным опросов (см. табл. 4), с начала правления в Японии коалиции во главе с ДПЯ произошел небольшой (на 4–5%) рост ее популярности, после чего поддержка со стороны граждан стала снижаться. С 46,2% в октябре 2009 г. рейтинг партии снизился до 23,4% в мае 2010 г. Тем не менее, поддержка оппозиционной ЛДПЯ практически осталась на том же уровне. Опросы также показывают рост респондентов, которые не видят на политическом пространстве Японии подходящей для себя партии. Число таких граждан в январе 2010 г. превысило 1/4 опрошенных. В мае 2010 г. уже более 1/3 респондентов не поддерживали никакую партию или не могли ответить на поставленные вопросы, что

Таблица 2

Ответы на вопрос: «В чем причина вашей поддержки кабинета Хатояма?», %

Причина	2009 г.				2010 г.				
	сен-тябрь	ок-тябрь	ноябрь	де-кабрь	ян-варь	фев-раль	март	апр-ель	май
Возлагаю надежды на политический курс	36,1	40,9	41,5	23,6	24,5	19,7	15,4	15,4	13,5
Нет никого другого	19,6	15,3	17,0	27,5	27,9	29,0	30,8	26,7	31,7
Возлагаю надежды на персональный состав кабинета министров	11,8	8,4	3,7	6,6	7,6	10,5	6,3	9,4	7,6
Заслуживает доверия личность премьер-министра Хатояма	11,0	12,4	11,5	9,5	11,7	7,5	7,2	11,0	5,9
Поскольку это кабинет партий, которые поддерживаю	7,5	9,5	12,3	14,1	16,6	19,3	19,2	22,0	22,8
Особенных причин нет	5,3	7,9	7,1	11,5	8,7	7,0	9,1	7,9	8,4
Другое	6,5	2,9	2,6	4,6	2,3	7,0	7,2	4,1	7,2
Не знаю	2,3	2,6	4,4	2,6	0,8	0,0	4,8	3,5	3,0

Таблица 3

Ответы на вопрос: «В чем причина того, что Вы не поддерживаете кабинет Хатояма?», %

Причина	2009 г.				2010 г.				
	сен-тябрь	ок-тябрь	ноябрь	де-кабрь	ян-варь	фев-раль	март	апр-ель	май
Не надеюсь на политический курс	41,4	42,6	30,3	30,5	27,9	27,8	33,3	41,3	29,2
Поскольку это не кабинет партий, которые поддерживаю	29,8	21,3	21,0	9,4	14,6	11,7	10,0	7,2	7,2
Не доверяю личности премьер-министра Хатояма	8,7	3,7	10,5	7,5	-9,3	8,7	7,2	8,0	12,0
Не надеюсь на персональный состав кабинета министров	7,7	6,5	11,4	9,9	5,8	8,7	4,8	3,9	3,6
Не лидеры	1,9	3,7	8,6	28,6	31,4	29,3	32,7	30,3	38,6
Особенных причин нет	4,8	9,3	6,7	4,7	3,1	5,6	2,8	4,1	3,2
Другое	2,9	7,4	3,8	7,0	4,4	4,1	5,5	2,0	4,8
Не знаю	2,9	5,6	3,8	2,4	3,5	4,1	3,8	3,3	1,5

свидетельствует как об аполитичности большого числа японцев, так, возможно, и об определенном разочаровании избирателей своими политиками.

Нельзя не отметить результаты опроса «Ниппон тэрэби» от 4–6 июня 2010 г., касающиеся отношения японцев к итогам деятельности кабинета Хатояма. По мнению 44,9% респондентов, особых успехов достигнуто не было; 30,8% опрошенных уверены, что определенные успехи есть; 19,4% ответили, что совершенно нет никаких успехов; 2,6% не ответили на поставленный вопрос; и лишь 2,2% респондентов уверены, что кабинет Хатояма достиг больших успехов.

Причинами ухода Ю. Хатояма с постов премьер-министра Японии и лидера ДПЯ вместе со своим соратником – генеральным секретарем ДПЯ Итиро Одзава эксперты называют как невыполнение предвыборных обещаний о переносе американской базы Фузэмма за пределы Окинавы, так и продолжающийся коррупционный скандал вокруг политических фондов и средств, которые были предоставлены Ю. Хатояма на политическую деятельность.

Таблица 4

Ответы на вопрос: «Какую партию Вы поддерживаете?», %

Партии	2009 г.				2010 г.				
	сен-тябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май
Демократическая партия	42,8	46,2	42,0	40,1	36,3	35,3	32,6	27,4	23,4
Либерально-демократическая партия	25,6	22,7	22,0	26,7	24,9	25,9	25,6	24,3	26,0
Комэй	4,1	2,4	3,6	2,0	4,2	2,7	1,7	4,1	4,0
Коммунистическая партия	1,7	3,7	2,8	2,2	3,5	3,8	3,5	3,1	3,2
Социал-демократическая партия	1,0	2,6	2,1	1,2	1,7	1,7	1,9	0,8	1,4
Новая народная партия	0,2	0,5	0,5	0,2	0,2	0,0	0,0	0,2	0,3
Партия для всех	1,4	1,1	1,6	1,4	0,7	2,4	3,3	5,5	5,2
Партия возрождения	0,0	0,0	0,0	0,2	0,2	0,0	0,0	0,0	0,6
«Вставай, Япония!»*	–	–	–	–	–	–	–	0,2	0,5
Новая партия Японии	0,2	0,0	0,2	0,0	0,0	0,0	0,2	–	0,2
Другая	0,2	0,2	0,0	0,3	0,0	0,0	0,0	0,4	0,1
Никакую не поддерживаю	22,6	20,0	23,9	24,1	27,6	27,9	27,7	29,1	28,7
Не знаю	0,3	0,7	1,4	1,7	0,9	0,3	3,5	4,9	6,4

* В апреле 2010 г. выходцами из ЛДП создана новая партия «Татиагарэ Ниппон» (досл. «Вставай, Япония!»)

В то же время доминирующей представляется именно невозможность Ю. Хатояма решить вопрос с переносом американской базы, из-за чего 30 мая 2010 г. правящую коалицию покинула Социал-демократическая партия, а на Окинаве прошли мощные выступления пацифистски настроенных жителей против решения кабинета Хатояма о передислокации базы в пределах префектуры Окинава – на мыс Хэноко, расположенный поблизости от г. Наго. Именно это вызвало резкое падение популярности Ю. Хатояма и грозило провалом ДПЯ на выборах в верхнюю палату парламента 11 июля⁴. Сложившаяся ситуация привела к тому, что призывы к Ю. Хатояма об отставке прозвучали уже со стороны депутатов верхней палаты парламента от ДПЯ.

Ю. Хатояма, уйдя под напором обстоятельств в вынужденную отставку, в определенной степени пожертвовал своей дальнейшей

политической карьерой ради ДПЯ и 3 июня даже заявил, что он не будет баллотироваться на следующих выборах в нижнюю палату парламента⁵.

Опрос радиовещательной корпорации NHK 11–13 июня 2010 г. показал, что новый кабинет Наото Кан поддерживают 61% респондентов и не поддерживают 23%; ДПЯ поддерживают 34,3% респондентов, а ЛДПЯ – 15,8%. Очевидно, что смена лидера ДПЯ привела к благоприятному для демократов результату. Однако список вопросов, включая недовольство жителей Окинавы переносом американской базы Футэмма на мыс Хэноко, а не выводом ее за пределы острова или даже Японии, все равно остается в политической и военно-стратегической повестке дня страны. Наличие на японской территории американских военных баз и пребывание Японии под «ядерным зонтиком» США могут принести японским политикам еще немало неприятных моментов.

¹ Ниппон тэрэби ёрон тэса (Опросы общественного мнения Ниппон тэрэби). URL: <http://www.ntv.co.jp/yoron>

² Казаков О.И. Падение рейтинга премьер-министра Японии Юкио Хатояма / Япония наших дней. М.: ИДВ РАН, 2010. №1.

³ Казаков О.И. Кан или пропал? // Кворум. 09–15. 06.2010.

⁴ Там же.

⁵ NHK World. 03.06.2010.

⁶ NHK. 14.06.2010.

В.В. Кузьминков

ПРОБЛЕМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

11 июня 2009 г. нижняя палата парламента Японии приняла поправки к Закону о специальных мерах по содействию решению «проблемы северных территорий». Под «проблемой северных территорий» имеется в виду проблема принадлежности четырех островов – Итуруп, Кунашир, Шикотан и группы островов Плоские (Хабомаи). В российской историографии их принято называть островами Южно-Курильской гряды, или южными Курилами. В японской историографии – *Тисима гунто* (Южная Тисима). Согласно Сан-Францисскому мирному договору 1951 г., после Второй мировой войны Япония отказалась «от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова». Для обозначения четырех островов было введено понятие – «северные территории».

Суть принятых поправок – активизация усилий для скорейшего «возвращения» Японии «северных территорий». При этом острова были определены в законе как «исконно японские территории». Не лишним будет заметить, что этот закон существует в Японии с 1982 г., и за это время нижняя палата приняла 17, а верхняя палата 12 резолюций об активизации усилий по «возвращению островов»¹.

Однако именно последние поправки с определением островов как «исконно японских территорий» вызвали широкий резонанс в российском обществе. Хотя в самом законе главный акцент новых поправок делался не на исконную принадлежность островов Японии, как утверждалось в российской прессе, а на «активизацию усилий для скорейшего возврата» островов. Япония никогда не скрывала, что считает эти острова исконно японскими территориями. Более того, это – один из главных аргументов японской стороны в ее притязаниях на острова.

На протяжении более чем полувека «возвращение северных территорий» является главным условием для заключения мирного договора и основной целью японской политики в отношении России. Со своей стороны Российская Федерация, хотя и признала наличие проблемы территориального размежевания с Японией, никогда не обещала «вернуть» указанные острова. РФ призывает своего дальневосточного соседа развивать всесторонние отношения, не ограничиваясь обсуждением принадлежности спорных территорий. Тем не менее за более чем полувековую историю указанной проблемы стороны практически не сдвинулись с места в ее решении.

Причины такого затяжного и тупикового конфликта между двумя странами кроются в диаметрально противоположных позициях двух стран в отношении одних и тех же международно-правовых документов периода Второй мировой войны, таких, как Каирское соглашение 1943 г., Ялтинское соглашение 1945 г., Потсдамская декларация 1945 г. и Сан-Францисский мирный договор 1951 г. Прелюдией системы аргументации следует считать проблему правомерности нарушения Советским Союзом пакта о нейтралитете.

Цель данного исследования – на основе анализа основных международно-правовых документов, касающихся проблемы территориального размежевания, определить причины возникновения проблемы и обоснованность территориальных претензий Японии к Российской Федерации.

1

Началом разногласий между двумя странами можно считать оценки правомерности нарушения Советским Союзом пакта о нейтралитете с Японией.

13 апреля 1941 г. в Москве между СССР и Японией был заключен пакт о нейтралитете. Главным элементом пакта была его ст. 2, текст которой гласил: «В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта»². Однако война на Тихом океане совсем не подпадала под эту формулировку, так как Япония выступала не объектом, а субъектом действия.

25 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете между СССР и Японией был ратифицирован в обоих государствах. Срок действия договора определялся в 5 лет. Это означало, что даже в случае его денонсации одной из сторон он продолжал бы иметь силу до 25 апреля 1946 г. Однако за год до истечения срока пакта о нейтралитете, 8 августа 1945 г., Советский Союз объявил Японии войну и начал боевые действия на Дальнем Востоке, заняв южную часть острова Сахалин и все острова Курильской гряды.

При оценке этого политического шага СССР недостаточно ограничиться лишь констатацией факта, необходимо учесть ряд важных обстоятельств. *Во-первых*, пойти на этот шаг СССР заставила международная ситуация, коренным образом изменившаяся на тот момент. Дело в том, что война СССР с Японией стала частью Второй мировой войны, так как Советский Союз вступил в нее на основе обязательств, данных им союзным державам США и Великобритании. Эти обязательства были результатом компромисса между СССР, США и Великобританией в отношении послевоенного мироустройства. Таким образом, данные союзникам обязательства имели большую юридическую силу, чем пакт о нейтралитете с Японией, который Советский Союз предварительно денонсировал 5 апреля 1945 г., мотивировав это тем, что в условиях, когда Япония воюет с США и Великобританией, являющихся союзниками СССР, пакт теряет смысл и его продление становится невозможным³. К тому же ни СССР, ни Япония не были объектами военных действий, как это было записано в пакте о нейтралитете, а являлись ее субъектами в полном смысле этого слова.

Во-вторых, обоснованность вступления СССР в войну против Японии подтверждает Устав ООН, подписанный на конференции в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. еще до вступления СССР в войну против Японии и ратифицированный Президиумом Верховного Совета СССР 20 августа 1945 г. Формально Устав ООН вступил в силу 24 октября 1945 г. Однако, согласно нормам общего международного права, подписав и ратифицировав Устав ООН, СССР был связан его обязательствами. Устав ООН как норма обычного и отчасти договорного международного права уже действовал к началу войны СССР с Японией

Устав требовал от членов ООН совместных, коллективных мер против агрессора. Одна из основных задач ООН, сформулирован-

ная в ст. 1 Устава ООН, гласит, что Члены Организации должны «принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира»⁴. Следовательно, вступая в войну против Японии, советское руководство выполняло задачу, поставленную Уставом ООН.

Далее, ст. 103 Устава ООН гласит: «В том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу»⁵. Из этого следует, что, согласно ст. 103 Устава ООН, действия Советского Союза в отношении Японии были правомерны. Вступив в ООН 18 декабря 1956 г., Япония признала Устав и тем самым согласилась с правомерностью действий Советского Союза в отношении пакта о нейтралитете.

Таким образом, учитывая обязательства СССР перед союзниками, а также положения Устава ООН (ст. 1 и 103), вступление Советского Союза в войну против Японии после денонсации двустороннего пакта о нейтралитете не может рассматриваться как нарушение норм международного права.

2 сентября 1945 г. в обращении к народу по случаю подписания Акта о безоговорочной капитуляции Японии генералиссимус Советского Союза Иосиф Сталин отмечал, что Япония — очаг мировой агрессии на востоке, о чем свидетельствовали ее вероломные, без объявления войны нападения на Порт-Артур в 1904 г. и на Пирл-Харбор в 1941 г. Сталин утверждал, что Япония «воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и таким образом закрыть на замок... все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток. Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны». Далее Сталин приводит такие примеры японской агрессии, как японская интервенция 1918–1925 гг. и «атаки в районах озера Хасан в 1938 г. и реки Халхин-Гол в 1939 г.». Безоговорочная капитуляция Японии означает, продолжает Сталин, что «Южный Сахалин и Курильские острова отойдут

к Советскому Союзу и отныне будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии»⁶. Из обращения Сталина очевидно, что изъятием южной части острова Сахалин и Курильских островов Япония была наказана за агрессию на Дальнем Востоке. В свою очередь Советский Союз смог обезопасить свои дальневосточные районы и укрепить свое военно-политическое положение на Дальнем Востоке.

По нашему мнению, международно-правовая ответственность Японии за агрессию на Дальнем Востоке является основным аргументом в пользу изъятия у последней территорий в результате Второй мировой войны. Эта ответственность была возложена на Японию Ялтинским соглашением 1945 г., Каирской и Потсдамской декларациями соответственно 1943 и 1945 гг. и отражена в Сан-Францисском мирном договоре 1951 г. и мирных договорах Японии с другими странами.

3 декабря 1943 г. в Каире на конференции глав правительств США, Великобритании и Китая было принято заявление, в котором излагались цели союзников в войне с Японией. К этому заявлению, получившему название Каирская декларация, в августе 1945 г. присоединился СССР. В Каирской декларации было заявлено: «Три великих союзника ведут эту войну, чтобы остановить и покарать агрессию Японии. Они не стремятся ни к каким завоеваниям для самих себя и не имеют никаких помыслов о территориальной экспансии. Их цель заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны 1914 г. ...Япония будет также изгнана со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности»⁷. Таким образом, из декларации следует, что Япония была объявлена агрессором, и в наказание за агрессию союзники одобряли изъятие у нее территорий, приобретенных также до 1914 г., как это было в отношении Сахалина.

Следующим документом, подтверждающим обоснованность изъятия у Японии южной части острова Сахалин и Курильских островов в наказание за агрессию стало Ялтинское соглашение союзников — СССР, США и Великобритании — по вопросам Дальнего Востока от 11 февраля 1945 г. В Ялте союзники договорились, «что

через два—три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии... возвращения Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов», а также «передачи Советскому Союзу Курильских островов»⁸. Из этого следует, что США и Великобритания обещали Советскому Союзу вернуть ему южную часть острова Сахалин и Курильские острова в обмен на его участие в войне против Японии. Важно заметить, что переход указанных выше территорий под юрисдикцию Советского Союза должен был «безусловно» состояться «после победы над Японией»⁹.

В связи с этим Ялтинское соглашение развивало положение Каирской декларации об ответственности Японии за агрессию, позволяющее изымать у агрессора часть его метрополии¹⁰, как позднее это было оформлено в Уставе ООН. Принципиальное значение при оценке Ялтинского соглашения имеет положение ст. 107 Устава ООН о том, что «Устав ни в коей мере не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате Второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение Второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям»¹¹. Иначе говоря, Устав ООН в качестве меры наказания признает передачу территорий государства агрессора другому государству, как это было предусмотрено в упомянутом соглашении. Как отмечалось выше, своим вступлением в ООН Япония признала все положения Устава ООН. Следовательно, ее заявления о непричастности к Ялтинским соглашениям являются необоснованными.

26 июля 1945 г. в Потсдаме главы правительств США, Великобритании и Китая выступили с заявлением, получившим название «Потсдамская декларация», в котором требовали безоговорочной капитуляции Японии. Советский Союз присоединился к декларации 8 августа. В декларации (ст. 8) говорилось, что «условия Каирской декларации будут выполнены, и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем»¹². Таким образом, «Потсдамская декларация» подтверждала поло-

жение Каирской декларации об изгнании Японии с захваченных территорий и ограничивала ее суверенитет четырьмя главными и некоторыми мелкими островами.

Какие мелкие острова останутся под суверенитетом Японии, в Потсдамской декларации определялось решениями союзников — как теми, что были приняты в прошлом, так и теми, которые предстояло принять в будущем, т.е. в первую очередь Ялтинским соглашением, условия которого были равноценны условиям прелиминарного мирного договора.

2

14 августа 1945 г. кабинет Судзуки Кантаро принял Потсдамскую декларацию, а 2 сентября Япония подписала документы о безоговорочной капитуляции. Согласно «Общему военному и военно-морскому приказу № 1» Главнокомандующего союзных держав Дугласа Макартура (1945–1951 гг.) от 14 августа 1945 г., капитуляция японских войск на Дальнем Востоке, а именно «силы внутри Маньчжурии, Кореи — севернее 38-го градуса северной широты, Карафуто (Сахалин) и на Курильских островах»¹³ была поручена Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке. В личной переписке со Сталиным президент США Гарри Трумэн (1945–1953 гг.) подтвердил обещание, данное его предшественником в Ялте, передать Курильские острова Советскому Союзу¹⁴.

3 сентября 1945 г. Верховный главнокомандующий союзных держав генерал Макартур издал «Общий приказ № 2», по которому «Курильские острова, включая Хабомаи, являются изъятыми из зоны, где 8-я американская армия принимает капитуляцию японских войск»¹⁵. Этот приказ был положен в основу меморандума главнокомандующего союзных держав японскому императорскому правительству № 677 от 29 января 1946 г. Согласно меморандуму, из-под юрисдикции государственной и административной власти Японии были исключены все находящиеся к северу от Хоккайдо острова, в том числе «Курильские острова (Тисима), группа о-вов Хабомаи (Хабомадзе), включая о-ва Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу, а также о-в Сикотан». В отношении этого меморандума у японского правительства не возникло никаких возражений, поскольку это решение соответствовало безоговорочной капитуляции, на которую оно согласилось.

2 февраля 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было установлено, что «вся земля с ее недрами, лесами и водами на территории южной части острова Сахалин и Курильских островов является государственной собственностью СССР»¹⁶. Установив суверенитет над южной частью острова Сахалин и Курильскими островами, Советский Союз действовал на основе договоренностей с союзниками, оформленных в Каирской (1943 г.), Ялтинской (1945 г.) и Потсдамской декларациях (1945 г.), а также соблюдая Устав ООН.

Все эти документы предусматривают международно-правовую ответственность Японии за развязывание агрессии на Дальнем Востоке и коллективные меры по наказанию агрессора. Следовательно, изъятие у Японии некоторых территорий в результате Второй мировой войны коренным образом отличается от имевших место ранее захватов территории на основании «права победителя». Иначе говоря, был оформлен новый принцип, направленный на поддержание международного мира, — принцип ответственности за агрессию. В качестве меры ответственности были санкции против агрессора, среди которых — изъятие территории в качестве наказания.

В конце 1940-х годов между США и СССР обострилась борьба за сферы влияния, которая велась не только в Европе, но и в Азии. 9 сентября 1948 г. была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика, а 1 октября 1949 г. — Китайская Народная Республика. 14 февраля 1950 г. в Кремле состоялось подписание советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи.

Война на Корейском полуострове, начавшаяся 25 июня 1950 г., подчеркнула важное стратегическое значение японских островов и утвердила американское руководство в мысли, что Япония должна стать плацдармом для борьбы с распространением коммунизма в Азии. Таким образом, из своего недавнего противника США решили сделать надежного союзника. Однако для статуса полноценного союзника Японии не хватало независимости. Поэтому в начале 1951 г. США и Великобритания всерьез начинают обсуждать проблему заключения сепаратного мирного договора с Японией.

Япония тоже стремилась заключить мирный договор с США и Великобританией. Премьер-министр Японии Ёсида Сигэру

(1946–1947; 1948–1954 гг.) считал, что только с помощью США и Великобритании Япония сможет восстановить разрушенную экономику. Более того, Ёсида полагал, что в условиях противостояния СССР и США тесные союзнические отношения с последними смогут стать гарантией безопасности Японии и оградят ее от советской военной угрозы. Этой цели будет служить заключение японо-американского союза, который давал бы право американским войскам дислоцироваться на территории Японии¹⁷.

Необходимо отметить, что работа по подготовке мирного договора в различных инстанциях началась гораздо раньше. Так, уже 17 марта 1947 г. Макартур информировал Вашингтон о том, что Япония готова к заключению мирного договора, а 11 июля Госдепартамент разослал приглашения 11 странам, входящим в Дальневосточную комиссию, принять участие в предварительной конференции по подготовке проекта мирного договора с Японией¹⁸. Однако это не отвечало планам Вашингтона, поскольку на тот момент Япония еще не была в полной мере готова стать союзником США в борьбе с распространением коммунизма в Азии.

При обсуждении мирного договора в Государственном департаменте США возникла проблема определения статуса Курильских островов. С одной стороны, США были связаны Ялтинскими соглашениями и должны были наказать Японию за агрессию, а с другой — они должны были подписать с Японией такой мирный договор, который бы не ущемлял прав островного государства.

Разработка договора была возложена на советника Госдепартамента США Джона Фостера Даллеса. При подготовке мирного договора Даллес трактовал Ялтинские соглашения как «заявление об общих целях». Это означало, что для получения суверенитета над Курильскими островами СССР должен подписать мирный договор с Японией. Такая позиция США была грубым нарушением условий Ялтинского соглашения, по которому указанные острова должны были быть переданы Советскому Союзу «безусловно» и сразу «после победы над Японией». Тем самым Даллес стремился создать условия, при которых бы вопрос о Курильских островах оставался открытым, что мешало бы нормализации отношений между СССР и Японией.

На пресс-конференции 28 марта 1951 г. Даллес заявил, что правительство США выступает против включения островов Хабомаи

в состав Курильских островов, в отношении которых была достигнута договоренность по Ялтинскому соглашению, не возражая, однако, против включения в их состав острова Шикотан. Дело в том, что американцы должны были следовать соглашениям с союзниками и наказать Японию за агрессию, закрепив в тексте мирного договора отказ Японии от Курильских островов. Поэтому заявить об исключении из Курильской гряды небольшой группы островов Хабомаи было своего рода уступкой Японии.

Более того, Даллес предложил скользкую формулировку о принадлежности этих островов. По аналогии с Тайванем, где был зафиксирован отказ Японии в пользу Китая без уточнения, какой именно Китай имеется в виду (правительство Чан Кайши или КНР), Даллес предложил изложить статьи об отказе Японии от Курильских островов без уточнения, кому они будут принадлежать.

Таким образом, в ст. 2с договора было записано: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.»¹⁹. Из такой формулировки, во-первых, не было наверняка понятно, в чью пользу Япония отказывается от островов. Во-вторых, не были определены географические границы островов, от которых отказывалась Япония.

С 4 по 8 сентября в Сан-Франциско состоялась мирная конференция, в работе которой приняли участие более 50 стран. Вопреки ожиданиям, Советский Союз тоже принял участие в конференции, но поскольку ни одна из предложенных с его стороны поправок не была принята, СССР отказался подписать мирный договор. Выступая на конференции, Громыко заявил: «Не должно быть никакой неясности, если исходить из бесспорных прав государств на территории, которые Япония прибрала к своим рукам силой оружия... Проект договора противоречит тем обязательствам, которые взяли на себя США и Великобритания по Ялтинскому соглашению о возвращении Сахалина и о передаче Курильских островов Советскому Союзу»²⁰.

Символичным было выступление на конференции премьер-министра Ёсиды 7 сентября 1951 г. В своем выступлении он опро-

верг доводы Громыко о том, что Япония захватила острова силой. Ёсида заявил, что «острова Хабомаи и Шикотан являются частью острова Хоккайдо и были оккупированы Советским Союзом в одностороннем порядке 20 сентября 1945 г., вскоре после японской капитуляции»²¹. Интересно, что такое заявление Ёсида сделал спустя 2 дня после выступления на конференции Даллеса, который заявил, что, по мнению Соединенных Штатов, «острова Хабомаи не входят в географическое понятие “Курильские острова”, упомянутое в ст. 2с»²². Иными словами, с подачи Даллеса был создан прецедент для обсуждения принадлежности островов Хабомаи как не входящих в географическое понятие «Курильские острова». Ёсида же расширил их состав до острова Шикотан. Позднее японское правительство добавит к ним острова Итуруп и Кунашир и будет настаивать на том, что эти четыре острова не входят в географическое понятие «Курильские острова», а, следовательно, не подпадают под определение Курильских островов, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору.

Однако такое утверждение не выдерживает критики. Поскольку на целом ряде довоенных карт и лощиях Японии, утвержденных Министерством просвещения, Курильские острова, включая и самые южные, представляют собой одно географическое целое под названием «Тисима»²³. Что же касается выделения островов Хабомаи и острова Шикотан, то оно делалось исключительно на основании политико-административного деления Японии. Так, в меморандуме Верховного главнокомандующего союзных держав № 677 об изъятии из-под суверенитета Японии Курильских островов острова Хабомаи и Шикотан были выделены только на основании политико-административной принадлежности данных островов к префектуре Хоккайдо, что не оспаривало их географическую принадлежность к Курильским островам. Что же касается островов Кунашир и Итуруп, то они не считались японской стороной частью префектуры Хоккайдо. Следовательно, считать их не частью Курильских островов, а частью каких-либо других префектур островов Хонсю, Сикоку или Кюсю было бы совершенно нелепо.

Таким образом, толкование правящими кругами Японии и США понятия «Курильские острова» (от прав и правооснований на которые Япония отказалась по Сан-Францисскому договору), как не включающего в себя южную часть Курильских островов,

противоречит тому, что было зафиксировано на картах Японии.

При оценке роли Сан-Францисского мирного договора в определении территориальной принадлежности Курильских островов, как и южной части острова Сахалин с прилегающими островами, следует учитывать ст. 8а, в которой Япония признала «полную силу всех договоров, заключенных союзными державами в настоящее время или в будущем, для прекращения состояния войны, начатой 1 сентября 1939 г., а также любые другие соглашения союзных держав, заключенные для восстановления мира или в связи с восстановлением мира»²⁴. Таким образом, подписав Сан-Францисский мирный договор, Япония признала действительность всех предыдущих договоров союзных держав, включая Каирскую декларацию 1943 г., и Ялтинское соглашение 1945 г., в котором определялась судьба всех Курильских островов.

Кроме того, тот факт, что в Сан-Францисском мирном договоре не были указаны географические границы Курильских островов, от которых отказалась Япония, не дает право толковать границы островов, исходя из внутрисударственных интересов. Согласно ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров, если тому или иному термину не придается специального значения в тексте международного документа или в отдельном соглашении, то он употребляется в обычном значении. Следовательно, термин «Курильские острова», употребленный в Сан-Францисском мирном договоре, относится ко всему архипелагу, как это записано в статье 2с договора.

3

С течением времени возникла необходимость восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией. Новый советский лидер – первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущёв (1953–1964 гг.) – предложил курс на «мирное сосуществование» с государствами иной политической формации и выступил за нормализацию отношений с капиталистическими странами.

Хрущев считал, что Сталин совершил ошибку, не подписав Сан-Францисский мирный договор. В своих мемуарах он пишет: «Это – большая потеря. Мы сами, проявив тупость, непонимание, создали наилучшие условия для антисоветской пропаганды со стороны врагов как внутри Японии, так и в США»²⁵. Таким об-

разом, Хрущев хотел восстановить отношения с Японией даже на условиях Сан-Францисского мирного договора.

В рамках курса на «мирное сосуществование» советское руководство стало искать пути восстановления советско-японских отношений. Так, например, 12 сентября 1954 г. Вячеслав Молотов (1946–1949 гг.), отвечая на вопросы японской газеты «Тюбу симбун», заявил, что Советский Союз готов восстановить отношения с Японией²⁶. 12 октября 1954 г. СССР и КНР в совместной декларации выразили готовность восстановить отношения с Японией.

Вскоре и в Японии сложилась благоприятная ситуация для восстановления отношений с СССР. 10 декабря 1954 г. новым премьер-министром Японии стал Хатояма Итиро (1954–1956 гг.), который, в отличие от Ёсида, придавал огромное значение проблеме восстановления отношений с Советским Союзом. В своих мемуарах Хатояма объясняет необходимость восстановления отношений с Советским Союзом несколькими причинами. Во-первых, это – проблема мира и безопасности. В условиях противостояния «двух миров» необходимо было положить конец состоянию войны между Японией и СССР. Восстановив отношения с Советским Союзом, Япония могла играть роль посредника между двумя противостоящими лагерями, внося достойный вклад в поддержание мира. Во-вторых, это – желание поднять престиж страны на международной арене и добиться полной независимости. Для этого было необходимо принятие Японии в ООН, которое долгое время откладывалось из-за советского вето. В-третьих, это – проблема военнопленных. В СССР еще оставалось много японских военнопленных. В-четвертых, это – возвращение «исконно японских территорий»²⁷. Еще одной важной причиной восстановления отношений с СССР, о которой Хатояма не упоминает в своих мемуарах, была проблема рыболовства.

В территориальном вопросе Хатояма демонстрировал трезвый взгляд на проблему. Так, выступая в марте 1955 г. на 22-й сессии парламента страны он заявил: «Ялтинское соглашение было, по существу, признано в Сан-Францисском мирном договоре, по которому мы отказались от этих территорий»²⁸. Хатояма имел в виду южную часть острова Сахалин и Курильские острова, правда, в том виде, как они были определены Макартуром в 1946 г., т. е. без Шикотана и Хабомаи.

В начале 1955 г. СССР начал первые неофициальные контакты с Японией через исполняющего обязанности торгового представителя в Токио Андрея Домницкого. 25 января 1955 г. Домницкий посетил Хатояма и передал ему послание советского правительства с предложением начать переговоры²⁹.

Несмотря на то что по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. Япония отказалась от всех прав, правооснований и претензий на южную часть острова Сахалин и Курильские острова, 26 мая 1955 г. министр иностранных дел Сигэмицу Мамору заявил в парламенте о намерении добиваться возвращения южной части острова Сахалин и Курильских островов. По сути речь шла об отказе японского правительства от той части Сан-Францисского мирного договора, где были определены северные границы Японии.

7 июля 1955 г. на советско-японских переговорах в Лондоне Япония официально предъявила Советскому Союзу территориальные претензии. В частности, это были требования вернуть Японии «острова Хабомаи, Шикотан, Курильские острова, а также Южный Сахалин»³⁰. Интересно, что Хабомаи и Шикотан были вынесены отдельно, а не в составе Курильских островов. Так японская сторона стремилась подчеркнуть особый статус островов Хабомаи и Шикотан как «части острова Хоккайдо». Это были первые официальные территориальные претензии Японии к СССР. Советская сторона отвергла эти претензии, заявив, что «принадлежность Южного Сахалина, а также Курильских островов, включая острова Хабомаи и Шикотан, решена согласно Ялтинскому соглашению, Потсдамской декларации, «Общему приказу № 1», и меморандуму Верховного главнокомандующего союзных держав № 677»³¹.

К тому же, отказавшись от всех прав, правооснований и претензий на южную часть острова Сахалин и Курильские острова по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г., Япония лишила себя права претендовать на эти территории. Более того, в соответствии с многолетней практикой международных арбитражных судов тот факт, что Япония не заявила официального протеста против установления в 1946 г. советского суверенитета над указанными территориями вплоть до 1955 г., означает, что она не только подтвердила отказ от своих прежних прав территориального суверенитета, но и молчаливо признала территориальный

суверенитет СССР над этими островами на основе Ялтинского соглашения.

Продолжавшиеся до середины июля 1955 г. советско-японские переговоры в Лондоне зашли в тупик. 18 июля 1955 г. переговоры были прерваны на время Женевского совещания с участием глав США и СССР. Используя эту возможность, Япония попыталась заручиться американской поддержкой в территориальном вопросе. Безусловно, США проявляли большой интерес к ходу советско-японских переговоров, но не собирались вмешиваться до тех пор, пока Япония не шла на уступки в территориальном вопросе³². Такую позицию невмешательства США занимали до августа 1956 г.

Стремясь к скорейшему прекращению состояния войны с Японией, восстановлению нормальных межгосударственных отношений между двумя странами и руководствуясь интересами добрососедства, Советский Союз согласился передать Японии острова Хабомаи и Шикотан. Это решение советской стороны представитель СССР на переговорах Яков Малик озвучил после Женевского совещания в верхах 5 августа 1955 г.

Важно отметить, что до этого, явно поспешного, решения Москвы японцы особо и не надеялись на территориальные уступки, учитывая тот факт, что они не имели права претендовать на эти территории, поскольку сами же отказались от них в 1951 г. Поэтому, когда Малик огласил решение Москвы, японский представитель Мацумото Сюнъити был настолько удивлен, что «не поверил своим ушам»³³.

Однако в связи с такой уступкой Советского Союза Япония лишь увеличила свои территориальные претензии. 27 августа Сигэмицу выслал Мацумото «дополнительный указ», в котором Япония требовала «безоговорочного возврата» островов Хабомаи и Шикотан, а также «возврата» островов Кунашир и Итуруп. В отношении принадлежности остальных островов Северной Тисимы (Курильских островов) и Южного Сахалина предлагалось созвать международную конференцию³⁴. Таким образом, японская сторона в качестве дополнительного условия выдвинула возврат еще двух островов — Итурупа и Кунашира, что противоречило ее первоначальным требованиям. К тому же, если в отношении принадлежности островов Хабомаи и Шикотан были разногласия, то

в отношении Итурупа и Кунашира никаких разногласий не было, все подписанты признавали их принадлежность к Курильским островам.

У японской стороны были как минимум три причины поставить дополнительные условия, добавив еще два острова. *Во-первых*, это — тактика самого переговорного процесса. Так быстро и легко согласившись на уступку двух островов, советская сторона дала повод думать, что возможен дальнейший торг. В японском МИДе очень осторожно отнеслись к компромиссному варианту советской стороны. Япония опасалась, что взамен Советский Союз может потребовать, например, право прохода через морские проливы.

Во-вторых, это — японо-американские отношения. США постоянно давали понять Японии, что уступки по отношению к СССР плохо отразятся на японо-американских отношениях. Япония не могла решить территориальный вопрос, согласившись всего лишь на два острова, США никогда бы не одобрили такого шага со стороны Японии.

В-третьих, это — внутривнутриполитическая ситуация. В то время был взят курс на слияние Либеральной и Демократической партий Японии. Однако наиболее острые разногласия двух партий были связаны с проблемой восстановления дипломатических отношений с СССР. Либеральная партия, где особенно влиятельной была фракция Ёсида, занимала жесткую позицию и была против скорого восстановления отношений с СССР, требуя возврата островов Итуруп и Кунашир. Поэтому серьезная оппозиция Либеральной партии в вопросе восстановления отношений с СССР могла привести к провалу курса на слияние.

После 23 совместных заседаний сторон 20 марта 1956 г. лондонские переговоры были прерваны и возобновились уже в Москве 31 июля того же года. На заседании министров иностранных дел СССР Дмитрий Шепилов (1956—1957 гг.) заявил Сигэмицу, что уступка островов Хабомаи и Шикотан является максимально возможной территориальной уступкой со стороны Советского Союза. После сложных переговоров 12 августа Сигэмицу сообщил в Токио, что надо отказаться от Кунашира и Итурупа и заключить мирный договор на предложенных Советским Союзом условиях. Однако Хатояма не согласился, отозвал Сигэмицу и решил сам поехать на переговоры³⁵.

Перед возвращением в Токио Сигэмицу принял участие в Лондонской конференции по проблеме Суэцкого канала. 19 августа 1956 г. в посольстве США в Лондоне Сигэмицу встретился с госсекретарем США Джоном Ф. Даллесом и информировал его о ходе московских переговоров. С целью не допустить советско-японского сближения Даллес заявил Сигэмицу, что в случае подписания Японией мирного договора с СССР, в котором Япония признает суверенитет Советского Союза над островами Кунашир и Итуруп, США получат право на полный суверенитет над островами Рюкю и навсегда останутся на Окинаве³⁶. Пораженный такой позицией Даллеса Сигэмицу поведал об этом Мацумото. По этому вопросу, вспоминал Мацумото, и в прошлом в посольство Японии в Вашингтоне поступали подобные заявления со стороны Госдепартамента США. Однако то, что Даллес лично заявит об этом министру иностранных дел, видимо, было большой неожиданностью для самого министра, писал Мацумото³⁷.

Истолковывая таким образом японские территориальные притязания к Советскому Союзу и будучи уверенным, что СССР их отклонит, Даллес был бы не прочь, ссылаясь на Сан-Францисский мирный договор, навечно «узаконить» отторжение от Японии в пользу США жизненно важных для нее островов Рюкю³⁸.

Далее, 7 сентября 1956 г., за месяц до подписания Советско-японской совместной декларации, Даллес направил в Токио ноту о том, что «в отношении Курильских островов американское правительство считает Ялтинское соглашение лишь общим курсом лидеров антигитлеровской коалиции, а совсем не окончательным решением, и что данное соглашение не имеет силы, дающей право производить передачу островов. Более того, правительство США, изучив проблему, пришло к выводу, что острова Итуруп и Кунашир являются исконно японскими территориями, так же, как и острова Шикотан и Хабомаи, которые составляют часть острова Хоккайдо³⁹. Таким образом, американское правительство, преследуя цель помешать нормализации отношений между СССР и Японией, исказило данные в Ялте обещания и создало прецедент, на основе которого японская сторона выстроила свою позицию в отношении решений Ялтинской конференции.

В связи с тупиковой ситуацией в территориальном вопросе Хатояма предложил советской стороне подписать не мирный

договор, а документ, не предполагающий его ратификацию и решающий лишь первоочередные задачи. Еще до приезда в Москву 11 сентября 1956 г. Хатояма направил Председателю Совета Министров СССР Николаю Булганину (1955–1958 гг.) послание из пяти пунктов, в котором изложил принципы нормализации советско-японских отношений: во-первых, прекращение состояния войны; во-вторых, обмен посольствами; в-третьих, немедленная репатриация оставшихся в СССР японских военнопленных; в-четвертых, вступление в силу рыболовной конвенции; в-пятых, поддержка Советским Союзом приема Японии в ООН⁴⁰. Таким образом, решение территориального вопроса предлагалось отложить.

По этому поводу 29 сентября 1956 г. заместитель министра иностранных дел СССР Андрей Громыко и заместитель министра иностранных дел Японии Мацумото Сунъити обменялись письмами относительно продолжения после восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией переговоров о заключении мирного договора, включая территориальный вопрос. Другими словами, обе стороны подтвердили, что обсуждение территориального вопроса будет продолжено после восстановления дипломатических отношений.

Однако во время официальных переговоров с участием премьер-министра Хатояма 16 октября 1956 г. министр сельского хозяйства и лесоводства Итиро Коно (1954–1955 гг.) на встрече с Хрущевым, ссылаясь на внутривластную ситуацию в Японии, поставил вопрос о том, чтобы зафиксировать в итоговом документе о нормализации отношений передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан. При этом японский представитель извинился за то, что предлагает возобновить переговоры не на тех условиях, на которых была достигнута предварительная договоренность, оформленная посланиями глав правительств и обменными письмами заместителей министров иностранных дел. Следовательно, обменные письма между Громыко и Мацумото о продолжении переговоров по территориальному вопросу относились не к окончательному тексту Совместной декларации, а к промежуточному японскому проекту из пяти пунктов, предусматривающему нормализацию отношений без упоминания территориального вопроса. Поэтому толкование японской стороной этих обменных писем как основы для продолжения переговоров

по территориальному вопросу является нарушением международного права.

Хрущев согласился с предложением Коно, но с условием, что передача Хабомаи и Шикотана будет окончательной уступкой СССР и фактическая передача островов произойдет после заключения мирного договора и после того, как США передадут Японии Окинаву и другие исконно японские территории⁴¹. Таким образом, вместо японского проекта из пяти пунктов был составлен новый текст совместной советско-японской декларации, подписанной 19 октября 1956 г.

Декларация одновременно была ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР и парламентом Японии 8 декабря 1956 г. и вступила в силу 12 декабря 1956 г. после состоявшегося в Токио обмена ратификационными грамотами. Процедура ратификации Совместной декларации, характерная для международных договоров, придавала ей «особый правовой статус»⁴².

Основным содержанием декларации стало прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между Советским Союзом и Японией. С юридической точки зрения, прекращение состояния войны между ними означало, что Советский Союз прекратил оккупацию южной части острова Сахалин и всех островов Курильской гряды и что Япония признала переход их де-факто под юрисдикцию Советского Союза.

Совместная декларация, в отличие от одностороннего акта о прекращении состояния войны, выразила согласованную волю сторон и в этом отношении аналогична как прелиминарному, так и окончательному мирному договору. Этот документ содержал также конкретное положение, общее и с прелиминарным мирным договором, — предварительное согласие передать Японии острова Хабомаи и Шикотан при условии восстановления добрососедства и дружбы, а также выполнения согласованного обязательства об открытии переговоров между СССР и Японией с целью заключения мирного договора.

Согласно ст. 9 Совместной декларации, было условлено продолжать переговоры о заключении мирного договора. Советский Союз, «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан⁴³ с тем, однако, что фактическая пере-

дача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией»⁴⁴. Из этого следует, что территориальная уступка Японии в виде островов Хабомаи и Шикотан при условии заключения мирного договора ставит точку в территориальном споре.

В отличие от такого рода документов, как односторонних, так и совместных, главное назначение которых — ликвидировать состояние войны между государствами, а мирного договора в его обеих разновидностях — установить между ними мир и нормальные отношения, Совместная декларация между СССР и Японией носила иной характер, поскольку она не только покончила с состоянием войны, но и нормализовала нарушенные войной межгосударственные отношения.

Таким образом, этот документ с точки зрения как определения конкретных условий мира, так и основополагающих формулировок совмещает в себе черты совместной декларации и мирного договора.

Спустя полгода после восстановления советско-японских отношений, 25 февраля 1957 г., в Японии было сформировано новое правительство во главе с Киси Нобусукэ (1957—1960 гг.). Еще будучи министром иностранных дел в правительстве Исибаси Тандзана (1956—1957 гг.), Киси заявил, что приложит все усилия для укрепления японо-американских отношений⁴⁵. В своих мемуарах Киси писал, что «каким бы ни было поведение стран социалистического лагеря, основой японской дипломатии должно быть установление дружественных отношений с Соединенными Штатами Америки»⁴⁶. Таким образом, японское правительство, вопреки духу Совместной декларации, стало в своей внешней политике проводить курс на упрочение военного сотрудничества с США и увеличение самостоятельной роли Японии в Японо-американском договоре безопасности, имевшим вполне определенную антисоветскую направленность.

Кроме того, японские правительственные круги стали толковать обменные письма между Громыко и Мацумото как относящиеся к содержанию Совместной советско-японской декларации, что, как указывалось выше, противоречило действительности. Вследствие этого в заявлениях японского МИДа появились утверждения, что нормализация советско-японских отношений не

откладывает, а, наоборот, предполагает возобновление дальнейших переговоров по территориальному вопросу и что Совместная декларация 1956 г. не подводит черту в отношении территориальной проблемы между двумя странами и переговоры в отношении принадлежности островов Итуруп и Кунашир должны быть продолжены.

19 января 1960 г. в Вашингтоне Киси подписал новый Японо-американский договор безопасности. В связи с этим советское правительство внесло коррективы в свою позицию по отношению к Японии. Эти коррективы были изложены в трех памятных записках, направленных в Токио в январе—апреле 1960 г.

Так, в памятной записке от 27 января 1960 г. указывалось, что в результате заключения Японией военного договора с США «складывается новое положение, при котором невозможно осуществление обещания Советского правительства о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотан». Советское правительство «не может содействовать тому, чтобы передачей указанных островов Японии была бы расширена территория, используемая иностранными войсками». Следовательно, «только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Сикотан будут переданы Японии» согласно условиям Совместной декларации 1956 г.⁴⁷

В другой памятной записке советского правительства от 24 февраля 1960 г. подчеркивалось, что японское правительство «преднамеренно затягивает подписание мирного договора между СССР и Японией, выдвигая необоснованные претензии по территориальному вопросу, который давно уже решен соответствующими международными соглашениями»⁴⁸. Под международными соглашениями имелись в виду Ялтинское соглашение 1945 г., Каирская и Потсдамская декларации соответственно 1943 г. и 1945 г., Сан-Францисский мирный договор 1951 г. и другие документы, подписанные представителями союзных держав. То же самое было заявлено в памятной записке советского правительства от 22 апреля 1960 г. Причем было особо подчеркнуто, что «территориальный вопрос между СССР и Японией решен и закреплен соответствующими соглашениями, которые должны соблюдаться»⁴⁹.

Кроме того, в декабре 1976 г. Советский Союз в соответствии с нормами международного морского права установил в районе Южно-Курильских островов специальную 200-мильную зону, которая была признана Временным соглашением о рыболовстве между СССР и Японией 1977 г.

Все это привело к коренному изменению обстоятельств по сравнению с теми, в которых была заключена Совместная декларация 1956 г. В связи с этим следует отметить, что в соответствии со ст. 44 и 62 Венской конвенции о праве международных договоров договор может быть не исполнен полностью или частично, если «изменение обстоятельств коренным образом изменяет сферу действия обязательств». Такими обстоятельствами можно считать как пересмотр Японо-американского договора 1960 г., так и введение 200-мильной рыболовной зоны в 1976 г.

С тех пор и вплоть до прихода к власти Михаила Горбачева (1985—1991 гг.) позиция советского правительства в отношении территориальных притязаний Японии была предельно ясной и твердой: «территориального вопроса в отношении двух стран нет», поскольку он «уже решен» соответствующими соглашениями. Причем такая твердая позиция Советского Союза в территориальном вопросе нисколько не мешала быстрому, поступательному развитию в те годы добрососедских связей двух стран как в сфере экономики, так и в сферах науки, культуры, спорта, туризма и т.п.

В апреле 1990 г. во время своего официального визита в Японию президент Советского Союза М. Горбачев признал наличие территориальной проблемы между Россией и Японией. Это была серьезная уступка и отступление от прежней позиции СССР.

Дальнейшие шаги в этом направлении были сделаны первым президентом РФ Б. Ельциным. Во время своего визита в Токио в октябре 1993 г. Ельцин признал факт существования «территориальной проблемы» и заявил о намерении искать пути ее решения. Однако некоторое время спустя, несмотря на усиленные попытки японской стороны склонить президента к решению территориального вопроса в пользу Японии, Ельцин отказался от идеи скорого разрешения территориального вопроса, как то было заявлено во время встречи «без галстуков» с японским премьер-министром Рютаро Хасимото (1996—1998 гг.) в Кавана в 1998 г.

В 2001 г. во время встречи с японским премьер-министром Ёсихиро Мори президент В.В. Путин, понимая невозможность решения вопроса на условиях японской стороны, предложил вернуться к положению совместной Советско-японской декларации 1956 г.

На основе анализа основных международно-правовых документов можно сделать следующие выводы. *Во-первых*, во время Второй мировой войны Япония была признана агрессором и в качестве санкций у нее были изъяты территории. Такая международно-правовая ответственность была возложена на Японию Ялтинским соглашением 1945 г., Каирской (1943 г.) и Потсдамской (1945 г.) декларациями, а также отражена в Сан-Францисском мирном договоре 1951 г. и в мирных договорах Японии с другими странами.

Во-вторых, утверждая, что Россия «нарушила пакт о нейтралитете и оккупировала» японские острова, японская сторона упускает из виду, что нарушение пакта о нейтралитете и другие действия Советского Союза в отношении Японии были правомерны в соответствии с договоренностями союзников и Уставом ООН. К моменту вступления СССР в войну против Японии пакт о нейтралитете уже потерял свое значение, поскольку Россия вступила в войну с Японией на основании обязательств, данных союзным державам в Ялте. Более того, эти обязательства были одобрены Уставом ООН (ст. 1 и 103), принятым на конференции в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. еще до вступления СССР в войну против Японии. Кроме того, Уставом ООН (ст. 107) было одобрено изъятие у Японии территорий в качестве меры наказания за агрессию, зафиксированное в Ялтинском соглашении.

В-третьих, Япония трижды подтвердила территориальный суверенитет Советского Союза над Курильскими островами и южной частью острова Сахалин. В первый раз она это сделала, когда до 1955 г. не высказала возражений против установления территориального суверенитета СССР над этими островами еще в 1946 г.; во второй раз, когда отказалась от всех прав, правооснований и претензий на южную часть острова Сахалин и Курильских островов по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г., который подтвердил действительность предшествовавших договоренностей союзников: Ялтинского соглашения (1945 г.), а также Каирской (1943 г.) и Потсдамской деклараций (1945 г.), узаконив-

ших процесс изъятия Курильских островов и южной части острова Сахалин у Японии и их передачу Советскому Союзу. И, наконец, в третий раз Япония подтвердила права Советского Союза на эти острова 18 декабря 1956 г., когда вступила в ООН, признав ее Устав.

В-четвертых, в связи с изменением приоритетов во внешней политике США последние исказили данные в Ялте обещания. Спустя несколько лет после победы над Японией, дабы не допустить сближения СССР и Японии, США стали толковать Ялтинское соглашение как общий курс союзников, а не окончательную договоренность, тем самым отрицая законность передачи Советскому Союзу южной части острова Сахалин и Курильских островов и выступая за решение этого вопроса на международной конференции. Такое толкование в корне противоречило Ялтинским соглашениям, поскольку в Ялте было условлено, что в обмен на участие СССР в войне против Японии он «безусловно» и «после победы над Японией» получит суверенитет над южной частью острова Сахалин и Курильскими островами. Более того, стремясь помешать нормализации советско-японских отношений, США заявили, что часть островов не относится к географическому понятию «Курильские острова», а это противоречит тому, что было зафиксировано на картах самой Японии.

Наконец, утверждение японской стороны о том, что четыре острова — Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа островов Хабомаи — «не входят в состав Курильских островов», не выдерживает критики, поскольку они всегда являлись южной частью Курильской гряды островов, или *Тисима гунто*. Однако отказ от «прав и правооснований» на Курильские острова по Сан-Францисскому договору 1951 г. побудил Японию трактовать четыре острова как не входящие в состав Курильской гряды островов, а позднее как «северные территории». Таким образом, все четыре острова были искусственно и поэтапно выделены в особую группу островов в процессе переговоров по восстановлению отношений между Россией и Японией.

¹ Время. 03.07.2009.

² Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1946. Т. 4. С. 550.

³ Известия. 06.04.1945.

- ⁴ Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. Действующее международное право. М., 2007. Т. 1. С. 12.
- ⁵ Там же. С. 33.
- ⁶ Правда. 03.09.1945.
- ⁷ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 105–106.
- ⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М., 1947. С. 111–112.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ В данном случае с передачей ее другому государству за его вклад в разгром агрессора.
- ¹¹ Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. Указ. соч. С. 34.
- ¹² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций... С. 104–106.
- ¹³ Сборник документов (Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии) 1943–1946 гг. М.: 2-й ДВО МИД СССР, 1947. С. 30–39.
- ¹⁴ Однако Трумэн несколько искажил соглашения в Ялте, заявив, что вопрос о принадлежности Курильских островов «должен быть решен при мирном урегулировании», поскольку, согласно Ялтинским соглашениям, этот вопрос должен был быть решен «после победы над Японией».
- ¹⁵ Россия и Япония: пропущенные вехи на пути к мирному договору. М., 2001. С. 57.
- ¹⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 16.02.1946. № 5.
- ¹⁷ Ёсида Сигэру. Кайсо дзюэнэн (10 лет воспоминаний). Т. 3. С. 118. (место, год издания?)
- ¹⁸ Подробнее см.: Павлятенко В.Н. Трудная дорога к миру (К 50-летию подписания советско-японской Совместной декларации) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 96–97.
- ¹⁹ Сборник документов и материалов по Японии (1951–1954). М.: ДВО МИД СССР, 1954. С. 89–104.
- ²⁰ Правда. 07.09.1951.
- ²¹ Ёсида Сигэру. Указ. соч. Т. 3. С. 104–105.
- ²² Там же. С. 75.
- ²³ Нихон Тири Тайкэй (Географическая система Японии). Токио, 1930. Т. 10. С. 230.
- ²⁴ Сборник документов и материалов по Японии (1951–1954)... С. 89–104.
- ²⁵ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). М., 1999. Кн. 1. С. 636.
- ²⁶ Правда. 13.09.1954.
- ²⁷ Хатояма Итиро Кайкороку (Воспоминания Хатояма Итиро). Токио, 1957. С. 197–199.
- ²⁸ Асахи симбун. 25.03.1955.
- ²⁹ Хатояма Итиро Кайкороку. Указ. соч. С. 176.
- ³⁰ Мацумото Сюньити. Мосукува ни какэру нидзи — ниссо кокко: кайфуку

- хироку (Радуга над Москвой — Секретные материалы по восстановлению японо-советских отношений). Токио, 1966. С. 30–31.
- ³¹ Там же. С. 34.
- ³² Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan. Part 2. Washington: US Government Printing Office, 1985. P. 1302–1304.
- ³³ Мацумото Сюньити. Указ. соч. С. 43.
- ³⁴ Там же. С. 49.
- ³⁵ Хатояма Итиро Кайкороку. Указ. соч. С. 194.
- ³⁶ Танака Такахико. Ниссо кокко: кайфуку но ситэки кэнкю (Историческое исследование восстановления дипломатических отношений между Японией и СССР). Токио, 1993. С. 255.
- ³⁷ Мацумото Сюньити. Указ. соч. С. 117.
- ³⁸ Тихвинский С.Л. Россия-Япония обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 1996. С. 105.
- ³⁹ Кагосима хэйва кэнкю сэхэн. Ниппон гайко сюё бунсё нэмпё (Хронологическая таблица и основные документы японской дипломатии). Токио, 1983. Т. 1. С. 781.
- ⁴⁰ Лужков Ю.М., Титов И.Б. Курильский синдром. М., 2005. С. 173–174.
- ⁴¹ Там же. С. 176.
- ⁴² Павлятенко В.Н. Указ. соч. С. 92.
- ⁴³ В тексте документов остров Шикотан часто упоминается как Сикотан.
- ⁴⁴ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVII–XVIII. М. С. 257–260.
- ⁴⁵ Кагосима хэйва кэнкю сэхэн... Указ. соч. С. 789–791.
- ⁴⁶ Киси Нобусукэ. Киси Нобусукэ кайсо року — хосюго до то андзэнкайтэй (Воспоминания Нобусукэ Киси: Сплочение консерваторов и пересмотр договора безопасности). Токио, 1983. С. 281–282.
- ⁴⁷ Известия. 29.01.1960.
- ⁴⁸ Правда. 26.02.1960.
- ⁴⁹ Правда. 24.04.1960.

В.А. Гринюк

ЯПОНСКИЕ УЧЕНЫЕ О СТОЛЕТИИ АННЕКСИИ КОРЕИ

В 2010 г. исполнилось 100 лет японской аннексии Кореи. 22 августа 1910 г. генеральный резидент в Корее Масатаке Тэраути добился от главы корейского правительства подписи под договором, согласно которому корейский король «полностью и на вечные времена» передал японскому императору свои суверенные права в Корее¹. С точки зрения корейцев, договор «был плодом заговора между предателями из среды корейских должностных лиц, ставших объектами народного гнева, и японскими чиновниками из управления генерального резидента. Оглашению договора предшествовали жестокие карательные меры, включая закрытие газет и аресты тысяч корейских руководителей. Столица была окружена кольцом японских войск»².

Аннексия Кореи была одним из важнейших событий в XX в. как для Кореи, так и для Японии. Проблема присоединения Кореи и длившегося 36 лет колониального господства Японии над этой страной сохраняет свою актуальность и сегодня. *Во-первых*, до сих пор не установлены дипломатические связи Японии с Корейской Народно-Демократической Республикой, занимающей северную часть Корейского полуострова. *Во-вторых*, наследие колониального прошлого создает серьезные помехи для развития сотрудничества между Японией и Южной Кореей. В подписанный 22 июня 1965 г. Договор об основах отношений между Японией и Республикой Корея, несмотря на требования Сеула, не была включена оценка документа 1910 г. как грубо навязанного Корее акта. Это позволило японской стороне утверждать, что договор от 22 августа 1910 г. соответствовал международному праву и ситуации, сложившейся на тот момент в межгосударственных отношениях³. Отношение к этому договору является одной из причин непрекращающегося спора между Японией и государствами Корейского полуострова по поводу трактовки исторического

прошлого. *В-третьих*, для Японии существуют также и сложные внутренние проблемы, ведущие свое происхождение от колониального господства в отношении ближайших географических соседей. Эти вопросы связаны с постоянным проживанием на Японских островах многочисленных граждан КНДР и РК.

100-летию аннексии Кореи было посвящено несколько материалов японских исследователей, опубликованных в журналах во второй половине 2009 г. и в 2010 г. В данной статье автор намерен рассмотреть материалы, опубликованные в общественно-политическом ежемесячнике «Сэкай». Речь идет о записи беседы с участием почетного профессора Токийского университета историка Х. Вада, профессора Токийского университета правоведа К. Фудзивара и профессора Токийского университета политолога Кан Сан Чжуна. Этот материал озаглавлен «Чем было колониальное господство в Корее». Будут также проанализированы статьи профессора университета Нихон дзёси дайгаку и социолога Р. Нарита «Так называемая “ответственность империи”»; профессора Токийского университета, философа Т. Такахаси «Проблема ответственности за войны в 2010 г.»; почетного профессора Университета Ибараги С. Араи «Признать ответственность за колониальное господство». Кроме того, речь пойдет о совместном заявлении японских и корейских ученых и публицистов 10 мая 2010 г., напечатанном в журнале «Сэкай» (2010 г., № 7).

Излагая обстоятельства заключения договора об аннексии Кореи, Р. Нарита обращает внимание на определенную изощренность, которую проявили в этом эпизоде японские дипломаты. Для передачи в договоре понятия «аннексия» руководитель политического управления японского МИДа Тэцукити Курати придумал новый политический термин «хэйго» (аннексия, присоединение), который, с одной стороны, не создавал впечатления «объединения равных партнеров», а с другой — был достаточно обтекаемым и не должен был вызывать у корейской стороны излишнего раздражения. Бывший генеральный резидент М. Тэраути, ставший первым японским генерал-губернатором аннексированной Кореи, убеждал корейского премьер-министра И Ван Ёна, что его страна, в отличие от имевшихся в мировой практике примеров, присоединена к Японии не насильно, а по обоюдному согласию, на основе договора⁴.

Относительно характера господства Японии в Корее К. Фудзивара указывает на две особенности. Токио с самого начала проводил колониальную политику на Корейском полуострове именно как государственную политику (в отличие от Великобритании, где на раннем этапе правительство доверяло колониальное управление Индией частной «Ост-Индской компании», и государство лишь оказывало ей поддержку). Такой «государственный» стиль управления колониями был также у Германии и США, оказавшихся, как и Япония, в положении *“late comer”* («пришедших позже других») в деле приобретения колоний. «Поздний приход» диктовал необходимость «быстрого созревания» Японии как колониального государства.

Вторая особенность колониальной политики Японии определялась геополитическими моментами. Ее колониальная политика была тесно связана с военной стратегией. В тот исторический период в основном уже был завершен раздел колоний, и их захват и удержание рассматривались в рамках единого целого с оборонной метрополией. В этом плане политика Японии имела сходство с политикой США. Американцы придавали большое значение Филиппинам не столько потому, что стремилась получить монопольные права на торговлю сахаром и другими товарами, сколько из-за важной роли, которую играли в военной стратегии Соединенных Штатов морские порты этой страны⁵.

Однако в США не прекращался спор по поводу того, стоит ли удерживать колонии. С одной стороны, существовали сомнения насчет морального права Соединенных Штатов, в прошлом получивших независимость в результате войны против метрополии (Британии), самим иметь колонии. С другой стороны, получила распространение точка зрения, что США полезнее закреплять за собой территории в качестве рынка для ведения свободной торговли. В результате США предоставили независимость своим бывшим колониям — Кубе и Филиппинам, и в конечном счете в области колониальной политики Вашингтон переиграл Токио⁶.

В период до войны на Тихом океане в Японии были политики вроде Тандзан Исибаси, которые отстаивали идеи свободной торговли и указывали, что обладание колониями и агрессия против Китая нанесут ущерб Японии. Однако такие люди составляли меньшинство в политических кругах страны, верх в руководстве одержала тенденция ультраимпериализма и милитаризма.

Официальная пропаганда утверждала, что геополитические интересы Японии тесно связаны с обороной государства и определяют само существование нации. Для оправдания своего колониального господства Япония прибегала к риторике, заявляя, что она якобы способствует национальному освобождению народов Азии, их национальному самоопределению, поддерживает малочисленные нации. Одновременно с этим Токио проводил линию, к которой редко прибегали другие колониальные государства: добивался однородности между жителями японских колоний и собственно японцами, т.е. стремился уничтожить национальную идентичность народов, оказавшихся в колониальной зависимости. Этому служили обучение японскому языку и истории, манипулирование понятиями «подданства» и «народа». Разумеется, в этом случае люди иной национальности, нежели японцы (корейцы, китайцы) получившие подобное образование, не признавались в качестве составной части японской нации и оставались на положении подданных «второго сорта», что порождало двойственную структуру населения Японии⁷.

К. Фудзивара отмечает, что еще до начала Второй мировой войны в Японии ставили вопросы о том, возможно ли управление империей при полном отказе корейцам и китайцам в человеческих правах, а также как должна развиваться японская империя: как многонациональное образование либо как «Великая Япония» — в принципе национально однородное государство. В конце концов возобладала тенденция развития японской империи как расширения мононационального государства и усиления национализма⁸.

После поражения в войне против союзных держав Япония приобщилась к идее свободной торговли, однако проблема «странной империи» осталась неразрешенной. Японцы полагали, что вернулись к состоянию национального государства, но при этом забыли о своем имперском прошлом. На китайцев и корейцев они смотрели как на «пострадавших иностранцев», игнорируя то, что этнические китайцы и корейцы живут в Японии и представляют для страны внутреннюю проблему⁹.

Известный историк Х. Вада обратил внимание, что в отношении Кореи Япония широко использовала тезис о том, будто господство над этой страной направлено на обеспечение ее независимости. Это положение Токио озвучил и при объявлении вой-

ны цинскому Китаю в 1894 г., и в начале русско-японской войны в 1904 г. Однако реальные действия Японии означали попрание независимости и самоопределения Кореи. Разрешению этого противоречия должно было служить распространение мифа о том, будто бы по мере формирования единства подданных императора Японии корейцы объединятся с японцами и получают подлинную независимость¹⁰.

Касаясь особого отношения японцев к Корее, Х. Вада отметил, что оно возникло после периода Мэйдзи, когда Япония проводила политику «богатого государства и сильной армии» и осуществляла территориальную экспансию. В это время возникла устойчивая идея о том, что экспансия должна быть направлена в первую очередь на Корею. «Геополитические представления об угрозе Японии с материка сочетались с издавна существовавшим отношением к Корее как к слабому партнеру. Такое отношение возникло как реакция на осознание факта, что Япония в большей мере обязана Корее как стране-источнику культуры. Под влиянием этого психологического комплекса Япония совершала в отношении Кореи специфические, можно сказать, болезненные, действия. Оттого и сегодня сохраняется эта тягостная проблема, создающая сложности для корейцев и несущая огорчения японцам», — подчеркивает ученый¹¹.

По мнению Х. Вада, после окончания Второй мировой войны, когда для японцев наступило время серьезных политических переоценок, они отдавали себе отчет в том, что произошло их освобождение от милитаризма и власти деспотического государства (от монархической системы). Вместе с тем историк считает, что «от совести японцев долгое время ускользала такая серьезная тема, как предмет самокритики, а именно — тема колониального господства»¹².

Между тем связанная с колониями проблема распадается для японцев на две составные части: на вопрос сведения счетов с прошлым колониального господства за пределами Японии и вопрос нахождения в их собственной стране жителей бывших колоний. В Японии проживает много корейцев. Руководствуясь соображениями общественной безопасности, японцы смотрели на корейцев как на нежелательных соседей, которых следует «выдавлять» за пределы страны. При этом коренные жители Японии не

понимали необходимости исторического сведения счетов и урегулирования совместно с государствами Корейского полуострова вопросов империализма и колониального господства в применении к корейцам, проживающим в Японии.

Политолог Кан Сан Чжун поднимает вопрос исторической ответственности Японии и обращает внимание на различия в восприятии исторического прошлого в Германии и в Японии. Так, высадка десанта союзников в Нормандии в июне 1944 г. рассматривается как важное событие в процессе освобождения европейских народов от нацизма, и в памятных церемониях, посвященных годовщине высадки, наряду с представителями других европейских государств, участвуют и делегации Германии. А в Японии отмечается только годовщина окончания войны на Тихом океане. Подразумеваемая отсутствие в Японии консенсуса при оценке прошлого страны, исследователь ставит вопрос: «В какой степени осознание освобождения от милитаризма является общим для всей японской нации?»¹³.

Вопросы исторической ответственности подробно исследованы в упоминавшихся выше статьях Р. Нарита «Так называемая ответственность империи», Т. Такахаси «Проблема ответственности за войны в 2010 г.» и С. Араи «Признать ответственность за колониальное господство».

Р. Нарита отмечает серьезные различия во взглядах корейских и японских ученых на заключительный этап процесса подчинения Кореи Японией (1904–1910 гг.). Большинство японских историков считают, что хотя договор от 22 августа 1910 г. несправедлив, он был заключен юридически действенным образом. Корея была аннексирована и стала колонией Японии. В то же время некоторые ученые из Южной Кореи отстаивают точку зрения, что акты, подписанные представителями Кореи и Японии в период с 1904 по 1910 г., не только были навязаны корейской стороне вопреки ее воле, но и имели проблемы с точки зрения процедуры и формы. Таким образом, аннексия была несостоятельна с точки зрения права, и в действительности имела место насильственная оккупация Кореи¹⁴.

Р. Нарита пишет, что в 1945 г., когда японская империя потерпела крах, японцы, являвшиеся колонизаторами, не могли сразу отбросить ментальность «хозяев жизни». В доказатель-

ство он ссылается на записки Ф. Мори — японской колонистки из Маньчжурии. После капитуляции Японии она вместе со своими детьми возвращалась на родину из китайского города Чаньчунь через Корею. В воспоминаниях, опубликованных в 1948 г., женщина писала, что, когда она и ее дети прибыли в Корею, населенные пункты этой страны были украшены национальными флагами и местное население провожало поезд с колонистами-японцами насмешками и угрозами. Оценивая такую обстановку как «жестокую реальность поражения», автор воспоминаний так отзывалась о корейцах: «Дураки, они вели себя вызывающе, хотя победа была завоевана не их руками». Исследователь отмечает, что, хотя мемуары Мори были написаны и опубликованы в обстановке оккупации Японии войсками союзников, их автор не отдавала себе отчета в развале империи и не осознавала, какая ситуация сложилась в результате поражения. Кроме того, Р. Нарита приводит такое характерное высказывание депутата японского парламента С. Сиикума: «Мы больше не будем молчать и закрывать глаза на то, что выходцы с Тайваня и корейцы, которые до окончания войны в качестве японских подданных проживали в Японии, важничают так, будто сами они представляют народы государств-победителей». Р. Нарита указывает: несмотря на поражение Японии и крах империи, вчерашние колонизаторы говорят так, будто именно они, а не представители народов стран — вчерашних колоний являются пострадавшей стороной. Японцы не расстаются с привычной позой превосходства в отношении людей других национальностей. Ученый видит в этом «проклятие» колониализма, преследующее японцев¹⁵.

Некоторая часть японской интеллигенции проявляла симпатию в отношении корейцев и сочувствие их борьбе за независимость. Так, искусствовед М. Янаги в 1920 г. в обстановке цензурных ограничений выступал в японской прессе со статьями, исполненными сострадания к корейскому народу, высказывался против подавления его национальной самобытности, давал высокую оценку корейскому национальному искусству. Однако даже у наиболее прогрессивно настроенных японских интеллигентов проявлялись нотки снисходительного отношения к народу, находившемуся в колониальной зависимости от Японии. В послевоенный период южнокорейские публицисты критиковали М. Янаги за то, что он не отказался от пренебрежительных выражений, не су-

мев выработать уважительного отношения к корейцам. Выступая с позиции «друга», М. Янаги демонстрировал доброжелательность, но она в то же время скрывала его покровительственное отношение к корейцам¹⁶.

Р. Нарита полагает, что японские историки в целом достаточно полно проанализировали и осветили проблему ответственности Японии за войны. В то же время проблема ответственности за колониальное господство в отношении народов Восточной Азии остается не раскрытой. Более того, в Японии сегодня популярны публикации, оправдывающие колониальную политику. Получившая широкую известность книга о войнах эпохи Сёва, которая была подготовлена «Комиссией по новому изучению ответственности за войны»¹⁷, главным образом освещает вопрос ответственности за развязывание войн, но не касается темы колониального господства. Учитывая эти обстоятельства, Р. Нарита предлагает ввести в научный оборот новое понятие, обозначаемое словосочетанием «*тэйкоку сэкинин*» («ответственность империи»). Это комплексное понятие должно включать ответственность Великой японской империи за ведение войн и за обладание колониями, а также ответственность Японии за то, что в послевоенный период государство не только не ликвидировало и не разрешило проблемы, порожденные упомянутыми выше видами ответственности, но и добавило новые противоречия¹⁸.

Мысль о том, что осознание ответственности за колониальное господство в отношении Кореи и Китая (Тайвань) недостаточно распространено среди японцев, содержится и в работе профессора Т. Такахаси. Он пишет, что понимание японцами «ответственности за войны» развивалось медленно. С 1945 г. до начала 1970 г. этот вопрос трактовали главным образом как ответственность за неблагоприятно начатую и бездарно проигранную Японией войну против США и их союзников. После нормализации японо-китайских отношений в 1972 г. в японском обществе постепенно стали смотреть на войну против Китая как на агрессию, продолжением которой стала война против США. Что же касается проблемы колониального господства Японии в отношении Кореи и Тайваня, то даже сегодня лишь немногие японские интеллигенты рассматривают управление Японией колониями как продолжение и следствие агрессивных войн¹⁹.

Почетный профессор Университета Ибараки историк С. Араи в своей статье отмечает, что политические лидеры Японии признавали историческую несправедливость Договора об аннексии Кореи от 22 августа 1910 г. Премьер-министр Японии Т. Мураяма в послании президенту Республики Корея Ким Ён Саму 14 ноября 1995 г. ясно указывал: «Не может быть сомнений, что этот акт был документом империалистической эпохи, в нем не признавались величие нации и ее право на самоопределение. Договор был заключен в обстановке неравенства двух сторон из-за быстро увеличивавшейся со второй половины XIX в. разницы в мощи Японии и Кореи»²⁰. Премьер-министр Японии К. Обути во время встречи с президентом Республики Корея Ким Дэ Чжунгом в Токио в октябре 1998 г. говорил об «огромных ущербе и страданиях, причиненных в прошлом корейскому народу японским колониальным господством», и в связи с этим выразил «искренние извинения». Аналогичные положения содержались и в Пхеньянской декларации, подписанной премьер-министром Японии Дз. Коидзуми и председателем Совета обороны КНДР Ким Чен Иром в сентябре 2002 г. С. Араи констатирует, что японские политики по существу признали несправедливость Договора об аннексии Кореи, но все еще настаивают на юридической действительности этого акта в момент его подписания. Исследователь полагает, что необходимо в отношениях между Японией и РК перейти от формулы «договор исторически несправедливый, но с правовой точки зрения действенный» к формуле «договор несостоятелен и исторически, и юридически». Историк считает, что такой переход — задача трудная, но выполнимая²¹.

Исследователи, выступившие на страницах журнала «Сэкай», подробно анализировали события послевоенного периода: трагический раскол Кореи, войну на Корейском полуострове, установление дипломатических отношений Японии с Южной Кореей. Ученые вскрывали связи между прошлым и настоящим в отношениях Японии с государствами Корейского полуострова. Такой подход четко выразил профессор Кан Сан Чжун: «Нельзя ограничиваться только прошлым или только настоящим. Важно для понимания настоящего исследовать прошлое и для понимания прошлого изучать настоящее»²². Политолог высказал интересное соображение по поводу похищений японских граждан спецслуж-

бами КНДР — одной из самых актуальных проблем внешней политики Японии. «Война в Корее — эта гражданская война, разразившаяся на территории бывшей японской колонии — стала “божественным ветром” для японской экономики. Но с точки зрения Северной Кореи, Страна восходящего солнца — бывшая метрополия, с которой даже не было дипломатических отношений, — сыграла роль прифронтовой базы американских вооруженных сил. Поэтому в силу сочетания указанных двух причин враждебные чувства корейцев к Японии были особенно сильны. Думаю, что именно эти обстоятельства стали историческим фоном совершенно абсурдного государственного преступления Пхеньяна — похищений невинных граждан»²³.

Участники дискуссии уделили большое внимание вопросам отношений Японии с КНДР и ракетно-ядерной проблеме на Корейском полуострове. Ученые проявили позитивный подход и высказывались за активное ведение переговоров с северокорейскими партнерами. Профессор К. Фудзивара подчеркивал, что исходной позицией японской стороны на переговорах должно быть сохранение нынешнего режима в КНДР и стремление избежать разрушения основ жизни ее населения. В этом случае можно было бы рассчитывать на уступки со стороны КНДР в важных для Японии вопросах. Профессор Кан Сан Чжун отметил, что нормализация отношений между Японией и КНДР послужила бы демократизации последней — подобно тому, как установление японо-южнокорейских дипотношений в 1965 г. подтолкнуло процесс демократизации в Республике Корея.

Х. Вада выразил несогласие с нынешним курсом правительства Японии в отношении КНДР, предусматривающим решение в первую очередь вопроса похищений японских граждан и ядерной проблемы и лишь затем нормализацию двусторонних связей. По мнению историка, приоритет должна получить нормализация японо-северокорейских межгосударственных отношений. В преамбулу договора об основах отношений между Японией и КНДР было бы целесообразно включить оценку колониального господства Японии в Корее. Это стало бы положительным результатом для северокорейской стороны. Продолжив двусторонние переговоры, можно было бы договориться об экономическом сотрудничестве. Необходимо, чтобы северокорейская сторона сделала шаги на-

встречу Японии для решения ядерной проблемы. Х. Вада считает, что КНДР сохраняет стремление преодолеть тупик в отношениях с Японией²⁴.

Ученых, принявших участие в дискуссии на страницах журнала «Сэкай», объединяет глубокое понимание проблем отношений между народами Японии и государств Корейского полуострова. Для них характерна бескомпромиссность в отношении милитаристского и колонизаторского прошлого Японии. Эти люди глубоко заинтересованы в преодолении взаимной отчужденности, сложившейся в отношениях между японцами и корейцами. Не случайно почти все упомянутые в данной статье эксперты оказались в числе 105 представителей японской интеллигенции и 107 южнокорейских ученых, публицистов и издателей, подписавших 10 мая 2010 г. совместное заявление о недействительности Договора об аннексии Кореи. Подписанный интеллигентами двух стран документ имеет недвусмысленный заголовок: «Процесс аннексии Кореи был несправедливым и незаконным, договор об аннексии также несправедлив и незаконен». Основной вывод специалистов двух стран свелся к тому, что аннексия Кореи была результатом продолжительной агрессии и захвата корейской территории японской армией, убийства императрицы, запугивания императора Кореи и высших чиновников страны, а также жестокого подавления сопротивления корейского народа²⁵.

¹ История Японии. 1868–1998. Учебное пособие. Т. II. М.: ИВ РАН, 1998. С. 219–220.

² Корея: Справочник. Сеул: Корейская служба информации для зарубежных стран, 1993. С. 107.

³ Сэнго нихон гайкоси (Послевоенная история японской дипломатии). Токио, 1983. Т. 2. С. 362.

⁴ *Нарита Рюити*. «Тэйкоку сэкинин» то йу кото (Так называемая «ответственность империи») // *Сэкай*. 2010. № 1. С. 160.

⁵ Тёсэн сёкуминти сихай ва нани датта но ка? (Чем было колониальное господство в Корее?) // *Сэкай*. 2010. № 1. С. 150.

⁶ Там же. С. 150–151.

⁷ Там же. С. 151.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 152.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 149.

¹³ Там же. С. 146–147.

¹⁴ *Нарита Рюити*. Указ. соч. С. 162.

¹⁵ Там же. С. 163.

¹⁶ Там же. С. 164.

¹⁷ См.: *Гринюк В.* From Marko Polo Bridge to Pearl Harbor. Who Was Responsible? (От моста Марко Поло до Пирл-Харбора. Кто несет ответственность?). Токио: The Yomiuri Shimbun, 2006; Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 175–180.

¹⁸ *Нарита Рюити*. Указ. соч. С. 168.

¹⁹ *Такахаси Тэцуя*. 2010 нэн но сэнго сэкинин рон (Проблема ответственности за войны в 2010 г.) // *Сэкай*. 2010. № 1. С. 187–188.

²⁰ *Араи Синъити*. Сёкуминти сихай сэкинин ни мукиау тамэни (Признать ответственность за колониальное господство) // *Сэкай*. 2010. № 1. С. 100.

²¹ Там же. С. 100–101.

²² Тёсэн сёкуминти сихай то ва нани датта но ка (Чем было колониальное господство в Корее?) // *Сэкай*. 2010. № 1. С. 145.

²³ Там же. С. 153.

²⁴ Там же. С. 156–158.

²⁵ Канкону хэйго но катэй ва фути футо дэ ари, хэйго дзёяку мо фути футо дэ ару. Канкону хэйго 100 нэн. — Никкан тисикидзин кёдо сэймэй (Процесс аннексии Кореи был несправедливым и незаконным, договор об аннексии также несправедлив и незаконен) // *Сэкай*. 2010. № 7. С. 105. Это совместное заявление представителей интеллигенции Японии и Республики Корея.

Императрица Нин (супруга монарха императора Кочжона), которую руководство Японии рассматривало как лидера пророссийской группировки в корейской элите, в 1985 г. была убита по приказу японского посланника в Корее. Император Кочжон в 1907 г. под давлением японцев уступил трон своему старшему сыну. Корейский монарх был смещен после того, как он направил на Гаагскую мирную конференцию делегацию с посланием, разоблачавшим незаконные действия Японии в Корее.

Д. Н. Сенина

ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ КОМПАНИЯМИ ЯПОНИИ

Мировой экономический кризис, разразившийся в 2008 г., отрицательно повлиял на экономическое развитие всех стран мира. Ведущие экономисты приравнивали его по силе воздействия на мировую экономику к Великой депрессии 1929 г. Не существует никаких точных прогнозов о сроках его завершения и выхода мирового экономического хозяйства из фазы рецессии. Япония, которая является второй по объему экономикой мира, не могла остаться в стороне от глобальных кризисных явлений. Сильное падение спроса на продукцию японских производителей на основных зарубежных рынках привело к серьезной рецессии в Японии, так как до 50% ВВП страны было ориентировано на экспорт.

В сложившейся ситуации особенно интересно проанализировать, как крупнейшие японские компании справляются с кризисными явлениями и планируют пережить и преодолеть спад спроса на их продукцию и снижение объемов производства.

Известный экономист Майкл Портер, специалист по изучению транснациональных корпораций, разработал теорию конкурентных преимуществ. Согласно этой теории, одним из главных конкурентных преимуществ японских корпораций являются технологии. Технологии всегда были средством победы в конкуренции с иностранными транснациональными корпорациями и основным инструментом борьбы с кризисными явлениями. В связи с этим особенно интересно проанализировать, каким образом технологии помогают японским фирмам преодолевать трудности мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 г.

Особенности научно-технической деятельности в японских корпорациях

После Второй мировой войны, в условиях послевоенной разрухи, в японских компаниях и фирмах не могло быть и речи о развитии НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок). Все сводилось к заимствованию технологий, в первую очередь американских, при выполнении заказов по ремонту техники армии США. И в дальнейшем, в 1950–1960-х годах, НИОКР в японских компаниях основывались на закупках патентов и использовании их в развитии производства. Проявилось умение японцев объединять отдельные процессы в единый цикл. Для этого пришлось развивать собственные исследования, но в подавляющем числе случаев вырабатывалось ноу-хау прикладного характера. И только с конца 1970-х годов Япония переходит к развитию фундаментальных исследований. Япония вышла на передовые рубежи в технологиях, а для дальнейшего развития промышленности нужны были собственные фундаментальные исследования.

Фундаментальные исследования долгое время были самым слабым звеном японской науки, так как главная роль отводилась прикладным разработкам, которые после их завершения и удачного тестирования сразу же внедрялись в производство и обеспечивали снижение издержек производства и рост рентабельности. Фундаментальные же научные разработки требуют очень больших инвестиций и довольно растянуты во времени. При этом есть очень большой риск, что, несмотря на затраты денежных и людских ресурсов, они могут себя не оправдать. Цель исследования может быть и не достигнута. Следовательно, имеет смысл рассматривать вложения в фундаментальные исследования как рискованные инвестиции.

С конца 1970-х годов среди политиков и деловых кругов Японии растет понимание значимости развития собственных фундаментальных исследований. Важность данного направления осознают как правительство, так и крупнейшие производственные компании. Ассигнования на фундаментальные разработки в бюджетах частных японских компаний увеличились с 4,6 до 5,9% в 1979–1985 гг.¹ Важным шагом для многих компаний стало создание отдельных НИИ фундаментальных исследований.

1980-е годы можно охарактеризовать как очередной бум НИИ промышленных фирм.

НИИ фундаментальных исследований крупных японских корпораций подразделялись на три группы. К *первой* группе относятся НИИ, которые компании создают для исследований в какой-нибудь узкой технической области, чтобы обеспечить новые направления хозяйственной деятельности. Промышленные компании создают такие НИИ для разработки технологий в области новых материалов, биотехнологии, микроэлектроники и пр.

Ко *второй* группе относятся централизованные НИИ крупных корпораций, которые подчиняются непосредственно высшему руководству. Примером может служить «Мицубиси кенкюсё». В корпорацию входят несколько компаний в ряде отраслей — «Мицубиси дзидося» (автомобильная), «Мицубиси дзюкогё» (тяжелое машиностроение и др.). Объединение специалистов в разных отраслях повышает эффективность работы. Подобные НИИ занимаются одновременно как прикладными, так и фундаментальными исследованиями. Как правило, в Японии такие НИИ создавались компаниями, которые либо вообще не имели собственных научных центров и ориентировались на доработку иностранных технологий, либо компаниями, которые уже создали несколько различных НИИ. Целью последних была диверсификация уже имевшейся научной базы.

К *третьей* группе относятся специализированные НИИ фундаментальных исследований. Подобные НИИ впервые были созданы в компаниях «Нихон дэнки» (1982 г.), «Хитати сэйсакусё» (1985 г.), «Фанакку» (1984 г.) и «Сумитомо кагаку» (конец 1988 г.).

Первоначальное функционирование НИИ фундаментальных исследований сопровождалось множеством проблем, главной из которых являлся традиционный стиль управления. Для успешной работы творческого коллектива была необходима значительная доля свободы научных сотрудников, к которой не привыкло руководство многих японских компаний. Ученым, помимо работы над долгосрочными фундаментальными исследованиями, вменялось в обязанность выполнять жесткий график плановых прикладных разработок в интересах обновления производимых моделей. В результате возникали конфликты между индивидуальными интересами отдельных ученых и интересами группы. Для традиционных

взаимоотношений в японском социуме характерно главенство интересов группы, что усложняло возможности проявления творческого потенциала ученых.

В фундаментальных исследованиях всегда присутствует большая доля неопределенности конечного результата. Поэтому даже отсутствие результата в течение 3–5 лет не должно было бы служить поводом для увольнения или перемещения ученых как не справляющихся со своей работой или недостаточно квалифицированных для данного научного направления. Это входило в противоречие с традиционными японскими подходами к управлению. В случае создания группы или НИИ фундаментальных исследований требовался дифференцированный подход к управлению научной группой. Трудности возникали и в связи с традиционной кадровой политикой японских компаний, и в частности с системой пожизненного найма, которая долгое время была главной моделью трудовых отношений в Японии. Согласно ее главным принципам, каждый японец совершал свой карьерный выбор один раз и на всю жизнь, отдавая предпочтение после окончания университета какой-либо одной частной компании или государственному ведомству. Эта система содержала в себе как плюсы, так и минусы, которые заключались в отсутствии у японцев мотивации в стиле западной системы управления, потому что продвижение по карьерной лестнице и увеличение дохода, как правило, не зависели от личных достижений сотрудника, так как царил принцип уравниловки. Повышение социального статуса и заработной платы определялось возрастом и выслугой лет.

Система пожизненного найма стала разлагаться в первую очередь среди научных и инженерных кадров. Если компании или научному центру требовался специалист в той области, в которой своих кадров не было, то единственным выходом было пригласить ученого или специалиста извне. В итоге, для специалистов в области передовых технологий (нанотехнологии, биотехнологии, электроники и пр.) смена места работы стала совершенно естественной. Для привлечения кадров со стороны используются различные средства мотивации. Это и материальный стимул, и обеспечение творческой свободы в работе.

На инновационный процесс в Японии большое влияние оказывает малый объем слияний и поглощений и слабое развитие

рискового капитала. Первая особенность вытекает из того, что фондовый рынок долгое время находился под строгим контролем, а скупка акций компаний в спекулятивных целях, а также для получения контроля над предприятием не имела широкого распространения. Гораздо большей популярностью в Японии пользовалась межфирменная кооперация. Она позволяла сократить издержки и риски, связанные в первую очередь с фундаментальными исследованиями.

Крупные корпорации Японии отличаются большим бюрократизмом и инертностью. В конце XX в. это привело к кризису нововведений. Японские корпорации вынуждены были искать новые пути организации инновационного процесса. В результате, были выбраны две новые формы организации НИОКР — проектная и венчурная.

Проектная группа — это созданное в рамках одной компании новое подразделение, которое объединяет часть ее материальных, кадровых и финансовых ресурсов. Во время работы в проектной группе специалисты освобождаются от своих прямых должностных обязанностей. Когда миссия группы завершается, они возвращаются на свое обычное рабочее место.

Венчурное подразделение фирмы отвечает за разработку, запуск в производство и коммерциализацию ноу-хау. Для него главной функцией является разработка инноваций. Оно активно финансируется компанией и на долгое время освобождается от ответственности за получение прибыли. Венчурные подразделения отличаются от проектных групп тем, что работают над направлениями, как правило, не являющимися традиционными для деятельности компании. Они заняты новыми производственными направлениями.

Технологии как главное конкурентное преимущество японских транснациональных корпораций

Рассмотрим, каким образом технологии стали конкурентным преимуществом Японии в контексте географических и исторических условий развития.

Практически все природные условия в Японии неблагоприятны для развития производства: землетрясения, тайфуны, а главное — отсутствие природных ресурсов, которое изначально не давало стране возможности стать одним из ключевых игроков

в таких отраслях, как добывающая промышленность и сельское хозяйство. После Второй мировой войны Япония лежала в руинах, не было сырья, а закупить его было не на что. Страна оказалась без финансовых ресурсов. Однако дефицит ресурсов способствовал выявлению и развитию в Японии преимуществ в других сферах. Например, гористая местность имела благоприятные условия для выработки гидроэнергии, что положительно сказалось на первых японских экспортных отраслях. Отсутствие финансовых ресурсов в послевоенный период компенсировалось высокой нормой сбережений населения и разумной, рациональной политикой правительства. Система почтовых сбережений позволила перенаправить средства населения через государственные финансовые структуры в ряд приоритетных отраслей под низкие проценты. Число касс почтово-сберегательной системы в период с 1946 по 1975 г. увеличилось с 13,7 тыс. до 22 тыс. Ресурсы этой системы формировались с помощью продаж сберегательных сертификатов и привлечения на депозитные счета сбережений различных слоев населения, включая и мелкие сбережения рабочих и служащих. Средства системы почтово-сберегательных касс аккумулировались и переводились в распоряжение государственных кредитно-инвестиционных органов, которые функционировали в форме специальных счетов, главными из которых были Бюро доверительного фонда и промышленных инвестиций. Япония постепенно, уделяя первоочередное внимание наиболее важным отраслям, достигла высокого уровня развития и к 1970-м годам вышла в передовые страны в судостроении, черной металлургии и станкостроении.

Естественная послевоенная безработица была ликвидирована уже в 1950-х годах благодаря мощному экономическому буму. К началу 1960-х годов в стране стала ощущаться нехватка рабочей силы. Это, а также рост заработной платы заставило японские компании активно переходить к автоматизации производственных процессов.

Нехватка природных ресурсов постоянно замещалась усовершенствованием технологий. Нехватка сырья стимулировала сокращение ресурсоемкости продукции и требовала постоянного поиска и разработки новых материалов. В итоге, японские компании стали лидерами в таких отраслях, как производство керамических и композитных материалов, углеродных волокон.

Высокая зависимость от импортных энергоресурсов побудила компании развивать энергосбережение. Энергопотребление на единицу продукции в японских сталелитейных компаниях — самое низкое в мире.

Удаленность Японии от многих рынков способствовала развитию транспорта, контейнеризации. Японские транспортные компании постоянно работали над повышением надежности грузовых перевозок, снижением издержек. Географическое положение Японии создавало возможность быстрого проникновения на рынки Азии. Западные компании в послевоенный период не имели такого влияния на Азиатский регион в силу его удаленности. Это помогло японским экспортерам основательно закрепиться на этих рынках.

Три четверти территории Японии занимают горы. Из-за нехватки земли японские компании начали производство и реализацию пространственно-эффективной продукции (компактная мебель и бытовая техника). Это же спровоцировало укорочение производственных линий и создание знаменитой на весь мир системы «точно в срок», не требующей складского обеспечения производственного цикла.

Одним из важных факторов, способствовавших формированию сильной технологической базы, являлись особенности японского менталитета. Это — трудолюбие, дисциплина и желание сотрудничать в коллективе. Важным фактором было историческое уважение к образованию.

Другой импульс развитию высокотехнологичных отраслей дала оборонная промышленность. После войны в Японии было очень много высококвалифицированных инженеров. Милитаризация способствовала большим успехам в авиации, связи, машиностроении и судостроении. Сотрудничество с немецкими учеными обеспечивало прогресс в некоторых промышленных отраслях: например, в производстве оптических приборов.

В Японии сформирована первоклассная система начального и среднего образования. Долгое время упор делался на точные науки и математику. Японские выпускники школ знают математику на уровне выпускников американских колледжей. В Японии много университетов, которые дают отвечающее международным требованиям образование, особенно в технических областях.

В 1986 г. в стране насчитывалось 465 четырехгодичных университетов². В 2002 г. в Японии было 686 университетов, около 600 колледжей с 4-годовалым сроком обучения и 3500 школ специальной подготовки со сроком обучения 2—3 года после окончания средней школы³. Постоянное совершенствование знаний характерно и для менеджеров японских компаний. Многие корпорации требуют сдачи специальных экзаменов для перехода на новую, более высокую ступень. В первую очередь это касается производственных и технологических компаний. Многие из них оплачивают дополнительное образование своих сотрудников. А корпорация «НЭК» даже давала своим сотрудникам возможность обучения на уровне докторантуры.

Важной областью формирования конкурентных факторов является сбор информации. Для японских корпораций характерен систематический сбор, а главное, анализ и использование в работе полученной информации. Ее они черпают из правительственных информационных источников. Министерства и ведомства страны регулярно издают так называемые «белые книги». В них приводится статистика и динамика тенденций в отраслях промышленности, оценки тенденций, намерения правительственных органов в решении проблем. Все корпорации до предела насыщены технической и экономической информацией. Информационные каналы постоянно передают все экономические новости по стране и за ее пределами. Огромный объем информации поступает из разнообразных правительственных агентств, ассоциаций. В стране ежегодно публикуется множество книг по различным научным направлениям. Это провоцирует конкуренцию между компаниями внутри страны.

В Японии большое влияние на научно-технический потенциал оказывает внутренний спрос. Именно внутренний рынок способствовал развитию многих отраслей в Японии. Японцы — этнически и культурно гомогенная нация. Это способствует концентрации их покупательной способности. Отрасли, в которых Япония добивалась успеха на международных рынках в тот или иной период развития, подгонял необычайно высокий спрос на производимую ими продукцию. В отличие от своих главных конкурентов — США и Европы — Япония в послевоенный период получила уникальный шанс создать с нуля многие отрасли. Новые заводы отлича-

лись от малоэффективных американских и европейских предприятий более высокой производительностью. Этому во многом помогла масштабная государственная инвестиционная политика. Многие производства, которые стали в 1950–1960-х годах наиболее успешными и конкурентоспособными, были стимулированы крайне высоким спросом на их продукцию на внутреннем рынке. Например, перестройка и застройка после Второй мировой войны провоцировали развитие сталелитейной промышленности. Удаленность от основных рынков и потребность в импортном сырье требовали развития судостроения. Дефицит транспортных средств после войны в самой Японии вызвал повышенный спрос на мотоциклы. Высокий спрос на промышленную продукцию привел в итоге к массовой роботизации. На современном этапе внутренняя конкуренция также заставляет производственные компании постоянно искать что-то новое и постоянно внедрять новые технологии.

До краха экономики «мыльного пузыря» Японию отличал взрывоподобный спрос, а темпы выхода нового товара на внутренний рынок и его насыщения были крайне высоки. Национальная особенность японцев «поступать, как все» была мотивом для покупок новейших и престижных моделей фотокамер, мобильных телефонов и других потребительских товаров. В итоге, в 1960-х годах японский рынок был наполнен большинством товаров, а рынки США и Европы продолжали насыщаться.

По оценке Майкла Портера, в любой из отраслей индустрии Японии экспорт рос прежде всего там, где внутренний спрос был уже удовлетворен. Главной причиной этого было желание японских предпринимателей компенсировать потенциальные потери на внутреннем рынке из-за затоваривания и загрузить производственные мощности на 100%.

Сегментарная структура спроса в Японии объясняется тем, что страна обладает разнообразными климатическими и географическими условиями. Переплетение современной и отсталой инфраструктуры порождает двоякую структуру спроса. Японские компании вынуждены вести технологические разработки в двух направлениях для потребителей своей же собственной страны. Это объясняет то, что японские товары пользуются спросом на рынках Азии.

Японию всегда отличал высокий внутренний спрос на компактные, легкие, многофункциональные устройства. Главной причиной этого стала перенаселенность страны, ограниченность жизненного пространства жителей Японии, тонкие стены жилых домов. В результате, местная специфика спроса стала определять и мировые тенденции. Японские компании легко вошли на международные рынки автомашин, радиоприемников, телевизоров, копировальных аппаратов, мотоциклов. На рынках развитых стран компактность не имела в тот период большого значения. Мощная экспортная экспансия японских фирм началась в период роста мировой экономики, поэтому не наблюдалось острых конкурентных противоречий с иностранными компаниями на зарубежных рынках. Протекционистские меры на этих рынках были тоже ограничены.

Роль технологий в преодолении экономических рецессий на примере японской автомобильной промышленности в 2008–2009 гг.

Каждый кризис, оказавший влияние на экономику Японии, способствовал созданию новых технологий, поиску путей решения возникавших проблем. Два нефтяных кризиса очень сильно ударили по Японии, так как страна полностью зависит от импортируемых энергоресурсов. Именно поэтому основной центр тяжести в области разработки новейших технологий пришелся на энергосбережение. Например, после первого нефтяного кризиса многие японские компании переключились на полупроводниковую технологию в целях сокращения потребления энергии. Это также повлияло на повсеместное внедрение автоматизации производства. После кризисов 1970-х годов японские компании стали лидерами в производстве аудиооборудования и телевизионной техники.

После краха Бреттон-Вудской системы и вынужденного перехода от фиксированного курса 360 иен за 1 доллар к плавающему курсу с 1973 г. начал возрастать курс иены, что стало неблагоприятным фактором для японской экономики. Ревальвация национальной валюты привела к автоматизации, переходу в передовые и высокотехнологичные сегменты производства и глобализации производства. Все большее расширение географии японских

транснациональных корпораций помогало внедряться на новые рынки сбыта.

Каждое экономическое потрясение давало стимул модернизации японской промышленности, созданию и внедрению новых технологий, появлению новых уникальных товаров, которые отличала высокая степень распространения не только на внутреннем рынке, но и на международных рынках по каналам японских транснациональных корпораций.

Мировая автомобильная промышленность пострадала от экономического кризиса 2008 г. в наибольшей степени. Она несла убытки из-за падения спроса на свою продукцию. Тем не менее данный поворот событий на мировом автомобильном рынке позволил корпорации «Тоёта» окончательно стать мировым лидером по продажам. Во многом это произошло из-за банкротства ее главного конкурента — мирового гиганта «Дженерал Моторз», который не смог выдержать удар. «Тоёта» оказалась лучше подготовлена к неблагоприятным экономическим условиям. Спад продаж японского автомобильного гиганта был значительно ниже, чем у «Дженерал Моторз». Но у корпорации «Тоёта», как и у всего японского автопрома, была и все еще остается более сложная проблема — это падение внутреннего спроса и переориентация не только на экспорт, но и на своего национального потребителя.

Большую помощь японским производителям автомобилей оказало правительство, выделив средства на субсидии гражданам для смены старых авто, которые были приобретены по крайней мере 13 лет назад, на новые энергосберегающие модели. Размер субсидий составил 250 тыс. иен для машины стандартного размера и 125 тыс. иен для автомобилей «мини». Если срок использования автомобилей составляет менее 13 лет, то субсидия на покупку энергосберегающей модели составит 100 тыс. иен, а в случае миникара — 50 тыс. иен. Субсидии для грузового транспорта в зависимости от модели и объема двигателя составят от 200 тыс. до 1,8 млн. иен⁴.

Правительство Японии также стимулирует замену и покупки энергосберегающих моделей телевизоров, систем кондиционирования воздуха и холодильников. Согласно плану, разработанному Министерством экономики, торговли и промышленности Японии, потребители будут получать «эко-баллы». Каждый балл приравнивается к 5% цены приобретаемого энергосберегающе-

го устройства, которое соответствует экологическим стандартам. Потребитель сможет использовать эти баллы в качестве скидки при покупке следующего продукта⁵.

Важным шагом перевода потребителей на новейшую линейку автомобилей, отражающую последние достижения технологических разработок и позволяющую японцам экономить топливо, стало снижение налогообложения для лиц, приобретающих энергосберегающие модели. Так, с апреля 2009 г. в Японии снижен налог на вес в случае покупки новых энергосберегающих моделей. Это вызвало бурный рост продаж гибридной модели «Приус» («Тоёта») и новой гибридной модели «Инсайт» («Хонда Мотор Ко.»). К середине мая 2009 г. «Тоёта» получила 10 тыс. заказов на модель «Приус». Таким образом, план продаж на месяц был фактически выполнен за одну неделю⁶. Гибридный автомобиль — это высокоэкономичное транспортное средство, движимое системой «двигатель внутреннего сгорания — накопитель (аккумулятор) — привод». Мощность двигателя внутреннего сгорания для гибридных автомобилей меньше, чем для стандартных машин, на 30–50%. Накопитель в гибридном транспортном средстве — своего рода буфер для двигателя внутреннего сгорания и емкости для рекуперативного торможения. Привод обеспечивает подачу энергии от накопителя к колесам в режиме разгона и от колес к накопителю — в режиме рекуперативного торможения. Гибридная система корпорации «Тоёта» состоит из бензинового двигателя и электрического мотора.

В общем, «Тоёта» видела главную проблему падения продаж в снижении спроса на ее основных рынках — США, Европе и в самой Японии. Тем не менее, благодаря качественно отлаженной системе контроля и планирования, «Тоёта» переломила тенденцию падения продаж посредством разгрузки складских площадок и переориентации торговых потоков в другие регионы (Латинскую Америку и страны Ближнего Востока). Это показывает, что использование высоких технологий в специальных программах ежедневного применения важно для успешного функционирования любого автогиганта, так как позволяет моментально и точно отслеживать результаты деятельности на всех предприятиях, в том числе и за пределами Японии, и иметь постоянный электронный контакт с дилерами.

Аккумуляция больших финансовых ресурсов и наличие своих собственных научно-технических центров обеспечивает крупнейшим производственным корпорациям Японии мобильность даже в кризисных условиях и способность быстро реагировать на меняющиеся запросы потребителей. Большое количество технологических заготовок, практически доведенных до стадии запуска в производство, позволяет таким корпорациям моментально выводить на рынок новые модели продукта и захватывать новых потребителей, удерживая старых.

В автомобильном бизнесе есть понятие «просадка на бренд». Это означает, что потребитель, как правило, купив автомобиль одного бренда, остается его патриотом, меняя лишь устаревшие модели на новые, технологически более совершенные. Главная задача производителя в данном случае — дать потребителю такую модель, которая бы соответствовала его запросам и ожиданиям.

Еще в 2008 г., будучи в состоянии кризиса, «Тоёта» выпустила модель самого малого размера «АйКью», отвечая на растущий спрос внутри Японии на автомобили малого формата. Длина модели менее 3 м, объем двигателя — 1 л. Расход топлива — 1 л бензина на 23 км⁷.

Гибридные модели «Приус» корпорации «Тоёта» и «Инсайт» («Хонда Мотор Ко.») помогли этим компаниям остановить падение продаж. Официальный запуск на рынок гибридной модели «Приус» пришелся на 18 мая 2009 г. И в мае же было продано 10 915 автомобилей, несмотря на то что стоимость новой модели составила 2,05 млн. иен (на 300 тыс. иен дешевле, чем предыдущая модель). «Хонда» показала в мае 2009 г. более скромные результаты. Продажи модели «Инсайт» составили 8183 автомобиля⁸.

Японские журналисты установили новый рекорд для гибрида «Приус». Они проехали 57 км на 1 л бензина.

На Франкфуртском автосалоне, который проходил с 17 по 27 сентября 2009 г., «Тоёта» представила версию модели «Приус», которая может подзаряжаться от бытовой электророзетки, а также гибридную модификацию модели «Аурис». К 2020 г. «Тоёта» планирует иметь гибридную версию каждой своей модели⁹.

Гибридная модель «Приус» стала лидером продаж новых автомашин в Японии в июле 2009 г. Дилерам удалось продать за месяц почти 28 тыс. автомобилей этой модели с бензиново-электри-

ческим двигателем¹¹. Это привело к тому, что многие сотрудники корпорации «Тоёта» были вынуждены работать сверхурочно и в выходные дни для обеспечения спроса на гибридные и другие экологически чистые автомобили. В итоге, корпорация была вынуждена просить 800 бывших временных рабочих вернуться. И «Тоёта», и «Хонда» сообщили о росте продаж производимых ими в США автомобилей в августе 2009 г.: «Тоёта» увеличила свои продажи на 6,4%, а «Хонда» — на 9,9% по сравнению с августом 2008 г.

В состоянии кризиса очень многие японские корпорации пошли по пути слияний и поглощений. Эта тактика помогает выстоять в условиях жесточайшей конкуренции и резкого падения потребительского спроса. Японские автомобильные концерны также стремятся объединить свои производственные усилия. Например, «Тоёта» готова поделиться своей технологией создания гибридных двигателей с компанией «Мазда». «Тоёта» как мировой лидер стремится сделать свою систему стандартом в экологической нише. Другие производители автомобилей также направили свои запросы на получение этих производственных технологий. В 2004 г. «Тоёта» уже дала разрешение «Форд Мотор Ко.» использовать свою запатентованную технологию производства гибридов. «Ниссан Мотор Ко.» получила доступ к этой технологии в 2006 г. Распространение своей технологии среди прочих автопроизводителей дает корпорации «Тоёта» возможность снизить затраты на создание новых и производство уже имеющихся гибридных моделей.

Японские производственные компании, конечно же, делают все возможное, чтобы снизить расходы, даже увольняя своих рабочих, снижая заработную плату и останавливая производство. Но они также думают о том времени, когда кризис закончится и нужно будет вновь бороться за рынки и удерживать свои позиции. Поэтому, планируя свою деятельность, они постоянно работают на перспективу. Научно-технический потенциал японских корпораций постоянно совершенствуется и активно финансируется. Именно ему уделяется максимальное внимание со стороны управляющих.

Например, «Хонда Мотор Ко.» предпочла покинуть престижный гоночный чемпионат «Формула 1» из-за больших расходов,

связанных с ним. Корпорация предпочла урезать расходы на рекламу. Но уже в 2010 г. «Хонда» расширяет линейку гибридов новым спортивным автомобилем «CR-Z». Компания амбициозно планирует полностью оккупировать рынок гибридных автомобилей, постоянно стимулируя своего главного конкурента в Японии — «Тоёта» — к поиску новых технологий и выпуску новых, конкурентных моделей. «Хонда» уже в начале года создала новый мотоцикл с биотопливным двигателем «Титан Микс». Объем двигателя новинки — 150 куб. см. Двигатель заправляется смесью бензина с биоэтанолом, который будет производиться из сахарного тростника. Массовое производство будет налажено в Бразилии в течение 2009 г., так как Бразилия — мировой лидер по производству биоэтанола. Стоимость нового мотоцикла составит 3,1 тыс. долл.¹²

24 сентября 2009 г. «Хонда» представила в Токио новое персональное транспортное средство — уницикл, способное передвигаться в любом заданном направлении. Зарегистрированное название устройства — «U3-X». Направление движения выбирается под воздействием веса ездока. Маршрут можно сменить, слегка отклонившись в нужную сторону. Уницикл приводится в движение с помощью ионно-литиевой батареи. Он способен передвигаться без подзарядки по обычной дороге в течение 1 ч. при скорости 6 км/час. Высота уницикла — 65 см, вес — менее 10 кг. Как заявил на презентации уницикла президент «Хонда» Таканобу Ито, он способен уже в недалеком будущем стать «весьма эффективным персональным транспортным средством»¹³.

Согласно амбициозной программе сокращения эмиссии парниковых газов, предложенной бывшим премьер-министром Японии Ю. Хатояма, к 2020 г. страна должна достигнуть сокращения уровня эмиссии на 25% от уровня 1990 г. По оценкам одного из научно-исследовательских институтов при правительстве Японии, для достижения этой цели необходимо увеличить мощности по выработке солнечной энергии в 55 раз по сравнению с текущим уровнем, что потребует установки солнечных панелей во всех новых домах. Реализация этой программы приведет к сокращению продаж обычных автомобилей и увеличению числа экологически чистых моделей до 90% от общего объема новых автомобилей¹⁴. Автоконцерн «Ниссан» готов поддержать програм-

му, широко внедряя экологически чистые машины с электродвигателями. Первая модель электроавтомобиля концерна «Ниссан» под названием «Лиф» была представлена в Японии в августе 2009 г. «Ниссан» также представил прототип электроавтомобиля на базе модели «Тиита». Электроавтомобиль способен проехать без подзарядки до 160 км и достигать максимальной скорости в 140 км/час. Питание электроавтомобиля осуществляется от литий-ионных аккумуляторов, которые совместно разработали инженеры «Ниссан» и «НЭК». Для полной зарядки аккумуляторов от стандартной электросети в Европе потребуется около 8 ч. В Японии и США напряжение сети ниже, поэтому полная зарядка займет около 16 ч. Бортовой компьютер постоянно определяет уровень зарядки аккумуляторов, рассчитывает для водителя, сколько еще машина сможет проехать без подзарядки, и сообщает схему проезда к близлежащим станциям подзарядки. «Ниссан» также работает над созданием бесконтактных зарядных устройств, чтобы машина могла заряжаться на парковке¹⁵.

Как видим, технологии являются важным конкурентным преимуществом японских производственных корпораций, которое они постоянно наращивают даже в условиях мирового экономического кризиса. По прогнозам правительства Японии, экономика страны должна была войти в стадию подъема уже к началу 2010 г. и сопровождаться ростом как внутреннего, так и зарубежного спроса. Чтобы выиграть в конкурентной борьбе за симпатии и кошелек потребителя, японские производители готовились преподнести нечто новое, отличное от того, что предлагают конкуренты. Эти новые продукты должны соответствовать вкусам и потребностям потребителя, пережившего один из самых тяжелых экономических кризисов в истории человечества, который по силе приравнивают к Великой депрессии 1929 г. Только технологические прорывы и постоянное создание новых продуктов, которые будут дешевле за счет удешевленных материалов, из которых их произвели, рентабельнее в эксплуатации, обеспечат японским транснациональным корпорациям удержание своих позиций на мировых рынках.

¹ Японская экономика в преддверии XXI века. М., 1991. С. 214.

² *Портер Майкл*. Международная конкуренция. М., 1993. С. 434.

³ Япония: Справочник. М., 2003. С. 225.

⁴ <http://www.asahi.com/english/Herald-asahi/TKY200904090081.html>

⁵ Там же.

⁶ <http://www.asahi.com/english/Herald-asahi/TKY200904100073.html>

⁷ Asahi Shimbun. 17.10.2008.

⁸ <http://www.asahi.com/english/Herald-asahi/TKY200906050076.html>

⁹ <http://science.compulenta.ru/455248/>

¹⁰ <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B7B0449CC-76B3-4644-BDDE-1C533B961B85%7D.uif>

¹¹ <http://www.itar-tass.com/level2.html?NewsID=14289482&PageNum=1>

¹² <http://itar-tass.com/level2.html?NewsID=13663917&PageNum=0>

¹³ <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B085BFAC3-AC4A-41BB-91C2-AF507D91193C%7D.uif>

¹⁴ NHK World, 08.09.2009

¹⁵ <http://www.osp.ru/news/2009/0831/9985954/>

О.Н. Железняк

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ — ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ЯПОНСКОЙ ПОЛИТИКИ

С каждым годом во всем мире все больше людей знакомится с японской культурой. Ее распространение за рубежом является одним из важных направлений внешней политики Японии. При этом большое внимание уделяется изучению японского языка в других странах.

Цели ставятся весьма амбициозные. Взять хотя бы то, что один из крупнейших специалистов в области японского языка профессор университета Кэйо Т. Судзуки заявил, что «утверждение японского языка в качестве международного — один из путей превращения страны в великую державу»¹. Таким образом, распространению японского языка отводится роль важного фактора в создании сферы культурного влияния Японии. Главным аргументом новой политики является тезис о том, что «люди, изучающие японский язык, более склонны стать понимающими друзьями Японии»².

Ведущую роль в распространении за рубежом японской культуры вообще и японского языка в частности играет Японский фонд. Он был создан в 1971 г. Основная цель Японского фонда состоит в осуществлении эффективной деятельности по развитию международного культурного обмена, чтобы внести вклад в мировую культуру и благосостояние человечества³. Основа деятельности фонда — распространение разнообразных аспектов японской культуры за рубежом, а также ознакомление самих японцев с культурой народов других стран. Сфера деятельности фонда чрезвычайно широка, ею охвачено 190 стран, в том числе и Россия.

Для достижения поставленных перед Японским фондом целей разработаны и осуществляются несколько блоков программ. Особое место среди них занимают мероприятия, связанные с популяризацией японского языка за рубежом.

Раз в несколько лет специалисты Японского фонда проводят подсчет иностранцев, изучающих японский язык за рубежом, на

территории Японии; образовательных учреждений, где препо­дается японский язык, а также собирают другую информацию. Полученные данные позволяют узнать реальную картину проник­новения японского языка в другие страны, чтобы затем разрабо­тать необходимую «языковую политику».

Почти за 40-летнюю историю существования Японского фон­да и его напряженной работы в этом направлении удалось достичь достаточно высоких результатов. Согласно статистике, в послед­ние годы в разных странах мира интерес к изучению японского языка постоянно растет. Увеличивается год от года и число лиц, изучающих японский язык.

Что касается статистики прошлых лет, то, по данным иссле­дований Японского фонда, в 1979 г. насчитывалось около 120 тыс. человек, изучающих японский язык, а в 1993 г. их число выросло до 1,6 млн. человек⁴.

В целом, с 1979 по 2006 г., т. е. за 27 лет, число любителей япон­ского языка увеличилось в 23 раза (с 127 167 до 2 979 820 чело­век, проживающих в 126 странах и 7 регионах мира) и достигло 2,98 млн. человек. (По сравнению с 2003 г., к 2006 г. число лиц, изу­чающих японский язык, в мире увеличилось на 26,4%)⁵. При этом в эту цифру не включены те, кто изучал японский язык самостоя­тельно. Если бы и они были учтены, то официальная цифра была бы больше в несколько раз.

Представление о том, как перераспределяется интерес к изу­чению японского языка в различных странах мира, дает табл. 1⁶.

Из таблицы хорошо видно, что большинство лиц, изучающих японский язык, являются гражданами соседних с Японией стран, т.е. наибольшую популярность японский язык имеет в странах АТР. Его активно изучают в Южной Корее, Китае и Австралии. Растущий интерес к изучению японского языка можно объяснить быстрым развитием экономических связей и расширением со­трудничества Японии с соседними странами.

Анализируя динамику изучения японского языка в разных странах, важно отметить, что, по сравнению с данными иссле­дования, проведенного в 2003 г., в 2006 г. по числу изучающих япон­ский язык Китай опередил Австралию и переместился с 3-го на 2-е место. За 3 года число изучающих японский язык в Австралии уменьшилось на 4,1%. Былую популярность японский язык теря-

Таблица 1

Численность лиц, изучающих японский язык, по странам (2006 г.)

Страны	Численность лиц, изучающих японский язык	% от общего количества
Южная Корея	910 957	30,6
Китай	684 366	23,0
Австралия	366 165	12,3
Индонезия	272 719	9,2
Тайвань	191 367	6,4
США	117 969	4,0
Другие	436 277	14,6

Источник: Survey Report on Japanese language education abroad 2006: Present condition of Overseas Japanese-Language education (conducted from November 2006 to March 2007). Или см.: Japan Foundation website. <http://www.jpf.go.jp/e/japanese/survey/result/index/html>

ет не только в Австралии, но и в США. Там с 2003 по 2006 г. число лиц, изучающих японский язык, уменьшилось на 15,9%.

В то же время значительно увеличилось число любителей японского языка в странах Юго-Восточной и Южной Азии, на­пример в Индонезии и Индии, что объясняется реформированием системы образования в этих странах и развитием экономических связей с Японией.

С каждым годом увеличивается число стран, где изуча­ют японский язык. В 2006 г. к ним прибавилось еще шесть стран: Черногория (Монтенегро), Оман, Катар, Уганда, Габон и Центральнаяафриканская Республика. В учебных заведениях этих стран японский язык впервые был включен в учебный план.

В исследовании Японского фонда приняли участие 27 644 об­разовательные учреждения со всего мира. Согласно полученным данным, по сравнению с 2003 г. к 2006 г. число учебных заведе­ний, где преподается японский язык, увеличилось на 11,6% и до­стигло 13 639. На 33,8% стало больше преподавателей японского языка, общее число которых, по данным 2006 г., составило 44 321. Без учета статистики Тайваня, для 69,5% из 41 530 преподавателей японский язык не является их родным языком⁷.

По данным статистики, в 2002 г. в России 24 787 человек за­явили, что они владеют японским языком. Это позволило япон-

скому языку стать 65-м в списке самых известных языков мира⁸. 835 человек заявили о своей этнической принадлежности к японскому народу⁹. Таким образом, японский язык является одним из двух восточноазиатских языков в России. Число говорящих на нем превосходит численность представителей этнической группы, для которых этот язык является родным. Другой такой язык — китайский. В России на нем говорят 59 235 человек, и он является одним из самых популярных языков (44-е место)¹⁰, несмотря на то что официально зарегистрированы только 34 577 человек китайской национальности¹¹.

В России в 2006 г. в 143 образовательных учреждениях японский язык изучали 9644 человека. Число желающих изучать японский язык увеличилось на 4,8% по сравнению с 2005 г.

Большинство студентов выбирают японский язык скорее по экономическим, чем по другим причинам. Самым популярным языком для изучения на российском Дальнем Востоке считается японский язык¹³, особенно среди корейцев Сахалина¹⁴. Несмотря на разногласия между Россией и Японией из-за принадлежности Курильских островов, на южных островах (Шикотане и Кунашире) увеличивается число россиян, изучающих японский язык для практически повседневного общения с японцами¹⁵.

Наблюдая растущий интерес к изучению японского языка в мире, Японский фонд активно развивает систему японоязычного образования и постоянно увеличивает и без того достаточно широкий спектр образовательных возможностей. Фонд оказывает поддержку преподавателям японского языка, образовательным учреждениям, студентам, направляет своих специалистов по преподаванию японского языка за рубеж, разрабатывает и распространяет сопутствующие учебные материалы. Он также осуществляет контроль качества изучения языка, является организатором проведения тестов на профессиональное знание японского языка.

Например, веб-сайт «Минна-но Кёдзай» («Учебные материалы для всех») начал работу в мае 2002 г. Он был разработан специалистами Японского фонда для того, чтобы помочь преподавателям, проживающим за рубежом, подготавливать учебные материалы для своих учеников. Веб-сайт размещает обширный объем информации, которая может быть использована в качестве обучающих материалов: фотографии, иллюстрации, разбор япон-

ской грамматики и др. Доступ к нему может получить любой пользователь. Для этого необходимо зарегистрироваться на сайте. Он доступен не только на японском языке, но также на английском и корейском языках. Материалы и функции этого веб-сайта ежегодно обновляются, начиная с 2002 г. По статистике, в 2007 г. сайтом воспользовались 3,35 млн пользователей.

В марте 2008 г. усилиями Японского фонда была создана сеть «*Нихонго Network*» (или «*Сакура Network*»). Она связывает воедино основные образовательные учреждения всего мира, где преподается японский язык. По имеющимся данным, в марте 2008 г. в нее уже входили 39 учреждений из 31 страны. Предполагается, что к 2012 г. их число увеличится до 100. Подобное сотрудничество позволяет обеспечивать своевременную и эффективную помощь в преподавании японского языка в различных странах и регионах. В то же время это дает возможность познакомиться с японским языком жителям практически всех стран и регионов.

Для зарубежных преподавателей японского языка издается журнал «*Нихонго кёйку цусин*». В нем публикуются учебные материалы, касающиеся преподавания японского языка, интересные идеи для его преподавания в классе, рассказы о Японии, информация о ситуации в образовательной сфере Японии и т. д.¹⁶

Бюллетень Японского фонда «*Кокусай корю кикин нихонго кёйку киё*» также посвящен преподаванию японского языка. Он представляет собой антологию статей, в которых анализируются результаты образовательной и научно-исследовательской деятельности лекторов и сотрудников Японского фонда. PDF-версия доступна на сайте Японского фонда¹⁷.

«*Сэкай-но нихонго кёйку*» («Обучение японскому языку по всему миру») — ежегодный профессиональный журнал на японском языке. В нем размещены материалы, выбранные из уже опубликованных статей в различных странах мира, в которых рассказывается о преподавании и изучении японского языка, а также о научных исследованиях. С отдельными материалами из журнала и полными PDF-версиями также можно ознакомиться на веб-сайте Японского фонда. Журнал распространяется через библиотеку Японского фонда¹⁸.

Нихон кёйку кунибэцу дзёхо — информация, касающаяся основных тенденций в преподавании японского языка, образователь-

ной системы, преподавателей японского языка в разных странах мира, также доступна на сайте Японского фонда¹⁹.

Есть возможность изучать японский через DVD. Разработан специальный курс «*Erin's Challenge! I can speak Japanese*». Телевизионный курс DVD-материалов (записанный на 3 дисках) и разработанный специально для представителей молодого поколения, желающих изучать японский язык после знакомства и увлечения «крутой» культурой Японии, яркими проявлениями которой являются *манга* и *анимэ*. Сюжет представляет собой мини-драму с популярными персонажами *анимэ* или *манга*. Все объяснения дают герои известных мультфильмов. Кроме того, *манга* используется в учебнике. Учебный курс нацелен на приобретение иностранными студентами уверенных навыков использования японского языка в самых различных ситуациях, в которых они могут оказаться в Японии. В фильме освещаются традиционная культура Японии, последние веяния моды и японские национальные традиции, показаны ситуации, описывающие ежедневную жизнь японцев. Свою историю рассказывает Erin, иностранная студентка, которая впервые сталкивается с различными аспектами жизни японцев. Ее «японская» жизнь расширяет представления зрителя о культурных особенностях японцев. С октября 2006 г. этот учебный фильм демонстрируется на образовательном канале NHK, на NYK World и других каналах.

Нихонго дэ карэ-нави (Nihongo de Care-navi) — интернет-сайт, который выполняет функцию японо-английского/англо-японского словаря. Он создан специально для тех, кто изучает японский язык, чтобы впоследствии найти работу или стать специалистом-профессионалом. На этом сайте можно найти базовые технические термины, используемые медперсоналом и при уходе за больными, а также большой запас слов, которые могут потребоваться в повседневной жизни.

Таким образом, Японский фонд постоянно стремится расширить круг возможностей для изучения японского языка, рассматривая самые различные аспекты этого процесса, разрабатывая новые учебные материалы, подавая своим ученикам как традиционные, так и новейшие методики. Большое внимание также уделяется подготовке к работе за рубежом преподавателей, «несущих в мир» азы японского языка.

Японский фонд регулярно отправляет экспертов по японскому языку за рубеж и предоставляет программы-гранты тем зарубежным учреждениям, где преподается японский язык. В 2006 г. были командированы за рубеж 112 преподавателей японского языка, а также ассистентов (последних отправляли в рамках волонтерской программы) в зарубежные филиалы Японского фонда, в министерства образования, колледжи и вузы 39 стран мира. Они проводят занятия по повышению квалификации местных преподавателей, совершенствуют учебный план, обеспечивают учебными материалами, консультируют по методике преподавания языка и по подготовке различных учебных пособий.

Кроме того, в качестве не прямых поддерживающих мер Японский фонд выделяет гранты зарубежным учреждениям, в которых преподается японский язык. Гранты предназначены для премирования преподавателей японоязычных курсов, победителей спич-контестов, для проведения семинаров и мастер-классов для специалистов, преподающих японский язык. Чтобы обеспечить более эффективную и надежную поддержку продвижению японского языка, фонд периодически пересматривает перераспределение экспертов по разным странам и программы-гранты. Делается это для того, чтобы они отвечали требованиям и нуждам зарубежных образовательных учреждений, преподающих японский язык.

Контроль над качеством обучения японскому языку позволяет применять различные тесты и экзамены. Один из них — «Спич-контест» (*Speech-contest*). 26 мая 2007 г. в городах Идзумисано и Осака прошел 48-й международный «Спич-контест». Он был посвящен 10-летней годовщине Института японского языка при Японском фонде (район Кансай). Организаторами его были Японский фонд, Международный образовательный центр, Осацкий фонд международных обменов, а также власти г. Идзумисано. Почетным гостем конкурса стала принцесса Такамадо. В мероприятии приняли участие 800 человек. Из 111 претендентов, прибывших из 28 стран и регионов, были отобраны 12 финалистов. Выступая на японском языке, они затрагивали самые различные темы, включая различия между их родной и японской культурой, а также международные обмены. Данное событие широко освещалось на образовательном канале NHK.

Тест на профессиональное знание японского языка (яп. — *Норёку-сикэн*, англ. — *Japanese Language Proficiency Test (JLPT)*) в 2006 г. сдавали около 520 тыс. человек в 159 городах 50 стран и регионов мира. Тест разработан с целью оценки и сертификации знаний японского языка, который не является родным для испытуемых. Он проводится совместными усилиями Японского фонда и зарубежных образовательных учреждений с 1984 г. После того, как тестирование закончено, все написанные тесты направляются в Японию для проверки, где они проверяются специалистами Центра образовательных обменов и услуг, а также на Тайвань, где проверку осуществляют специалисты Ассоциации международных обменов.

Тест состоит из четырех уровней. Первый уровень сдается после прохождения курса обучения японскому языку в течение 900 ч.; второй — 600 ч.; третий — 300 ч.; четвертый — 150 ч. Обучающиеся сами могут выбрать уровень тестирования, самостоятельно оценив свое знание японского языка. Тест каждого из уровней состоит из трех частей: 1) письмо, выявляющее знание лексики; 2) аудирование; 3) чтение, показывающее знание грамматики.

2 декабря 2007 г. тест на профессиональное знание японского языка проводился одновременно во всех странах мира уже в 24-й раз. В нем приняли участие любители японского языка в 137 городах из 49 стран и регионов мира, а также в 22 префектурах и урбанизированных префектурах Японии (табл. 2 и 3). Общее число участников составило 632 тыс., из которых 523 тыс. сдали экзамен успешно²⁰.

«Все большее внимание уделяется приглашению жителей из других стран, прежде всего азиатских. В частности, правительство выдвинуло программу принять на языковую подготовку в Японии до 100 тыс. иностранных студентов. По оценкам, в 2000 г. японский язык в стране изучали 142 777 иностранных студентов, инженеров, бизнесменов. В проведении занятий было задействовано 24 900 преподавателей — эта цифра в 10 раз превосходила имевшийся до этого времени в Японии преподавательский потенциал. До 2000 г. преподавателей японского языка готовили 19 университетов, 21 частная организация»²¹.

Что касается России и стран СНГ, то здесь любители японского языка также имеют возможность сдать «Спич-контест»

Таблица 2

Численность лиц, сдававших тест на профессиональное знание японского языка в 10 странах (2007 г.)

Страна	Численность лиц, сдававших тест
Китай	202 712
Республика Корея	82 323
Тайвань	55 802
Гонконг	13 722
Тайланд	13 295
Вьетнам	11 433
Индонезия	7 688
Индия	5932
Сингапур	4 166
Бразилия	3 346
Всего за рубежом	430 137
Япония	93 821

Источник: The official website of Japanese-language Proficiency Test: <http://www.jlpt.jp> или Japanese language Education Overseas // Japan Foundation Report 2007. P. 13.

Таблица 3

Доля лиц, изучавших японский язык и сдававших тест на профессиональное знание японского языка, по регионам, % (2007 г.)

Регион	Доля лиц, сдававших тест
Восточная Азия	82,7
Юго-Восточная Азия	10,6
Южная Азия	1,9
Океания	1,5
Северная Америка	1,2
Латинская Америка	0,9
Западная Европа	0,8
Восточная Европа	0,3
Ближний Восток/Африка	0,2

Источник: The official website of Japanese-language Proficiency Test: <http://www.jlpt.jp> или Japanese language Education Overseas // Japan Foundation Report 2007. P. 13.

(«*Нихонго Норёку-сикэн*», JLPT). Они участвуют в Конкурсе японского языка студентов стран СНГ, принимают участие в других мероприятиях. Организаторами этих мероприятий обычно выступают посольство Японии в РФ, Ассоциация преподавателей япон-

ского языка стран СНГ при поддержке Японского фонда, иногда другие организации.

В России тест на знание японского языка проводится с 1998 г.²² Сначала это происходило только в Москве, но с 2001 г. тест начали сдавать также во Владивостоке. С тех пор, как было введено тестирование, число желающих принять в нем участие год от года растет в среднем на 21%²³. В 2006 г. к сдаче теста присоединились любители японского языка из Хабаровска, Новосибирска и Южно-Сахалинска; с 2005 по 2006 г. рост числа желающих сдавать тест достиг рекордной отметки, увеличившись больше чем в 2 раза²⁴. Однако тест Джэтро (JETRO) на знание делового японского языка не вводился ни в России, ни на территории какой-либо из республик бывшего СССР²⁵.

С целью расширения возможностей для изучения японского языка и повышения квалификации преподавателей Японским фондом были созданы два специализированных института.

Институт японского языка «Урава» был основан в 1989 г. в г. Сайтама (преф. Сайтама) как один из филиалов Японского фонда. Институт выпускает высококвалифицированных преподавателей японского языка, играющих ведущую роль в своих учебных заведениях, а также руководителей библиотек, в которых хранятся учебные материалы и пособия по японскому языку.

Каждый год около 500 преподавателей японского языка из более чем 50 стран и регионов принимают участие в специальных образовательных программах. Такие программы обычно длятся от 3 недель до 9 месяцев и привлекают своими практическими занятиями, которые, помимо занятий в классе, включают также посещение японских школ и даже спектаклей традиционного японского театра Кабуки.

Институт занимается также разработкой учебников, словарей, мультимедийных учебных материалов и пособий и обеспечивает ими зарубежные учебные заведения. Кроме того, институт выделяет гранты издательствам, которые планируют выпускать в свет обучающие материалы по японскому языку. Он также распространяет такие обучающие материалы, которые нельзя приобрести за границей, отправляет их в зарубежные образовательные учреждения, предлагая посетить регулярные японские курсы.

В 1997 г. при Японском фонде «Кансай» был создан *Институт японского языка* (г. Осака, *Тадзири-тё*). Причиной его создания стало растущее число иностранцев, желающих изучать японский язык, и расширение спектра их мотиваций к изучению японского языка. Институт дает еще одну дополнительную возможность для изучения японского языка иностранцами в Японии.

При институте есть студенческое общежитие, где во время обучения проживают иностранные студенты. Это дает возможность приглашать служащих из дипломатических служб, представителей общественных организаций из разных стран, а также молодых исследователей, занимающихся изучением Японии, которым знание японского языка необходимо для научной работы. Институт предлагает также краткосрочные программы, по которым Японский фонд приглашает студентов, изучающих японский язык, в Японию. Это делается для того, чтобы повысить их мотивацию к изучению языка.

С целью содействия международному обмену в самых различных областях Японии, институт развивает активное сотрудничество с местными общественными и некоммерческими организациями для того, чтобы студенты института и местные жители могли тесно общаться друг с другом и вместе участвовать в реализации общих проектов.

Действительно, «все большее внимание уделяется приглашению жителей из других стран, прежде всего азиатских. В частности, правительство выдвинуло программу принять на языковую подготовку в стране до 100 тыс. иностранных студентов. По оценкам, в 2000 г. японский язык в Японии изучали 142 777 иностранных студентов, инженеров, бизнесменов. В проведении занятий были задействованы 24 900 преподавателей — эта цифра в 10 раз превосходила имевшийся до этого времени в Японии преподавательский потенциал. До 2000 г. преподавателей японского языка готовили 19 университетов, 21 частная организация»²⁶.

Помимо Японского фонда решением задачи распространения японского языка в мире занимается Министерство просвещения, науки и технологий.

Особым направлением в распространении и изучении японского языка является его освоение иностранцами и членами их семей, проживающими непосредственно в Японии. В последние

годы численность иммигрантов значительно увеличилась, и предполагается, что она будет расти и дальше. Незнание японского языка и неумение объясниться с японцами начинает создавать для них определенные трудности в японском обществе.

Планируется, что в скором времени Министерство просвещения, науки и технологий примет программу, которая поможет освоить японский язык иностранным учащимся всех уровней школьного образования: начального, среднего и старшего. Предполагается, что данная программа будет способствовать совершенствованию их знания японского языка. Уже сейчас местные власти практически по всей Японии на различных уровнях вводят в свой учебный план программы обучения японскому языку иностранных учащихся общеобразовательных школ.

Министерство предполагает обеспечить финансовую и прочую поддержку местным властям, чтобы они могли приглашать на работу преподавателей для работы на неполный рабочий день. Эти преподаватели должны быть высококвалифицированными специалистами, профессионалами в преподавании японского языка и хорошо владеть еще каким-либо иностранным языком. Их помощь будет способствовать усвоению учащимися знаний как по основным предметам, которые преподаются на японском языке, так и на занятиях по изучению японского языка.

По данным министерства, в 2006 г. общее число иностранных учащихся в японских начальных, средних и старших общеобразовательных школах составило 70 936 человек. Из них 22 413, обучающихся в 5475 школах, практически не знали японского языка, не говоря уже о том, чтобы на нем изучать различные школьные дисциплины. По сравнению с 2005 г., в 2006 г. число таких учащихся в японских школах увеличилось на 8,3%, и их число год от года растет.

После принятия в 1990 г. в Японии закона, контролирующего иммиграцию, стало возможным нанимать на работу малоквалифицированных специалистов японского происхождения из иностранных государств, и большой поток иммигрантов хлынул в Японию из Южной Америки. Поэтому 38% иностранных учащихся в Японии говорят на португальском языке (государственный язык Бразилии), 20% — на китайском, и 15% — на испанском. Так как эти учащиеся не владеют японским языком, то у некото-

рых из них часто возникают проблемы при общении со своими японскими одноклассниками, что часто приводит к конфликтам, иногда дело доходит и до преступлений.

Министерство хорошо понимает эти проблемы и относится к ним очень серьезно. В частности, было принято решение о том, что центральное правительство должно оказать поддержку местным властям для решения этих проблем. Для этого была разработана специальная программа. Она предусматривала выделение 1,96 млрд иен из бюджета министерства к концу 2007 г. для найма 1600 инструкторов, владеющих двумя языками, для оплаты их преподавательского труда²⁷.

Таким образом, усилиями Японского фонда, Министерства иностранных дел Японии, Министерства просвещения, науки и технологий, а также усилиями других организаций популярность японского языка в мире постепенно растет. Наибольшее число изучающих японский язык проживает в Китае, Корее, странах АСЕАН, которые являются непосредственными соседями Японии. Интерес к изучению японского языка в этих странах можно объяснить, главным образом, развитием и укреплением экономических связей и разного рода сотрудничества между ними и Японией.

Растет популярность японского языка в России и в странах, образовавшихся на территории бывшего СССР²⁸. Согласно планам японского правительства, к 2010 г. число лиц, изучающих японский язык, должно увеличиться до 3 млн человек²⁹. Распространение японского языка является одним из ведущих направлений культурной политики Японии за рубежом.

Если рассматривать роль японского языка как международного, то, по сравнению с другими языками, он используется гораздо меньше. В 1980-е годы японцы ставили вопрос о придании японскому языку статуса международного языка ООН. Однако этого статуса японский язык не получил и до сегодняшнего дня. Он никогда не бывает рабочим языком на общемировых международных мероприятиях, за исключением некоторых международных конференций, на двусторонней, иногда на трехсторонней основе. По мнению члена-корреспондента РАН В.М. Алпатова, к причинам, которые мешают японскому языку стать международным, относятся его лингвистические особенно-

сти; отличие строя японского языка от строя языков европейской группы; в нем легко опознаваемой лексики; сложная письменность — иероглифика; особенности заимствования слов из английского языка. Все это делает его распространение и использование по всему миру весьма проблематичным и значительно уменьшает его шанс стать когда-либо языком общемирового значения³⁰.

¹ Цит. по: *Катасонова Е.Л.* На повестке дня — имидж страны // Японский опыт для российских реформ. М., 2001. Вып. 2. С. 66.

² Там же.

³ The Japan Foundation. Overview of Programs 1997. Annual Report 1996. Tokyo, 1998. P. 9.

⁴ *Железняк О.Н.* Вхождение во внешний мир (деятельность Японского фонда и его представительств за рубежом) // Япония: Ежегодник. 1999–2000. С. 186.

⁵ Japanese language Education Overseas // Japan Foundation Report 2007. P. 11–12.

⁶ Op cit. P. 12.

⁷ Close to 3 Million taking Japanese lessons overseas // Kyodo News. 01.11. 2007.

⁸ Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04-03.xls). Федеральная служба государственной статистики http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04-03.xls. Retrieved 2006-12-01.

⁹ Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономной области и автономным округам Российской Федерации http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04-06.xls. Федеральная служба государственной статистики по округам Российской Федерации http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04-06.xls Retrieved 2006-12-01.

¹⁰ Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04-03.xls). Федеральная служба государственной статистики http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04-03.xls. Retrieved 2006-12-01.

¹¹ Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономной области и автономным округам Российской Федерации http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04-06.xls. Федеральная служба государственной статистики по округам Российской Федерации http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04-06.xls Retrieved 2006-12-01.

¹² Results of the 2005 survey of overseas Japanese language educational institutions: Russia (http://www.jpf.go.jp/j/japan_j/overseas/kunibetsu/2005russia.html) (in Japanese) Japan Foundation. 2005. http://www.jpf.go.jp/j/japan_j/overseas/kunibetsu/2005/russia.html. Retrieved 2008-01-12; Results of the 2006 survey of overseas Japanese language educational institutions: Russia (http://www.jpf.go.jp/j/japan_j/overseas/kunibetsu/2006russia.html) (in Japanese) Japan Foundation.

2006. http://www.jpf.go.jp/j/japan_j/overseas/kunibetsu/2006/russia.html. Retrieved 2008-01-12.

¹³ *Kobayashi Tadashi.* (February 2002). Japanese language education in Russia. (<http://www.erina.or.jp/en/Opinion/2001/Russia/kobayashi2.htm>). Opinion papers, Economic Research Institute for Northern Asia. <http://www.erina.or.jp/en/2001/Russia/kobayashi2.htm>. Retrieved 2009-08-14.

¹⁴ Baek, II-hyun (2005-09-14). Scattered Koreans turn homeward (<http://joongangdaily.joins.com/200509/14/200509142129404979900091009101.html>). Joongang Daily. <http://joongangdaily.joins.com/200509/14/200509142129404979900091009101.html>). Retrieved 2006-11-27.

¹⁵ Territorial dispute still unsolved 50 years after normalization (<http://home.kyodo.co.jp/modules/fstStory/index.php?stpryid=275471>) // Kyodo News. 2006.10.07. <http://home.kyodo.co.jp/modules/fstStory/index.php?stpryid=275471>. Retrieved 2006-12-03.

¹⁶ <http://www.jpf.go.jp/e/japanese/survey/tsushin/index.html>

¹⁷ <http://www.jpf.go.jp/e/japanese/survey/bulletin/03/index.html>

¹⁸ <http://www.jpf.go.jp/e/japanese/survey/globe/17/index.html>

¹⁹ <http://www.jpf.go.jp/j/japanese/survey/country/index.html>

²⁰ The official website of the Japanese-language proficiency Test: <http://www.jlpt.jp/>

²¹ *Катасонова Е.Л.* Указ. соч. С. 66

²² *Kobayashi Tadashi.* Op cit.

²³ The 2000 Japanese-Language Proficiency Test Number of Examinees by Sites (<http://web.archive.org/web/20030407202559/http://www.ijnet.or.jp/jpf/jlpt/contents/2001not-e.html>) The Japan Foundation. 2002-02-14. <http://web.archive.org/web/20030407202559/http://www.ijnet.or.jp/jpf/jlpt/contents/2001not-e.html>. The Japan Foundation. Retrieved 2006-12-03.

²⁴ Japanese Language Proficiency Test 2006: Summary of the Results (http://www.jees.or.jp/jlpt/pdf/result_2006_pri.pdf). Japan Educational Exchanges and Services, the Japan Foundation. 2006. http://www.jees.or.jp/jlpt/pdf/results_2006_pri.pdf. Retrieved 2007-08-22.

²⁵ 13th JLRT (2006): A summary Report (http://www.jetro.go.jp/en/bjt/data/jlrt/pdf/res13report_en.pdf) (PDF). Japan External Trade Organization. 2006. http://www.jetro.go.jp/en/bjt/data/jlrt/pdf/res13report_en.pdf Retrieved 2006-12-01.

²⁶ *Катасонова Е.Л.* Указ. соч. С. 66.

²⁷ Government to help foreign students learn Japanese // The Yomiuri Shimbun. 06.11. 2007.

²⁸ См. также: *Железняк О.Н.* Японский язык в России // Япония наших дней. 2010. № 2. С. 91–107.

²⁹ Close to 3 Million taking Japanese lessons overseas // Kyodo News. 01.11. 2007.

³⁰ Выступление члена-корреспондента РАН В.М. Алпатова на конференции «Япония в АТР 2009 г.» (10–11 декабря 2009 г., Москва, ИДВ РАН).

Т. В. Федотова

ПРАЗДНИК БОН В КОНТЕКСТЕ КАЛЕНДАРНОЙ КУЛЬТУРЫ ЯПОНЦЕВ

Обряд поминовения предков, известный как Бон, — одно из наиболее значимых событий японского календарного цикла. Несмотря на то что этот праздник считается буддийским, он тесно связан с культом предков, составляющим основу традиционной японской религии *синто*.

В основе праздника Бон лежит буддийская легенда о благодарном сыне Мокурэне. Монах-странник Мокурэн после приобретения им чудесных способностей захотел облегчить посмертную участь своей матери, которая возродилась в мире голодных духов. Вся пища, которую он пытался передать иссохшей от голода матери, мгновенно превращалась в ее руках в горящие угли. Отчаявшийся монах обратился к Будде с просьбой помочь ему в освобождении матери от страданий. Следуя совету Будды, в 15-й день 7-го месяца по лунному календарю он поднес монашеской общине в качестве даров пищу, «обладающую 100 вкусами», 5 плодов, а также благовония и светильники. В тот же день его мать обрела успокоение. С тех пор середина 7-го лунного месяца стала почитаться временем поминовения предков, когда души усопших возвращаются в родные дома, чтобы пообщаться со своими потомками, а затем снова уйти.

Как известно, в конце XIX столетия в Японии был введен григорианский календарь, что повлекло за собой сезонное переосмысление многих обычаев и обрядов. В частности, это отразилось на сроках проведения традиционных праздников, в том числе и праздника Бон.

В городах Токио и Иокогама, а также в районе Тохоку (центральная часть Японии) начали отмечать Бон в середине июля (около 15-го числа), отчего сам период проведения праздника получил название *ситигацу бон* (Бон в июле). Вслед за этим во многих районах Японии, например в префектуре Токусима,

также было решено праздновать Бон по григорианскому календарю.

Традиционно проведение праздника Бон в 7-м лунном месяце было ориентировано на полную фазу луны. Это имело решающее значение для праздника, так как полная луна, являющаяся источником яркого света, освещала дорогу душам предков, которые во время Бон возвращаются в родные дома.

Но перенос дат лунного календаря на солнечный повлек за собой нарушение принятого единства полнолуния и праздника Бон. Несоответствие фазы луны в этот период с традиционными представлениями о «яркой дороге» заставило японцев перенести время празднества Бон с июля на середину августа. Этот период стали называть *хатигацу бон* (Бон в августе).

В южной части Японии (северная часть района Канто, район Тюоку, острова Сикоку, Кюсю, префектуры Рюкю) остались верны лунному календарю. Лунный календарь всегда имел здесь прочные связи с традиционной хозяйственной деятельностью, в частности с морским промыслом, ориентированным на фазы луны. Можно сказать, что до сих пор культура этого региона привязана к лунному календарю. Проведение праздника по лунному календарю стали называть здесь *кюбон* (старый Бон).

В зависимости от места и времени проведения Бон элементы обрядности праздника могут отличаться. Однако можно выделить общие черты, одинаковые во всех районах Японии. Так, структура Бон включает три основных компонента: встречу душ предков, общение с ними, а также их проводы. Все вместе — это комплекс обычаев и обрядов, основанных как на буддийских, так и на синтоистских воззрениях японцев.

Особый интерес представляют обряды встречи душ предков. Перед тем, как «пригласить» души предков, японцы тщательно убирают свои дома и украшают домашний буддийский алтарь *буцудан*. Считается, что во время Бон он становится местом, куда снисходят духи. Это место называют специальным словом — *эри-сиро*. В традиционных японских домах алтарь расположен в отдельной комнате — *буцума*. В дни праздника никому из членов семьи не позволяют ночевать в этой комнате. В современных жилищах, где отдельное пространство для домашнего алтаря считается роскошью, *буцудан* устанавливают в гостиной. Он изготавливается из

дерева и покрыт лаком. По неписаным законам, в случае пожара или другой надвигающейся угрозы, первым спасают именно алтарь, в котором, согласно японским представлениям, всегда пребывают души предков. Поэтому алтарь издавна делали компактным и не очень тяжелым. В последнее время буцудан стали изготавливать из пластмассы. Такие алтари легче и дешевле, а внешне практически ничем не отличаются от деревянных. В Японии считают, что каждое поколение в семье должно иметь свой собственный буддийский алтарь. Старый же принято уносить в храм, где его потом ритуально сожгут¹.

В дни праздника Бон перед буддийским алтарем устанавливают временный алтарь *сёрё-дана* (алтарь для душ умерших), или, как его еще называют, *тама-дана* (алтарь душ), *бон-дана* (алтарь праздника Бон). На нем расстилают циновку из рисовой соломы *макомо-но годза* и размещают поминальные таблички *ихай* с именами предков, курильницу с благовониями, светильник, вазу с сезонными цветами и различные угощения для душ предков. Перед табличками *ихай* выставляют символические фигурки лошади, изготовленной из огурца, и быка — из баклажана; иногда устанавливают фигурки и лошади, и быка, сделанные из соломы. Японцы верят в то, что такие фигурки помогают духам и облегчают их передвижение. При этом лошадь символизирует скорейшее прибытие душ предков в родной дом, а черный бык — их медленное возвращение в загробный мир.

Роль *сёрё-дана* часто выполняет небольшой столик, к четырем ножкам которого привязывают веточки молодого бамбука. В верхней части эти веточки скрепляют веревкой *симэнава*, украшенной ветвями или листьями различных растений: криптомерии, пузырника, чумизы, крупноцветного колокольчика, вербейника. Сочетаемость этих растений может быть самой разной. Иногда применяется только одно из них. Веревка *симэнава* используется в качестве символа, препятствующего проникновению нечистых сил в пределы священного места, где пребывают души умерших. Все необходимые атрибуты для обустройства алтарей и украшения можно приобрести в канун праздника на специальных базарах *бон-ити*.

В тех случаях, когда в комнате недостаточно места для устройства *сёрё-дана*, японцы украшают *буцудан* так же, как и вре-

менный алтарь. К верхней его части привязывают листья пузырника, внутри расстилают циновку *макомо-но годза* и расставляют обрядовые угощения *о-сэгаки*, включающие суп *мисо-сиру*, вареные овощи *ницукэмоно*, маринад *уцукэмоно*, вареный рис с красной фасолью *сэхихан* и зеленый чай.

Утварь, предназначенная для этих ритуальных угощений, также приобретает особое символическое значение. Это — красная лакированная посуда, как правило, уменьшенных размеров, а также укороченные палочки для еды *о-хаси*, указывающие на невидимого пользователя.

После окончания подготовительных работ в доме все члены семьи отправляются на кладбище, где приводят в порядок и укрывают родовые могилы. Считается, что души предков являются только при обязательном выполнении некоторых условий, в том числе после совершения ритуалов, которые очищают место от скверны. Для этого каждый пришедший на кладбище набирает около входа в храм воды и специальным ковшом льет ее на надгробную плиту. У некоторых японцев есть традиционные деревянные ковши, изготовленные специально для этого ритуала, однако большинство использует любую подходящую посуду, в том числе простой чайник. Чтобы смягчить гнев духов, зажигают курительные палочки и, сделав поклон, хлопают один раз в ладоши, для привлечения их внимания.

Далее хозяйка семьи раскладывает прямо на могильной плите специальную еду-подношение для душ предков, которую потом аккуратно собирают и уносят домой. Подношения душам предков представляют собой часть трапезы, которую непосредственно к этому дню готовят дома. Обычно все члены семьи, пришедшие на кладбище, едят ту же самую еду. Сам акт совместной трапезы имеет магический смысл. В древности этот обряд выражал надежды японцев на получение в будущем хорошего урожая, поэтому и сейчас пища здесь выступает в качестве символического атрибута.

С наступлением сумерек, когда становится темно, повсюду зажигают множество фонарей, чтобы духам было легче найти родной очаг. Такие фонари называются *мукай-би* (приветственный огонь). Их оставляют на могилах, вешают перед входом в дома, ими украшают улицы и парки больших городов. Фонари бывают

различной формы и размеров. Самыми распространенными видами фонарей на празднике Бон являются фонарики *торо* и *тётин*.

Торо (висячий фонарь) развешивают около храмов и используют для внутреннего освещения помещений, а также при различных религиозных церемониях. Исходя из их предназначения, *торо* могут быть выполнены из камня, бронзы или из гофрированной бумаги, наклеенной на бамбуковый каркас. Во время праздника Бон такие фонари носят название *бондоро*. Как отмечал в свое время известный американский исследователь Лафкадио Херн, «некоторые из них могут иметь шестигранную форму, подобно фонарям больших святилищ, а некоторые напоминают звезды»². Белые бондоро, как правило, предназначены для украшения кладбищ, а разноцветные можно увидеть во время прощального обряда *торонагаси* в последний день праздника Бон.

Тётин (ручной фонарь) — это общее название складных уличных фонарей, изготовленных из бамбука и бумаги, с нанесенными на них различными рисунками и надписями на боковых стенках, что и отличает их от других фонарей. Однако этот же самый фонарь, используемый как атрибут праздника Бон, получил другое название — *бондзётин* (ручной фонарь на празднике Бон). Кроме того, наиболее популярными из них во время Бон считаются орнаментированные фонарики *гифу-дзётин* (букв. ручной фонарь префектуры Гифу). Дело в том, что именно префектура Гифу славилась производством этих фонарей, и там они получили особое распространение. Вскоре такие фонарики стали использоваться и в других районах Японии, однако название, указывающее на место производства, сохранилось. Эти фонари имеют 45 см в высоту и 30 см в ширину. Красоту и неповторимость им придает растительный орнамент. Каждый из фонарей *гифу-дзётин* по праву считается настоящим произведением искусства.

Вообще, во время праздника поминовения предков фонарям отводится особая роль. Помимо того, что они освещают дорогу душам усопших, они также выполняют функцию защиты от злых духов, которые могут прийти из загробного мира. Для того, чтобы обезопасить себя и своих близких от их проникновения в мир людей, японцы перед наступлением праздничного действия вдоль берега моря, озера или реки, у которой расположен город или деревня, зажигают 108 фонарей³. Эта цифра не случайна, так как

в странах Восточной Азии она всегда имела сакральное значение и символически воплощала некую тайну природы. Так, время наступления Нового года в Японии возвещают 108 ударов колокола. По японским поверьям, у человека есть 6 главных пороков: жадность, злость, алчность, глупость, легкомыслие, нерешительность. Каждый из перечисленных пороков имеет 18 оттенков. Считают, что с каждым ударом колокола происходит постепенное очищение человека от этих пороков.

Согласно буддийскому учению, существует 108 страстей и заблуждений. В ламаистских религиозных праздниках-мистериях в Тибете участвуют 108 красочных масок божеств, а в храмах выставляется по 108 молитвенных колес, в которые вкладывается 108 листков с молитвами. В древней ведической культуре число 108 считалось магическим числом совершенства и успеха. Существует много толкований этой священной числовой символики, но ни одно из них не является общепринятым.

Далее в системе праздника Бон наступает новый этап — время общения с предками, который проходит как в домах, так и на улице. Для этого вечером вся семья собирается перед алтарем *буцудан*. Глава дома закуривает благовония возле поминальных табличек, и все члены семьи как бы совершают совместную с пришедшими духами трапезу. Само общение с предками требует от японцев тщательного очищения от скверны, поэтому в дни праздника Бон существует ряд ограничений в отношении еды. Запретными считаются блюда из рыбы и мяса. Однако когда праздник поминовения предков заканчивается, японцы едят и мясо, и рыбу, чтобы обозначить свое возвращение к повседневной жизни⁴.

После совместной трапезы с духами все члены семьи, одетые в традиционные одежды, собираются во дворах храмов, на площадях или у школ. Главные городские улицы закрывают для проезда и устраивают небольшие ярмарки. По обеим сторонам этих улиц открываются маленькие палатки, где также можно перекусить и выпить алкогольные напитки, например пиво. Особым спросом в эти дни пользуются жареный кальмар, рис с красной фасолью, пироги с бобами⁵.

Ключевым моментом общения с предками на празднике Бон являются танцы, пение, игры и соревнования. В старину самым распространенным развлечением в этот день было перетягивание

каната. Такое соревнование считалось специфической особенностью Бон⁶. Известны и другие развлечения, как, например, соревнования среди мужчин в том, кто правильно определит шесть сортов *сакэ* (рисовой водки) и кто лучше разрежет арбуз.

Прощальная церемония в последний день праздника Бон начинается с повсеместного зажигания фонарей *окури-би* (прощальный огонь), освещающих душам предков их обратный путь. Японцы издавна разжигали костры на склоне гор, которые служили местом захоронений. Этот обычай восходит к древней символике огня как стихии преобразования, связывающей мир живых и мир мертвых. В своем первоначальном виде ритуал дошел и до наших дней. Так, в г. Киото ежегодно в последний день праздника Бон на склонах гор, окружающих город, разводят 5 огромных костров *годзан-но окури-би*, что означает «прощальный огонь пяти гор». Каждый из этих костров выкладывают в форме определенного иероглифа. Костры разводят на специальных подставках, высота которых может достигать 1,5 м. Для того, чтобы сложить 1 иероглиф, требуется более 70 вязанок из дров и соломы, расставленных в строгом порядке. Все подготовительные работы производят за несколько дней до начала церемонии.

Далее, после захода солнца в буддийском храме священник раздает присутствующим деревянные дощечки, на которых они пишут слова молитв и пожеланий, после чего передают их обратно священнику, и он сжигает их на алтаре. От сгорающих табличек зажигают 1 большой и 60 маленьких факелов. Затем священники и верующие с факелами в руках поднимаются к разложенным на пяти горах кострам. Перед началом разжигания костров во всем городе отключают освещение, и он погружается во тьму. После удара главного храмового колокола люди в ритуальных одеждах с изображением одного из пяти иероглифов подносят свои факелы к вязанкам, и окрестности вокруг Киото заливаются ярким светом костров, имеющих форму иероглифов: *мёхо* (великое учение Будды), *фунагата* (корабль), *ториигата* (ворота-тории), *хидари* (левый). Наиболее зрелищным является костер на склоне г. Даймондзи, имеющий форму иероглифа *дай* (большой), в связи с чем его именуют *дай-мондзи яки* (сжигание иероглифа *дай*)⁷.

В населенных пунктах, расположенных на берегах рек или морском побережье, для проводов душ предков совершают обряд

торонагаси (*торо* — фонарь, *нагасу* — нести течением). Раньше перед проведением праздника изготавливали маленькие лодочки, состоящие из деревянного и бамбукового каркаса, обтянутого плетеной соломкой. На лодочках укрепляли бумажные или хлопчатобумажные паруса и ставили сделанный из бумаги квадратный фонарик, внутри которого находилась свеча. На стенках фонарика писали имена умерших родственников. В последний вечер праздника Бон все члены семьи, собрав с алтаря ритуальную еду, предназначенную для душ предков, погружали ее на лодочки, зажигали свечу и пускали по воде. Темная поверхность воды озарялась тысячами огоньков, медленно уплывающих вдаль⁸. Современная конструкция лодок значительно упростилась, они стали меньше по размеру, а функцию самого каркаса лодки выполняет маленькая плоская деревянная дощечка.

Можно предположить, что обряды разжигания костров на склонах гор и спуска на воду корабликов со светящимися фонариками издавна были связаны с верованиями в то, что умершие пребывают в «стране мрака», граница которой с миром живых проходит в горах или на море. Свет костров или фонариков как бы разделяет эти два мира: мир живых и мир мертвых.

Также существует предположение, что данный обряд в Японии связан с одной из форм древних захоронений, когда тело покойного отправляли в лодке по морским волнам. Основание для предположения дают форма гробниц, обнаруженных в курганах периода Кофун (IV–VI вв.), и древние записи храма Сумиёси в Осака, в которых говорится, что в усыпальнице императора устанавливались деревянные и каменные изображения ладьи. Возможно, что в начале курганного периода сам саркофаг имел форму ладьи. Судя по текстам, «лодкой» («*фунэ*») часто называли усыпальницу, а вход в нее — «вход в лодку» («*о-фунэири*»). Кроме того, известен высеченный на камне рисунок, обнаруженный при раскопках одного из курганов на севере Кюсю и изображающий лодку типа гондолы, на корме которой стоит человек с веслом, на носу — нечто вроде двух мачт с парусами, на лодке также сидит птица. Этот рисунок магического назначения, должно быть, изображал путешествие души в обитель мертвых⁹.

В ряде мест, например в г. Миядзу (преф. Киото), расположенном на побережье Японского моря, считают, что души умерших

уходят не в горы, а в море и приходят оттуда же. В Токио при храме Канон Асакуса обряд *торонагаси* совершают, чтобы успокоить души моряков и всех, кто погиб в пучине вод.

Несмотря на то что некоторые из обрядов праздника Бон утратили свое первоначальное сакральное значение, в целом форма проведения праздника остается неизменной и по сей день. Праздник Бон — это ценный источник для изучения древней культуры и ментальности японского народа. В его обрядности отображаются многие особенности этнической истории японцев. Этот праздник является связующим звеном между прошлыми и нынешними поколениями.

¹ *Jeremy M., Robinson M. E. Ceremony and Symbolism in the Japanese Home. Manchester University Press, 1989. P. 60–61.*

² *Hearn Lafcadio. Glimpses of unfamiliar Japan. Boston and New York, 1894. P. 115.*

³ *Op cit. P. 107.*

⁴ *Mock Joya. Things Japanese. Tokyo, 1982. P. 87.*

⁵ *Jeremy M. Robinson M. E. Op cit. P. 63.*

⁶ *Yanagida Kunio. Japanese Manners and Customs in the Meiji Era. Tokyo, 1957. P. 272.*

⁷ *Ниппония. 2005. № 34. С. 20.*

⁸ *Mock Joya. Op cit. P. 87.*

⁹ *Ермакова Л. М. Культы и верования в раннем периоде японской культуры: Синто — путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 1. С. 22–23.*

К.С. Воркина

СЕМЬЯ В ЖИЗНИ САМУРАЯ

Культура самурайства, просуществовавшая более тысячи лет и канувшая в историю, очень многогранна и интересна. Влияние военного сословия было настолько велико, что без него невозможно представить себе японскую историю, традиционную культуру, да и вообще любую грань сегодняшней жизни современной Японии.

Во все времена сакральная сторона жизни общества представляет большой интерес. Если же говорить про семейную жизнь самурая, то она всегда привлекала к себе внимание всех сословий: крестьян, горожан, ремесленников. Какое же место занимала любовь и семья в жизни японского воина?

В своей древней форме титул «самурай» когда-то присваивался лидерам военных родов восточной и северо-восточной Японии и в несколько измененном виде (*госодзамурай*) — воинам аристократических кланов, принадлежавших к императорскому двору в периоды Камакура (1185–1333) и Муромати (1336–1573). Преобразовавшись фонетически в «самурай», этот термин стал распространяться на всех воинов, находившихся на службе у господина. Самураям позволялось носить на поясе два меча — длинный и короткий. Поэтому в образном значении слово «самурай» можно понимать как «тот, кто служит».

Начиная с середины периода Хэйан (794–1185) *госодзамураи* (самураи) стали охранять знатных людей и поэтому имели при себе оружие. Поскольку слуг все чаще набирали из сословия воинов, слово «самурай» к концу XII в. стало полным синонимом слова *буси* (воин).

Основная социальная обязанность самурая заключалась в том, чтобы беспрекословно выполнять все приказы господина, которому он присягнул в верности, как, впрочем, и остальных членов его семьи.

Данное обязательство связывало каждого вассала с тем, кого они унаследовали в качестве своего хозяина, и с тем, кто принял их клятву верности и преданности.

В клановой системе благополучие *буси* и его рода целиком зависело от расположения сюзерена, а главным из всех видов человеческих отношений раз и навсегда стала связь между господином и слугой.

Но какими были отношения в семье самурая? Неужели долг перед сюзереном стоял превыше любви к жене и детям?

Самыми известными японскими писателями, которые описывали семейную жизнь самураев, являются, пожалуй, Ихара Сайкаку (1642–1693) и Тикамацу Мондзаэмон (1653–1724). В своих произведениях они воссоздают картину современной им действительности, давая емкие зарисовки быта и нравов японцев эпохи Токугава (1603–1868). Определенное внимание семейным отношениям уделяют три автора-просветителя. Юдзан Дайдодзи (1639–1730) написал «Будо сёсин сю» («Начальные основы воинских искусств»). Ямомото Цунэтомо, живший на рубеже XVIII–XIX вв., в своем произведении «Хагакурэ» («Сокрытое в листве») рассказывал о том, как вернуть былую веру в чистоту и справедливость. Их последователь Юкио Мисима в XX в. написал произведение «Хагакурэ Ньюмон»¹. В нем он призывал японцев не забывать о своем истинном призвании и стремиться к самосовершенствованию. В своем произведении Мисима очень часто напоминал о красоте смерти. Эти три шедевра были объединены в одну книгу под названием «Книга самурая». Всех трех писателей беспокоила будущая судьба этого сословия. Их сочинения — это строгие наставления тем, кто отважился вступить на Путь самурая.

Рассматривая семейную жизнь самурая, необходимо также упомянуть «Установления». В соответствии с конфуцианскими канонами этот документ создавался как наставление основателя династии Токугава своим потомкам, как руководство по управлению государством и регулированию взаимоотношений, прежде всего в рамках стоявшего у власти сословия «воинов». «Установления» определяют патриархальную семью как первичную основу, изначальное звено в государственной структуре, образующее практически все связи в обществе. В принципах семейной морали — суть учения Конфуция. Отношения супругов, со-

гласно взглядам Конфуция и его последователей, всегда входили в число пяти нравственных взаимосвязей в обществе (кит. *улунь*; яп. *горин*). Принцип патриархальности («патриарх» — *Кафутё* — глава рода), будучи основным стержнем конфуцианской семьи, как бы привносил в ее рамки отношения по системе вассалитета — «государь — подданный»². Одна из редакций текста «Установлений» следующим образом объясняет разделение обязанностей мужа и жены: «Хороший муж заботится о делах, находящихся за пределами дома, ее муж теряет свое дело — это первый признак крушения семьи. Все это равносильно тому, как если бы насадка была одержима мыслью кукарекать на заре. Каждому воину следует знать об этом. Это — подспорье в знании сущности людской». Подобные наставления регулировали семейные отношения в самурайской семье. В то же время наставлений, касающихся регулирования семейных отношений в среде простолюдинов, не содержится ни в «Установлениях», ни в «Кодексе Бусидо», (досл. «Путь воина»).

Социальная и идеологическая роль института семьи в японском обществе была очень значительна. Семья рассматривалась как модель конфуцианского общества в миниатюре, составляющая часть общества в целом. Разумеется, самураи как ревностные носители конфуцианской морали и традиции придавали большое значение институту семьи как клону, порождающему их класс. Семья воспринималась как социальный долг перед обществом, поэтому самураи весьма серьезно, с чувством ответственности и долга относились к своим семьям. Идеальными считались семейные отношения, основанные на этике Бусидо. Конечно, такие отношения можно отнести скорее к товарищеским, чем к любовным³. С виду самураи были людьми очень сдержанными и суровыми, возможно, они прятали чувства глубоко в тайниках своей души, практически никогда не говоря о любви вслух. Самураи воспринимали любовь как ответ на добродетель и ценили ее очень высоко. В этом плане показательна трогательная история японского писателя Мори Огай «Старая чета», повествующая о судьбе самурая и его жены, разлученных роком на долгие десятилетия. После всех невзгод и испытаний, сохранив верность друг другу, они соединились вновь, сохранив все свои чувства.

Необходимо также отметить, что «для самурая низкого ранга было большой ошибкой иметь жену и детей, если в случае войны он не сможет содержать даже одного оруженосца для того, чтобы тот нес копье. Среди друзей и родственников, однако, найдется немало таких, которые будут уверять, что жена просто необходима: ведь когда-нибудь случится заболеть, нужно кому-нибудь стирать одежду, вести домашние дела или, наконец, необходимо продолжать род. Наслушавшись подобных разговоров и «приняв ложь за истину, самурай, потакая своим слабостям, возьмет в жены чью-нибудь дочь. Он будет наслаждаться тем, какой спокойной и беззаботной стала его повседневная жизнь. Но вскоре один за другим появятся дети, денег будет не хватать, и вот средства, на которые легко можно было бы содержать хотя бы одного оруженосца, пойдут на то, чтобы нанять няньку. Вот почему воину низкого ранга надлежит быть осмотрительным и не совершать подобной глупости: заводить жену и ребенка. Ведь воин низкого ранга, пока он молод, сможет возвыситься в этом мире и совершить подвиг, если он будет совершенствовать свою доблесть и днем и ночью думать только об исполнении долга. Он должен выбирать правильное время для создания семьи»⁴, — так Юкио Мисима наставлял тех, кто желал вступить на истинный Путь воина. Многие самураи старались избегать семейных отношений, дабы не связывать себя обязательствами.

Самураям как суровым воинам была чужда излишняя слезливая сентиментальность двора, но повести о них сохранили для нас прекрасные и радостные, грустные и трагические истории их любви. Как отмечает исследователь А.Р. Басов, «в них даже можно найти истории, близкие по смыслу к европейским рыцарским сагам и балладам. Самураи, как правило, жили недолго, исключительно редко они доживали до седины. Порой их возлюбленные становились вдовами, едва став женами, о чем говорит печальное, но правдивое высказывание: сегодня — новобрачная, а завтра — вдова»⁵.

Если в древней японской истории матриархальные мотивы были сильны, то с приходом к власти самураев акценты смещаются. Мужчина становился безусловным и безоговорочным главой семьи, в то время как женщине отводилась второстепенная и подчиненная роль. В соответствии с самурайскими канонами эти-

ки спутница жизни воина должна быть с мужем и душой и телом, быть идеалом верности, терпения и долга. Она должна ждать своего супруга и повелителя из его бесконечных походов даже тогда, когда нет никакой надежды. Идеал женщины самурая — возлюбленная верная и прекрасная, хорошая мать их детям, способная пожертвовать всем ради мужа.

«Приближайтесь к Вашему мужу, как к самому Богу, ибо, если вы обидите своего мужа, вас накажет Небо»⁶, — поучительно рекомендует Каибара Эккэн (1630—1714), самурай из клана Курода, который проповедовал любовь к любой вещи и гармонию с природой через отношение доброжелательности, автор своеобразного Бусидо для женщин.

«У женщин нет господина, — продолжает Эккэн, — она должна смотреть на своего мужа как на своего господина и верно служить ему, никогда не презирать его и не думать о нем легкомысленно. Ее величайший долг, который длится всю жизнь, — повиновение»⁷.

Обычно самурай женился только на девушке из самурайского рода. Для социальной карьеры и брака решающее значение имели личные качества, воспитание, наконец, знатное происхождение, а не богатство.

Воспитание девочек в семье самурая. Идеальная жена самурая. Девочек в семье самурая воспитывали в большой строгости. Главное в воспитании девочек — с детских лет прививать им целомудрие. Девочка не должна подходить к мужчине близко, смотреть ему в глаза и брать вещи из его рук. Она не должна ходить на прогулки и посещать храмы. Если она получит строгое воспитание и будет много страдать в родительском доме, ей не на что будет жаловаться, когда она выйдет замуж⁸.

В представительницах прекрасного пола воспитывались те же качества характера, какими обладали самураи. Женщин учили даже военному искусству, конечно, не для того, чтобы они сражались (хотя женщина из самурайского рода могла за себя постоять), а для того, чтобы они лучше понимали своего мужа и то дело, каким он занимался в жизни. Женщин также учили лечить раны, готовить лекарственные бальзамы и настои. Поведение женщин самурайского сословия было жестко регламентировано, как и поведение их мужей. Девочек из самурайских семей даже спать приучали в красивой целомудренной позе, лежа на спине

со сложенными вместе ногами и вытянутыми вдоль тела руками. (В традиции правильного воспитания известно понятие «человек с севера». Супруги должны были спать головой в сторону запада. Мужчина должен был лежать с южной стороны, повернувшись лицом к северу, а женщина, с северной стороны, повернувшись лицом к югу)⁹.

Каибара Эккэн пишет: «Женщина должна тщательно следить за своим поведением. Утром она должна вставать рано, а вечером ложиться поздно. Она должна больше всего уважать родителей своего мужа, а посещение своих родителей необходимо резко сократить после замужества. Она сама должна ткать»¹⁰.

Самые большие недостатки женщин — это недовольство, ложь, ревность и глупость:

«А что такое ревность?

Злобный рок?

А может быть болезнь?

Не понимаю.

Да, я ревнива.

Это так! Но все же ревнивица, я отпустила мужа

Далеко,

За горы и за моря.

Так почему ж

Тогда молчала ревность?

Конечно долг..

И повеленье князя...

Нет, выбросить совсем

Из сердца эти помыслы. Забыть

И вырвать с корнем!»¹¹

Женщина должна была всецело посвятить себя мужу и семье. Грустно ей или тяжело, она должна быть веселой и улыбаться своему мужу, поддерживать его в любой жизненной ситуации.

Верность мужу рассматривалась как верность сюзерену и, как это было принято у самураев, ставилась выше всего на свете, даже выше любви к родителям и детям. Показательна история о молодом *даймё* Ода Нобунага и его супруге.

Молодой *даймё* Ода Нобунага и его очаровательная жена сочетались браком¹². Брак оказался удачным и, казалось, никто не может омрачить счастье новобрачных.

Но молодой князь часто вставал с брачного ложа посреди ночи и куда-то уходил. В конце концов, юная жена не выдержала и спросила горячо любимого мужа, что его так беспокоит и куда он уходит. Князь ответил, что из замка отца жены ему должны подать сигнал. Тогда можно будет проникнуть в замок, напасть на ее отца и убить его.

Молодая женщина ужасно страдала. Как бы она ни поступила, все равно кого-нибудь бы предала. Душа девушки разрывалась между любовью к мужу и чувством жалости к отцу. Даже самоубийство не решало проблемы. Необходимо было сделать выбор. И она решила сообщить отцу о готовящемся нападении, а потом сказать мужу, чтобы он не ждал сигнала и не напал, так как там будет засада. А потом будь, что будет!

Отец княгини, узнав о готовящемся нападении, казнил своих ближайших советников-стратегов. Ода Нобунага отослал заплаканную жену обратно к отцу, сказав ей, что это была проверка, и она ее не прошла, а значит, недостаточно верна. Но, благодаря такой неверной жене, он сумел избавиться от двух своих самых злейших врагов, талантливых стратегов отца жены.

Провокация Ода Нобунага, возможно, имела и свой скрытый подтекст, состоящий в том, что если бы княгиня осталась абсолютно верна принципу сюзеренитета и не нарушила этику Бусидо, то сохранила бы и мужа, и отца. Ода Нобунага, вероятнее всего, проверял границы верности своей жены. Нарушение верности могло восприниматься как не прямое, но явное оскорбление и предлог для агрессии и мести. Если жена нарушила кодекс чести, то это означало, что она плохо воспитана и ответственность за это нес ее отец.

Считалось, что жена должна гордиться мужем, который может иметь много женщин, и если он смотрит с интересом на другую женщину, значит, жена в чем-то ей уступает, более того, она должна быть довольна, что ее мужу хорошо. Жене нельзя было скомпрометировать себя даже, казалось бы, незначительной мелочью. Даже тень не должна была лечь на репутацию женщины, иначе позор смывался кровью. Муж мог убить жену, лишь заподозренную в прелюбодеянии, и не нести за это ответственность перед законом.

В своих произведениях Тикамацу Мондзаэмон запечатлел немало случаев, когда измена супруги становилась роковой: «Не по-

нимаю! Как! ... Мужу изменить? По наущенью какого демона она могла отважиться на прелюбодеянье? Такая добрая, почтительная дочь! — причитает мать изменницы жены. — Она, бывало, говорила мне: “Знаете, матушка, раз у меня две дочери, я буду бережно-бережно хранить все ваше приданое, все-все, до единой вещи! Оно пригодится моим девочкам”. Никогда в ее словах не было ни капли притворства. Как она любила своего мужа!»¹³

Это было отчаяние матери в защиту дочери-«изменницы». Но отец же непоколебимо стоял на своем:

«Тряпье жены —

Изменницы, жены-прелюбодейки,

Уродки,

Изверга среди людей

Дом самурая только оскверняет!»¹⁴

Муж О-Сай был в отчаянии:

«Итиносин опозорен.

Опозоренный не может быть самураем,

Он князю служить уже не достоин»¹⁵.

Безусловно, этот поступок навлек на молодого самурая позор, который так и преследовал его и всю его семью до конца дней.

Бывали случаи, когда жены и даже дочери самураев проявляли невероятную отвагу и даже могли отомстить врагу. Очень показательные примеры из произведений прозаика Ихара Сайкаку:

«Этот Хякуэмон неоднократно просил моей руки, но отец всякий раз ему отказывал, и тот, как видно, затаил на него досаду. Такое злопамятство недостойно истинного самурая. Я должна отомстить Хякуэмону за смерть отца!»

«Осуществив задуманное, дочь Кинная заперла ворота и, испросив на то позволения его светлости, совершила харакири. Мало кто из женщин решается на такое, но ведь недаром была она дочерью самурая»¹⁶.

В рассказе «О женщине, которая решила пожертвовать одним ребенком, дабы сохранить жизнь другому» Ихара Сайкаку повествует о том, как на 29-й день 6-й луны 12-го года эры Гэнроку войска противников, которые сошлись на битву, решили передохнуть и заключили перемирие. В этот день вблизи лагеря одной из воюющих сторон мелькнула фигура. Беглянкой оказалась рослая и крепкая женщина с мечом за поясом. «На руках она несла младен-

ца, а рядом бежал мальчик лет семи. Чувствуя, что погоня совсем близко, женщина, не раздумывая, положила малютку на землю, мальчика же посадила на спину и так пробежала еще около двух *тё*. Хотя в погоне дорог каждый миг, один из воинов все же остановился и, пожалев плачущего младенца, взял его на руки. Это была прелестная девочка.

Когда преследователи почти настигли беглянку, она положила ребенка на землю, выхватила из ножен меч и, не уступая в ловкости мужчине, принялась защищаться. По всему было видно, что женщиной движут какие-то особые соображения, поэтому воины обошлись с нею весьма учтиво, отвели к своему начальнику в ставку. Выслушав их доклад, Танго обратился к женщине с расспросами о том, почему она бежит и почему так поступила с детьми: “Оба, надо полагать, дороги вашему сердцу, однако грудного младенца вы бросили на произвол судьбы, а мальчика, нуждающегося в вашей заботе куда меньше, взяли с собой. Быть может, вы исходили из того, что сын станет вам опорой в старости?”

Тут женщина подняла голову и рассказала без утайки о том, что она — жена человека по имени Такэхаси Дзинкуро, который в прежние времена был самураем и получал от своего господина небольшое жалование. Но судьба его сложилась так, что позже он стал *ронином*, поселился в этой деревне и зарабатывал себе на жизнь трудом крестьянина. Прошлой ночью он сказал своей жене: «Чувствую я, что нынешнего сражения мы не выиграем, а значит, живым домой я не вернусь. Но ведь со мной вместе можешь погибнуть и ты, и дети наши. А потому ты должна покинуть эти края и вырастить их, дабы род мой не прекратился». Жена уступила воле мужа, но оказалась пойманной войсками. Она объяснила, что дети эти ей не родные, а взятые на воспитание. Мальчик был племянником мужа, девочка — ее племянница. “Спаси я племянницу, люди бы осудили меня за то, что я пренебрегла долгом перед мужем. Пусть я всего-навсего женщина, подобное обвинение навлекло бы на меня позор”»¹⁷.

Женщина и дети были спасены. Этот рассказ приведен в пример с целью показать мудрую жену воина, ее отвагу и отчаянность ради любви и уважения к мужу.

Воспитание мальчиков. Ямамото Цунэтомо, автор «Хагакурэ» («Сокрытое в листве»), повествует о том, что «существуют пра-

вила воспитания ребенка в семье самурая. С младенчества нужно поощрять в нем смелость, никогда не дразнить и не запугивать. Ведь, если ребенок с детства привыкнет бояться, он пронесет этот недостаток через всю жизнь. Ошибку совершают те родители, которые учат детей бояться молнии, запрещают им ходить в темноте или рассказывают ужасы, чтобы те перестали плакать. Кроме того, если ребенка много бранить, он станет застенчивым.

Нужно избегать формирования у детей плохих привычек. Ведь если плохая привычка укоренилась, сколько ни упрекай ребенка, он не исправится. Что же касается правильной речи и хороших манер, нужно постепенно приучать детей к ним. Пусть ребенок не ведает о корыстолюбии. Если в этом отношении он будет правильно воспитан, все остальное приложится само собой.

Ребенок, выросший в неблагополучной семье, будет непослушным. Это естественно. Даже птицы и звери подражают поведению окружающих особей. Кроме того, отношения между отцом и сыном могут ухудшаться вследствие неправильного поведения матери. Мать любит свое дитя превыше всего на свете и поэтому склонна заступаться за него, когда отец делает ему замечание. Если мать становится на сторону ребенка, между ним и отцом не будет согласия. Часто мать заботится только о том, чтобы ребенок опекал ее в старости»¹⁸.

Ребенок должен быть вежливым, соблюдать правила поведения и следить за своей речью. Он должен проявлять терпение, прислуживать людям и даже правильно ходить и иметь правильную осанку. Если мальчик не проявляет усердия, его нужно наказывать и на один день оставить без еды. Также нужно поступать и с нерадивыми слугами.

Дети самурая порой проявляли невероятную решимость и смелость в очень раннем возрасте. Драматург Тикамацу Мондзаэмон описывает, как сын самурая желает отправиться на защиту чести семьи:

«Вдруг на дороге —
Маленький путник лет десяти.
Прячется он за оградой,
Жметя к столбам.
Итиносин подбежал к воротам:
“Кто это там?”

Что же?.. Торадзиро,
В дорожной одежде его сынок в путь собрался».
Далее Торадзиро обратился к отцу:

«Я хочу идти вместе с вами, отец. О-Кику и Сутэ — женщины, а я мужчина, самурай. И разве может молодой самурай отпустить отца одного, когда тот уходит отомстить врагу?»¹⁹

С раннего детства подрастающее поколение воспитывалось в духе Бусидо. С 5 лет дети самураев носили деревянные мечи, которые впоследствии заменялись настоящими. Многие исследователи отмечают чрезвычайно серьезный характер детей самураев, которые были лишены радостей детства в их современном понимании. С первых лет жизни детям прививались воинственный дух сословия самураев и почитание воинской доблести как главной добродетели. В детях воспитывались смелость и бесстрашие, умение переносить трудности, целеустремленность, жесткое отношение к себе и к другим, умение контролировать свои чувства и действия²⁰.

Живой пример родителей и всего круга общения самураев дополняется чтением нравоучительных историй конфуцианского характера, повестей о героизме самураев (*гундан*), изучением истории. С ранних лет детей самураев приучали к виду крови и смерти, к опасности и преодолению любых трудностей. Ничто не должно было их смутить и утратить.

Обряд совершеннолетия (*гэмпуку*). Обряд совершеннолетия считался одним из самых важных моментов в жизни самурая.

Обычно посвящение молодого самурая в совершеннолетие происходило в возрасте 12–15 лет, хотя в неписаном кодексе Бусидо возраст совершеннолетия четко оговорен не был. Совершеннолетним могли провозгласить и в очень раннем возрасте. При этом новообращенного нарекали новым взрослым именем. Обряд совершался обычно в синтоистском или буддийском монастыре в торжественной обстановке²¹. Авторитетный старейшина рода или знатный почетный гость, часто сюзерен, ночью, в обстановке таинственности и священнодействия провозглашал юношу равным среди равных в братстве самураев. Ему впервые делали взрослую особую прическу, которая, как и ношение двух мечей, являлась символом принадлежности к сословию рыцарей.

Обряду предшествовал долгий период исключительно трудных физических и моральных испытаний, для того, чтобы понять, готов

ли юноша стать самураем. Испытуемый мог находиться в совершенной темноте, практически без еды, целый месяц. Он должен был уметь выжить в лесу и горах и сам убить хищного зверя. В долгих бдениях в монастыре юноша не должен был спать, подкрепляя свои силы лишь крепким чаем. Находясь в состоянии сумеречного сознания, часто балансируя между жизнью и смертью, неофит должен был совершить мистическое путешествие в потусторонний мир духов умерших предков и, находясь в стране мертвых, получить от них их знания и опыт. Будущий рыцарь должен был показать свое умение владеть оружием и приемами рукопашного боя, терпеть боль, раны, всевозможные испытания. Выдержать подобного рода испытания на зрелость мог только человек, умеющий владеть своей психикой и телом, обладающий особым самообладанием и умением зомбировать собственную психику, а также самогипнозом и интуитивным мышлением. Человек должен быть готов хладнокровно взглянуть в глаза смерти и, если нужно, сделать себе харакири.

В 10–12 лет дети самураев часто сопровождали своих отцов в их военных походах. Смерть отца делала главой семьи старшего сына. Конечно, его опекали, но тем не менее главой семьи считался он. Младшие братья подчинялись старшему брату. Разумеется, верность сюзерену господствовала над всем²².

Сыновья почтительность и верность сюзерену. Поскольку на формирование домашнего уклада самураев сильное влияние оказали конфуцианские идеи, ему были присущи строгие официальные признаки, сложившиеся под воздействием долгой истории и традиций. Патриархат неукоснительно соблюдался. Глава дома (клана, рода, семьи) имел огромную власть, и ему добровольно подчинялись все другие члены семьи, считавшие его главенство священным и безусловным²³. Большое значение придавали продолжению рода, прославлению и возвышению своего дома. Самураи всегда знали свое происхождение и имена предков. Они гордились семейной историей, которая передавалась из поколения в поколение. Прерывание родословной считалось позором для семьи и преступлением в отношении предков — поэтому самурай должен был поддерживать славу и достоинство своего клана, имеющего долгую историю.

Преданность родителям ставилась превыше всего. Самурай должен был вести себя в строгом соответствии с долгом сыновней

почтительности. Каким бы способным, умным, красноречивым и добрым он ни был рожден, все это бесполезно, если он не почтителен. Даже если родители сварливы и своенравны, сын должен был относиться к таким родителям с почтением и потакать их плохому характеру. Полностью отдавать свои силы таким родителям — вот подлинная сыновья почтительность. Человек, не способный быть почтительным по отношению к своим родителям, едва ли будет верен своему господину. Ихара Сайкаку в своей новелле о «Двадцати непочтительных детях Японии» рассказывает о детях, которые не желали трудиться и сидели на шее у родителей. Они только и знали, что пускать деньги, накопленные их родителями, по ветру. «Незавидная участь выпала отцам этих повес: всю молодость они трудились в поте лица, а на старости лет некому было о них позаботиться»²⁴.

Подобных рассказов о неблагодарных детях немного. Это, на наш взгляд, говорит о том, что представления об уважении и почтительности по отношению к родителям твердо укрепились в умах японцев.

Более того, «сам глава клана оказывал милости тем, кто проявлял верность сюзерену и почтение к родителям, все становились на стезю благочестия, и в стране той царили мир и спокойствие»²⁵.

Самурай, исполненный чувства долга, поступая на службу к господину, глубоко понимает Путь верности и проявляет его не только тогда, когда его господин процветает, но и когда тот в беде, и не покинет его, даже когда из 100 всадников у него останется 10. Он будет защищать его до конца, считая свою жизнь ничем в сравнении с воинской верностью.

«Жизнь мимолетна, подобно капле вечерней росы и утреннему инею. Так же скоротечна и жизнь воина. Если он будет утешать себя мыслями о вечной службе господину или рассуждать о бесконечной преданности своим родным и близким, может случиться так, что он, пренебрегая долгом, не захочет выполнить его перед господином и забудет о верности своей семье. Но если он живет сегодняшним днем и не думает о завтрашнем, стоя перед господином, ожидает от него приказаний так, как будто это его последнее мгновение, а, глядя на родных, чувствует, что больше никогда их не увидит, его сердце будет исполнено верности и сыновней почтительности, а чувства долга и преклонения будут искренними»²⁶.

Таким образом, семейная организация общества самураев носила ярко выраженный клановый характер и строилась по принципу «оя — ко» (беспрекословное подчинение отцу или покровителю). Клан был всем для самурая. Это был микрокосмос, государство в государстве. Самурай не дорожил своей жизнью, но он заботился о жизни и славе своего клана, увеличении его влияния в обществе. Самураи прекрасно знали свою родословную, какому предку и чем они обязаны, чттили своих предков и стремились, чтобы их личные заслуги перед кланом превзошли деяния их предшественников. Клан самурая был его опорой²⁷.

Социальная и идеологическая роль института семьи в японском обществе была очень значительной. Семья для самураев — это прежде всего долг, поэтому они серьезно, с чувством ответственности относились к своим семьям. Именно в принципах семейной морали была заключена исходная суть учения Конфуция.

Жена самурая являлась олицетворением верности, терпения и долга перед мужем. Она охраняла семейный очаг: уют в нем и тепло. Но в случае непристойного поведения жены супруг, не раздумывая ни секунды, рвал все семейные узы, дабы не опозорить свою честь и честь самурайского рода.

Вместе муж и жена должны были стать хорошими родителями для своих детей, воспитать их в строгости и всегда являться достойным примером для них. Родители в самурайской семье стремились к тому, чтобы их дети, повзрослев, с одной стороны, смогли с достоинством выполнить свой социальный долг (девочка — стать верной и преданной женой самурая, мальчик — быть преданным своему господину и готовым в любую минуту отдать за него жизнь), а, с другой стороны, — чтобы в старости они окружили родителей заботой и любовью.

¹ Книга самурая: *Юдзан Дайдодзи*. Будосёсинсю. *Ямамото Цунэтомо*. Хакагурэ. *Юкио Мисима*. Хакагурэ Ньюмон. СПб., 2004. С. 286.

² *Филиппов А. В.* Стостатейные установления Токугава и «Кодекс из ста статей» СПб., 1998. С. 130.

³ *Басов А. Р.* Самурай. М., 2004. С. 87

⁴ Книга самурая... Указ. соч. С. 286.

⁵ *Басов А. Р.* Указ. соч. С. 100.

⁶ *Ekiken Kaibara*. Women and Wisdom of Japan. Harvard University, 1905. P. 37.

⁷ Op cit. P. 37–38.

⁸ Книга Самурая... Указ. соч. С. 258.

⁹ Идеалы самураев. Пер. с яп. Котенко Р. В. СПб., 2004. С. 258.

¹⁰ *Ekiken Kaibara*. Op cit. P. 53

¹¹ *Тикамацу Мондзаэмон*. Копьеносец Гондза в двойном плаще. СПб., 1997. С. 176.

¹² *Басов А. Р.* Указ. соч. С. 164–165.

¹³ *Тикамацу Мондзаэмон*. Указ. соч. С. 206

¹⁴ Там же. С. 207

¹⁵ Там же. С. 214–215.

¹⁶ *Ихара Сайкаку*. Записки о хранителях самурайской славы. СПб., 2002. С. 342.

¹⁷ *Ихара Сайкаку*. Повести о самурайском долге. СПб., 2002. С. 355.

¹⁸ Книга самурая... Указ. соч. С. 324.

¹⁹ *Тикамацу Мондзаэмон*. Указ. соч. С. 232.

²⁰ *Басов А. Р.* Указ. соч. С. 169.

²¹ Там же. С. 170

²² Там же. С. 171.

²³ *Кавасима Т.* Нихон сякай но кадзокутэкикосэй (Японское общество и семья). Токио, 2000. С. 15.

²⁴ *Ихара Сайкаку*. Новеллы. Двадцать непочтительных детей Японии. М., 1981. С. 27.

²⁵ Там же. С. 28.

²⁶ Книга самурая... Указ. соч. С. 22.

²⁷ *Басов А. Р.* Указ. соч. С. 172.

К. О. Рябов

ФЕНОМЕН ПОНЯТИЯ «КАВАИЙ» В ЯПОНСКОЙ АНИМАЦИИ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Слово «кавайй» буквально переводится как «милый», «симпатичный», «миловидный», однако, помимо приведенных значений, оно также обозначает более отвлеченное понятие чего-то драгоценного, т. е. некую абстрактную характеристику, привлекающую к себе внимание и пробуждающую желание защитить такие качества субъекта, ею наделенного, как чистота и невинность¹.

Слово «кавайй» впервые появилось еще в эпоху Тайсё (1912–1926), однако изначально оно звучало как «каваюси». В подобном звучании данное слово просуществовало вплоть до окончания Второй мировой войны, после чего было преобразовано в «каваюй». Лишь в конце 1970-х – начале 1980-х годов в результате определенных лингвистических пертурбаций это слово приобрело свое сегодняшнее звучание – «кавайй». Однако, несмотря на многочисленные фонетические трансформации слова «кавайй», его смысловое содержание в основном не изменялось. Тем не менее в своем первоначальном смысловом содержании оно в первую очередь означало «робкий», «смущенный» и «жалкий». Любопытно, что еще в таком памятнике японской классической литературы, как «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи моногатари». XI в.), в контексте выражения чувств жалости и сострадания, а также в отношении людей и предметов, вызывающих чувства подобного рода, использовалось слово «кавай», созвучное со словом «кавайй»². Примечательно также то, что современное слово «кавайсо», являющееся производным от того же «кавайй», имеет такие значения, как «жалкий», «бедный», «несчастный», что позволяет проследить определенную смысловую преемственность между устаревшей и современной формами слова.

Первые предпосылки к формированию данного культурного феномена, выражающегося понятием «кавайй», отчетливо про-

явились после окончания Второй мировой войны, когда японцы (в частности, представители мужского пола), пребывая в смятенных и расстроенных чувствах, вызванных капитуляцией их родины перед силами союзников и последующей оккупацией страны, потеряли уверенность в себе и поддались отчаянию. Искусственно навязанная зависимость страны от США в сочетании с желанием самих японцев раствориться в «коллективном бессознательном» крупных корпораций и фирм, начинавших свое становление в тот период времени, привела к тому, что претерпевшее ряд существенных изменений самосознание японцев было в еще большей степени подвергнуто отчуждению и искажению. В свою очередь, данное обстоятельство вызвало определенного рода искажение представлений о межполовых взаимоотношениях и распределении ролей среди представителей разных полов в японском обществе. Мужчины вследствие депрессии и заниженной самооценки приобрели привычки незрелых юнцов, ищущих защиты и покровительства у более зрелых женщин. Одновременно с этим те же самые мужчины нуждались в удовлетворении своих амбиций и утверждении собственного превосходства, для чего существовала другая категория представительниц слабого пола – молоденькие девушки, которые хотели, чтобы их оберегали и почитали.

Таким образом, социальная роль женщин в послевоенной Японии приобрела определенную противоречивость: с одной стороны, они становились более самостоятельными и финансово независимыми, а с другой – в равной степени оказывались в позиции зависимых и слабых. Однако к роли покорного послушания японкам было не привыкать, поскольку еще в эпоху Муромати (1336–1573) в Японии получили распространение конфуцианские представления о трех добродетелях, которыми должна обладать каждая женщина. В их число входило повиновение отцу в детстве и отрочестве, покорность мужу в замужестве и преданность детям в старости. Подобные представления о пассивной роли женщины как преданной дочери, беспрекословно верной жене и заботливой матери получили новое прочтение в послевоенный период, когда внешняя беспомощность и невинность были особенно востребованы. Именно «беспомощность» в положительном смысле слова также входит в число значений понятия «кавайй». Выражение «кавайй нэ!», использованное молодым человеком по отношению

к девушке, имеет комплиментарное значение, т. е. носит положительный характер. В данном случае подчеркиваются внешняя миловидность и сопутствующая ей по стереотипу беспомощность девушки, что импонирует тому, от кого исходит подобный комплимент. Однако то же самое выражение, примененное женщиной в отношении мужчины, носит негативный оттенок и отражает мягкую форму презрения к тому, кто удостоился подобного эпитета.

Принято считать, что популяризации слова «*кавай*», изначально распространенного среди школьников старших школ наряду с «*каккой*», в 1980-х годах способствовали так называемые группы хулиганов *босо-дзоку*, а, точнее, их девушки. Они употребляли данное слово по отношению к изображениям котят *намэ-нэко* — другой феномен популярной культуры Японии, заслуживающий отдельного исследования, но, так или иначе, неразрывно связанный с понятием «*кавай*». Стоит лишь сказать, что *намэ-нэко* (название произошло от сочетания жаргонного выражения «*намэн-наё*», дословный перевод которого может выражаться схожим выражением русского языка «Не пудрите мне мозги!», и слова «*нэко*», означающего «кошка») получили распространение в 1980-е годы и представляют собой целую мультимедийную «вселенную», охватывающую огромный пласт массовой культуры Японии, начиная от плюшевых игрушек и плакатов с изображениями котят, одетых в человеческую одежду, и заканчивая посвященными им аудиозаписями и телепередачами. Одежда, в которой могли изображаться котята *намэ-нэко*, также была самой разной — от традиционных японских кимоно и деловых костюмов сарариманов (англ. *salary man*) до кожаных курток и бандан самих *босо-дзоку*.

Дальнейшее распространение слово «*кавай*» получило в среде молодых сотрудниц японских компаний и фирм, школьные и студенческие годы которых приходились на время возникновения разного рода жаргонных выражений. Таких девушек иронично называли *сан-го-дзоку*, т. е. «группа трех слов», поскольку они по любому поводу использовали три универсальных слова японского языка: «*хонто*», «*усо*» и «*кавай*» («правда?», «не может быть!» и «какая прелесть!»).

Сфера применения слова «*кавай*» необычайно широка. Оно может употребляться при описании внешних качеств человека

или каких-то черт его характера; этим словом может быть охарактеризована одежда или какая-либо вещь; оно применимо даже по отношению к почерку или манере говорить того или иного человека, а также по отношению к продуктам питания.

Одной из главных сфер применения особого визуального стиля, характеризующегося словом «*кавай*», является японская анимация, которая одновременно с популяризацией данного культурного феномена задает тенденции его дальнейшего развития. Вопреки распространенному заблуждению, отнюдь не каждый герой или героиня *анимэ* наделяется визуальными признаками, выражающимися через понятие «*кавай*». Персонажи, призванные художниками и аниматорами быть «милыми», как правило, имеют общие внешние черты, выдающие в них ту самую пресловутую «миловидность». Их внешность обычно имеет самые заурядные черты, лишена ярко выраженной привлекательности; глаза у всех без исключения таких персонажей предсказуемо крупные, выражающие различные эмоции самой разной степени интенсивности; а их части тела обладают нарочитой одутловатостью, припухлостью, им придаются округлые очертания³.

Одним из самых ранних примеров «милых» персонажей в их классическом понимании считается Атом из анимационного сериала «Могучий Атом» знаменитого японского мультипликатора Тэдзука Осаму. Яркими образцами подобной стилистики изображения внешности персонажей также можно назвать героев ранних фильмов Миядзаки Хаяо, в особенности Ситу и Пазу из «Небесного замка Лапута», Мэй и заглавных духов Тоторо из «Моего соседа Тоторо» и главную героиню из «Навискаа из Долины Ветров». Примечательно, что у Миядзаки не только упомянутые протагонисты, но и отрицательные персонажи нередко приобретают «милые» черты внешности. Миядзаки Горо в своей картине «Сказания Земноморья» успешно имитировал дизайн персонажей ранних творений своего отца. А в анимационном фильме «Почти человек» («*Parumi-no ki*», Kadokawa/GENCO, 2001) режиссер Накамура Такаси (род. 1955 г.), которому в свое время удалось поработать над анимацией в «Навискаа из Долины Ветров», не менее успешно перенес характерную внешнюю стилистику Навискаа и других действующих лиц фильма Миядзаки-старшего на героев, вдохновленных сказкой «Приключения Пиноккио»

(1883 г.). Другой яркий пример персонажа, наделенного внешними атрибутами визуального стиля *кавай*, — Асахина Микуру из «Меланхолии Харухи Судзумии». Ее образ как нельзя лучше соответствует всем аспектам классического представления о милой «героине»: она полновата, черты ее лица округлы и нежны, глаза излучают невинность и доброту. Даже в самом сериале время от времени персонажи позволяют себе иронизировать над внешностью Микуру и негласно признают ее своим *моз*-талисманом.

Подобно *тиби*-стилизации персонажей, суть которой заключается в визуальном искажении пропорций персонажа (большая голова и маленькое тело) и которую часто ошибочно отождествляют с «милым» стилем изображения, визуальные особенности последнего также могут переноситься на зооморфные образы и иметь далеко не самые однозначные и стереотипные толкования. Так, духи Тоторо, которые совершенно определенно имеют животные черты, тем не менее представляются ничуть не меньшими «милашками», нежели малютка Мэй. Похожую аналогию можно провести между Навсикаей и ее ручным зверьком Тэто, а также — между Саги Цукико и «живой» игрушкой Мароми из «Агента паранойи».

Другими словами, выразительные средства стиля *кавай* не являются прерогативой героев-людей, а, наоборот, в равной степени применимы и к тем действующим лицам, чью внешность нельзя однозначно назвать «милой» по общечеловеческим стандартам. Еще одним интересным примером проявления внешних черт, характерных для данного изобразительного стиля, у нетипичных образов может служить Альфонс из анимационного сериала «Стальной Алхимик». Представляя собой по сути оживший доспех, неспособный выражать человеческие эмоции при помощи привычных средств, он тем не менее умудряется сохранять внешнюю человечность и тем самым вызывает симпатию у зрителей. Более того, благодаря грамотному применению образных систем, эндемичных японской анимации, грудка железа превращается в «милое» существо, не уступающее по степени данного качества ни духам Миядзаки, ни прелестным девочкам из целого ряда однотипных *анимэ*-сериалов.

Тем не менее сферы употребления как самого слова «*кавай*», так и визуальных атрибутов, которые оно выражает, не огра-

ничиваются одной лишь анимацией. Как уже отмечалось выше, они чрезвычайно разнообразны, но так или иначе связаны с коммерцией и консюмеризмом. Так, формирование спроса на продукцию подобного рода было вызвано во многом благодаря моде на милотный почерк, возникшей в 1970-х годах. Особенность подобного почерка, который в Японии называли «*марудзи*» или «*буриккодзи*», заключалась в его нарочитой детскости и своеобразной стилизации иероглифов с вкраплением в текст всевозможных картинок, наподобие «сердец» и звездочек. В результате ажиотажа, возникшего вокруг подобного стиля письма, японская фирма по производству канцелярских принадлежностей «Санрио», впоследствии создавшая один из самых узнаваемых брендов в мире «Hello Kitty», начала выпускать канцтовары и дневники для школьников, обладавшие аналогичной почерку визуальной комплиментарностью. Такая продукция вызвала огромный спрос среди студентов и школьников, что подвигло компанию «Санрио» продолжить выпуск продукции, сделанной в стиле «*кавай*».

К концу XX в. «Санрио» получила монополию на производство и выпуск так называемых «*фанси гудзу*» (от англ. *fancy goods*), т.е. сопутствующих товаров, обладающих характерным броским внешним видом. На сегодняшний день продукция фирмы включает в себя всевозможные канцелярские принадлежности, игрушки по мотивам *анимэ*-фильмов и комиксов-*манга*, сумки и полотенца с изображением персонажей тех же *анимэ* и *манга* и многое другое. Впоследствии феномен «*кавай*» нашел свое отражение даже в дизайне тех вещей, которые, на первый взгляд, не имеют ничего общего с визуальной эстетичностью, — бытовой техники, мебели и даже автомобилей. Например, в 1987 г. компания «Ниссан» выпустила автомобиль марки «Nissan Be-1», обладавший привлекательным дизайном с множеством округлых линий, а в 1991 г. японский дизайнер Нисияма Минако (род. в 1965 г.) создала кровать, выполненную в стиле игрушечной мебели куклы Рика-тян — японского аналога американской куклы Барби.

Не избежали всеобщего увлечения «милыми» вещами и предметы гардероба японцев. Так, в начале 1980-х годов японский дом моды «Pink House Ltd.» начал выпускать одежду, смоделированную таким образом, чтобы люди, в нее одетые, выглядели милыми и невинными, словно дети. В белые, розовые и пастельные тона

была окрашена одежда для женщин, а мужские варианты имели более яркую и даже радужную окраску. Кроме того, как правило, такая «милая» одежда была пушистой и имела всевозможные украшения вроде оборочек и бантиков. Также нередко она была сделана намеренно зауженной или укороченной и снабжена изображениями персонажей и символикой из анимационных фильмов. К началу 1990-х годов одежда стиля «кавай» приобрела более законченный и самобытный характер, но одновременно с этим стала более эксцентричной и дерзкой. Большой популярностью пользовались белые, узкие футболки, пушистые шерстяные шапки, комбинезоны и укороченные свитера. Стали преобладать более зрелые оттенки и мотивы, яркие же цвета, оборочки и изображения героев комиксов и *анимэ* сошли на нет.

Естественным продолжением моды стиля «кавай» можно назвать такое явление массовой культуры Японии, как *косплэй* (от англ. *costume* и *play*). *Косплэй* — это своеобразный маскарад, в котором может принять участие любой желающий, переодетый в костюм любимого персонажа комиксов *манга*, *анимэ* или видеоигр. Такие костюмы обычно имеют самую затейливую форму и футуристический фасон, а шьют их в большинстве случаев сами поклонники *анимэ* или же заказывают в специализированных ателье. Помимо маскарада, понятие «*косплэй*» также подразумевает участие в караоке, всевозможных выставках и любительских фотосессиях. Участники *косплэя* должны не только внешне соответствовать тому персонажу, которого они изображают, но также знать наизусть его коронные фразы и уметь принимать характерные позы.

Термин «*косплэй*» ввел в обиход основатель студии по созданию анимационных фильмов «Studio Hard» Такахаси Нобуюки (род. в 1957 г.), когда использовал его в статье, посвященной впечатлениям от собрания любителей научной фантастики World-Con, которое проходило в 1984 г. в Лос-Анджелесе⁴. Такахаси не мог использовать в контексте описания подобного мероприятия слово «маскарад», поскольку в японском языке оно носит официальный характер и означает исключительно «костюмированный вечер среди аристократов». Таким образом, Такахаси пришлось искать более емкий аналог слова «маскарад», и в результате долгих раздумий он изобрел словосочетание «*costume play*», видоизмененное на японский манер в «*косупурэ*», или просто «*косплэй*». Стоит отме-

тить, что практическое воплощение значения слова «*косплэй*», как это ни парадоксально, произошло еще до введения самого слова в обиход. В 1980 г., за 4 года до судьбоносной поездки Такахаси в Лос-Анджелес, поклонники японской анимации и комиксов-*манга* пришли на собрание любителей комиксов Comic-Con, которое проходило в Сан-Диего. Они были наряжены в персонажей своих любимых анимационных фильмов.

Дальнейшему распространению и популяризации как самого феномена массовой культуры, так и единицы слова, его определяющего, способствовали японские фанаты *анимэ* и *манга*, которых называют звучным словом «*отаку*». Сами *отаку* представляют собой не меньший феномен японской популярной культуры, нежели *косплэй* или понятие «*кавай*», и, что самое важное, находятся в тесной связи с этими двумя явлениями молодежной субкультуры Японии. Ведь именно они заложили основы и сформировали целый ряд направлений в массовой культуре страны, породившей в своих глубинных недрах специфического культурного и исторического опыта особый стиль анимации и иллюстрированных книжек повествовательного характера, т.е. *анимэ* и *манга*. Другими словами, *отаку*, являясь характерными представителями той среды японского общества, которая выработала эти изобразительные средства, не только способствуют приданию большей популярности предметам своего увлечения, но также создают новые тренды и способы самовыражения в кругу себе подобных.

Говоря об *отаку*, нельзя не отметить, что именно они в последние несколько лет служат источником вдохновения для тенденций стиля «*кавай*», а вещи получают статус «милых» только после того, как их признали таковыми представители данной субкультуры. Тем не менее, сами *отаку* не используют слово «*кавай*», а употребляют вместо него иное жаргонное слово «*моэ*», которое является производным от глагола «*моэру*», что значит «распускаться», «пускать ростки». Как и *кавай*, *моэ* употребляется для выражения неожиданно нахлынувшего чувства симпатии к чему-либо, но, помимо этого, оно носит более отвлеченный характер и подразумевает также некое чувство удовлетворения⁵.

Возвращаясь к теме «милой» одежды и *косплэя*, следует заметить, что другая ярко выраженная субкультура Японии — так называемые «Лолиты» — обязана своим появлением именно этим

элементам японской популярной культуры. Используя эстетические особенности визуальной составляющей стиля «кавай», представительницы данной субкультуры, носящей имя заглавной героини романа В. В. Набокова (1899–1977 гг.) «Лолита» (1955 г.), предстают в образе живых кукол, сочетая в себе детскую непосредственность, инфантилизм и изящную женственность. Яркими примерами этого необычного синтетического образа могут служить Аманэ Миса из анимационного телесериала и серии комиксов-манга «Тетрадь смерти» и Козетта из OVA-сериала «Портрет малышки Козетты» («Kozetto-no shozo», Aniplex, 2004).

Еще один немаловажный элемент феномена «кавай» — это японские продукты питания. Самым ярким примером «милой» еды можно назвать сладости и кондитерские изделия, которые в наибольшей степени вызывают ассоциации с детьми и, соответственно, с чем-то нежным и милостивым. В менталитете японцев с детства закладывается четкое различие между горьким алкоголем, испокон веков являющимся вотчиной взрослых, и сладкими кондитерскими изделиями, которым отдают предпочтение преимущественно дети. Однако ввиду тех параллелей между культурой «кавай» и ролью женщины в японском обществе, о которых говорилось выше, данный атрибут кулинарных предпочтений также переносится на представительниц слабого пола. Так, милой и женственной, т.е. отвечающей внешним стандартам понятия «кавай», считается та девушка, которая любит сладости, а та, которая употребляет алкоголь и ест горькую или соленую пищу, неизбежно приобретает в глазах японцев мужеподобные черты. Вместе с тем мужчина, отдающий предпочтение десерту вместо пива, уподобляется женщине и считается слабаком и подкаблучником, а, значит, также может быть охарактеризован подобным эпитетом, но с другим, более негативным оттенком.

В 1980-е годы особенно популярными в Японии были мягкие сладкие булочки, молочные напитки и легкие десерты. Большим спросом также пользовалось мороженое, которое продавалось в особых, затейливо украшенных кафе. Ежегодный прирост отрасли мороженого составлял 5% в год, в результате чего к 1989 г. общая прибыль от его продаж составила 100 млн долл.⁶ В те или иные годы существовал спрос на всевозможные сладкие изделия (вроде пудингов), сырный пирог *тизу-муси-пан*, кремевые пи-

рожные *тирамису*, филиппинскую сладость *ната дэ коко* и итальянский десерт *панна котта*. Зачастую сладости стиля «кавай» имели отличительные символы и этикетки, которые отличались миниатюрной формой и были украшены оборочками и завитками. Примером такого рода «милых» сладостей может служить продукция фирмы «Ролли Долл», основанной в 1985 г. Эта фирма владеет сетью кондитерских магазинов по всей Японии, торгующих сладким печеньем домашнего производства.

Большую роль в придании визуальных атрибутов стиля «кавай» самой заурядной еде играет *о-бэнто* — завтрак или обед, упакованный в особую переносную коробочку. Изначально она использовалась детьми для того, чтобы приносить с собой в школу еду, приготовленную дома. Впоследствии *о-бэнто* приобрела универсальный характер и сегодня в равной степени используется как школьниками, так и офисными работниками. Существуют тематические *о-бэнто*, в которых еде придается самая причудливая форма, а упаковывается она таким образом, чтобы составлять определенную композицию. Например, овощи или фрукты в такой *о-бэнто* могут быть вырезаны в форме цветов, сваренные вкрутую яйца превращены в куклу-*дарума* или кролика с ушами из зелени и глазами из кусочков пикули, яблоко — в ананас, огурец — в лодку, а морковь — в красный башмачок⁷. Главный принцип заключается в том, что еда, которую помещают в *о-бэнто*, теряет свою естественную форму. Другими словами, при приготовлении пища приобретает ярко выраженные искусственные черты. Немаловажным также является порядок, в котором разложена еда — каждый отдельный продукт имеет определенные границы, за пределы которых он не должен выступать, и сохраняет однородность своей консистенции. Помимо причудливых форм самой еды, «милой» вид ей также помогают приобрести различные декоративные предметы, изготовленные вручную либо купленные в специализированных магазинах. Всевозможные подставки, подносы, чашки, дополнительная мини-тара, контейнеры для хранения посуды и палочек-*хаси*, бумажные и матерчатые салфетки, алюминиевые бутылочки и сменные бумажные разделители для еды обычно имеют изображения персонажей или символику *аниме*-фильмов и комиксов-*манга*, что способствует приданию самому *о-бэнто* более характерных признаков стиля «кавай».

Феномен понятия «кавай» имеет большое значение для массовой культуры Японии как в целом, так и для японской анимации в частности. Имея глубокие исторические корни, это понятие чаще всего ассоциируется преимущественно с современной субкультурой Японии, в которой оно нашло множество проявлений. Преобладающей сферой применения визуальных атрибутов понятия «кавай» стала японская анимация, художественно-визуальные особенности которой позволили идеально запечатлеть всю многогранность данного феномена, а интеграция анимации в массовую культуру послужила основой для формирования модных тенденций в японском обществе. Эти тенденции нашли свое наибольшее проявление в таких сферах, как одежда, пища, детские и сопутствующие товары, а также в сфере письма и социальных отношений. Можно предположить, что в будущем феномен «кавай» не только продолжит свое существование, но также получит большее распространение благодаря расширению сфер его употребления.

¹ Hasegawa Yuko. Post-identity kawaii: Commerce, Gender and Contemporary Japanese Art // Consuming Bodies: Sex and Contemporary Japanese Art. London, 2002. P. 127.

² Shiokawa Kanako. Cute but Deadly: Women and Violence in Japanese Comics // Themes and Issues in Asian Cartooning: Cute, Cheap, Mad, and Sexy. Bowling Green. Ohio, 1999. P. 95.

³ Op cit. P. 97.

⁴ Winge Theresa. Costuming the Imagination: Origins of Anime and Manga Cosplay // Mechademia. Vol. 1: Emerging Worlds of Anime and Manga. Minneapolis, 2006. P. 67.

⁵ Roland Kelt. Japanamerica: how Japanese Pop Culture has Invaded the U.S. New York, 2007. P. 162.

⁶ Ashkenazi Michael, Jacobs Jeanne. The Essence of Japanese Cuisine: an Essay on Food and Culture. Philadelphia, 2000. P. 184.

⁷ Allison Anne. Japanese Mothers and Obentos: the Lunch-box as Ideological State Apparatus // Food and Culture: a Reader. London, 2007. P. 207.

11 марта 2011 года в Японии произошло мощнейшее землетрясение магнитудой 9. Последствия его оказались для страны чудовищными.

Сотрудники Института Дальнего Востока РАН выражают искренние соболезнования родным и близким погибших и пострадавших.

Надеемся, что японский народ мужественно перенесет эту трагедию и в скором времени вернется к нормальной жизни.

Институт Дальнего Востока выражает готовность и далее прилагать усилия к развитию отношений между Россией и Японией на благо народов наших стран.

Научное издание

Актуальные проблемы современной Японии
Выпуск XXV

Редактор П.М. Кожин

Корректор Н.Б.Потапова

Оригинал-макет и обложка С.А.Суднищиковой

Учреждение Российской академии наук
Институт Дальнего Востока РАН
117218, Москва, Нахимовский проспект, 32.

Подписано к печати 29.08.2011.

Формат 60 x 84/16.

Печ. л. 10,375. Тираж 150 экз.

Заказ № 20.